

Эмин Джафаров / Коммерсантъ

Григорий ЯВЛИНСКИЙ

ПОЛИТИЧЕСКАЯ ЭНТРОПИЯ

Цифровые технологии и глобализация беспорядка

Москва
«Медиум»

УДК 32-027.21

ББК 66.0

Я20

Явлинский Г. А.

Я20 **ПОЛИТИЧЕСКАЯ ЭНТРОПИЯ. Цифровые технологии и глобализация беспорядка** / Предисловие А. В. Рябова. – М. : «Медиум». – 188 с.: цв. ил.

ISBN 978-5-85691-091-8

В книге «Политическая энтропия» рассматриваются процессы, вызывающие кризисные явления в мировой политике и формирующие экономику новой эпохи. Автор указывает на серьезные изменения в обществе в контексте влияния четвертой промышленной революции, прежде всего информационно-коммуникационных технологий, на политику и жизнь человека.

Редактор: А. Х. Фишман

Составители: А. Х. Фишман, И. А. Яковлев

Корректор: Р. М. Синаюк

Фото на обложке:

PRNewsfoto/Saudi G20 Presidency

Reddit.com @u/Ketcchup

ISBN 978-5-85691-091-8

© Явлинский Г. А., 2021

© Рябов А. В., предисловие, 2021

Содержание

Предисловие.....	4
ВВЕДЕНИЕ.....	15
ЧАСТЬ ПЕРВАЯ	
Потеря будущего.....	20
Глава 1. Время тревог и перемен	22
Глава 2. Глобальный дисбаланс и кризисная смена лидерства	48
Глава 3. Будущее России в глобальной политике.....	62
Глава 4. Способность к переосмыслению	71
Глава 5. Предопределенность кризиса	80
ЧАСТЬ ВТОРАЯ	
Цифровые технологии и глобализация беспорядка.....	94
Глава 1. Мир без альтернативы	96
Глава 2. О политических системах новой эпохи.....	102
Глава 3. Пандемия и политика	112
Глава 4. Информационная охлократия	120
Глава 5. Об экономике новой эпохи.....	132
Глава 6. Массовые протесты и современный мир	144
Глава 7. Put Your House in Order.....	149
Глава 8. Что делать? Институционализация ценностей.....	162
ЗАКЛЮЧЕНИЕ.....	175
Список литературы.....	178

Предисловие

Утверждения о том, что мир уже не будет таким, как прежде, после пандемии COVID-19 стали своеобразным лейтмотивом в рассуждениях политиков и деятелей культуры, журналистов и экспертов в разных отраслях знания о будущем человечества. И мир действительно меняется буквально на наших глазах, но не только и не столько из-за коронавируса. Кризисные явления, ставшие особенно очевидными на фоне пандемии и охватившие сегодня все стороны социальной жизни на нашей планете, возникли не одновременно. Некоторые имеют длительную историю, другие появились совсем недавно. Над масштабами и опасностью одних человечество задумывалось уже давно, серьезность иных стало ощущать лишь в последнее время.

Примечательно, что обострение многочисленных проблем и противоречий современного мира происходит на фоне, казалось бы, невиданного расширения возможностей человека, обусловленного революцией в информационно-коммуникационных технологиях (ИКТ) и наступлением «цифровой эры». Поэтому некоторым мыслителям и комментаторам нынешние проблемы кажутся лишь временными препятствиями, досадными девиациями на пути к «дивному новому миру», в процессе создания которого все эти проблемы могут быть легко устранены. Дайте лишь каждому индивиду, не вписывающемуся в новую «цифровую экономику», гарантированный доход и возможности безбрежного погружения в виртуальный мир желаний и удовольствий!

Но многим такая картина будущего справедливо кажется завышенно оптимистичной. С их точки зрения, создание новых иерархичных классово-сословных обществ с жесткими разграничительными линиями внутри них, сужение к минимуму социальных лифтов, по определению, сделают такие общества нестабильными и неустойчивыми по аналогии с развитыми капиталистическими странами периода “la belle époque” («прекрасной эпохи») последней трети XIX — начала XX веков. По меткому определению британского историка Эрика Хоббсбаума, это были общества для меньшинства, создавшие мир «буржуазии и для буржуазии»¹. Поэтому они оказались неустойчивыми и вынуждены были либо исчезнуть (как в России), либо трансформироваться в более инклюзивные под давлением массового революционного и рабочего движения после Первой мировой войны. Однако большинство тех, кто не разделяет излишнего оптимизма в связи с наступлением «дивного цифрового мира» (если перефразировать выражение Олдоса Хаксли), предлагает бороться с присущими ему проблемами и противоречиями методами, почерпнутыми из арсенала политики прошлого века. Речь в таких случаях идет о введении специальных «справедливых» налогов на «цифровые» транснациональные корпорации; новом перераспределении доходов в пользу бедных слоев населения путем раздачи им бюджетных денег; попытках выдавить из политического поля нежелательные популистские партии, не заботясь об устранении причин их неожиданного взлета; прямолинейном продвижении в общество взглядов и ценностей различных меньшинств, не особенно задумываясь о реакции большинства на это. Следует отметить, что такие подходы проистекают из представления о нынешней ситуации как об очередном

¹ Хоббсбаум Э. Век империи. 1875–1914 / Пер. с англ. Е.С. Юрченко и В.П. Белоножко. Ростов-на-Дону, Изд-во «Феникс», 1999. С. 12.

стадиальном кризисе капитализма, во многом повторяющем в основных чертах предыдущие кризисы, кои уже не раз случались в истории человечества. И, стало быть, разработанные ранее идеи и приемы вполне применимы и для решения нынешних проблем. Однако, как показывает политическая практика первых десятилетий нашего века, пока что ни в одной стране мира попытки разрешить современные проблемы или хотя бы ослабить их давление на общество с помощью методов прошлого, пусть даже не столь далекого, результатов не дали.

В этом контексте книга известного российского политика и ученого-экономиста Григория Явлинского интересна прежде всего тем, что рассматривает нынешний кризис не как разновидность уже случавшихся в истории капитализма кризисов, а как новое, системное явление в современной истории человеческой цивилизации. Хотя по форме книга представляет сборник статей, написанных в период с 2017 по 2020 год, на самом деле она выходит за границы этого жанра. Перед читателем материалы, пронизанные одной целью — не только описать, но и попытаться понять как целостный феномен причины нынешней неопределенности в мире, приведшей к потере человечеством видения будущего (недаром книга так и называется «Политическая энтропия», то есть неопределенность состояния). Эта неопределенность затрагивает различные сферы — экономику и социальные отношения, международную политику и политические системы государств, информационное пространство и СМИ, культуру и мораль. Автор стремится проследить нарастание неопределенности по всем этим направлениям в динамике. Поэтому не случайно, что хронологически точкой отсчета его анализа стал 2017 год — еще «допандемический» мир, когда многие кризисные тенденции уже обрели зримые очертания, а продолжение писалось в 2020 году, уже после того, как

Предисловие

нашу планету накрыла волна пандемии и многие проблемы человечества еще более обострились.

В основе размышлений автора неожиданная во многом идея о том, что после Второй мировой войны развитие человеческой цивилизации пошло не лучшим путем, что и привело к нынешней кризисной ситуации. Такая постановка вопроса действительно звучит необычно для тех, кто убежден в безальтернативности нынешней модели либерального капитализма, которая утвердилась в развитых странах во второй половине XX века, став своеобразным ориентиром развития для большей части остального человечества, для тех, кто привык рассматривать прочие социальные формы как временные девиации от этой модели. При этом Явлинский не пытается противопоставить ей какую-то выдуманную идеальную социальную систему, движение к которой помогло бы человечеству в короткие сроки избежать большинства нынешних проблем. И, конечно же, он бесконечно далек от того, чтобы в качестве таких альтернатив рассматривать различные нерыночные модели или системы авторитарного капитализма. В книге речь идет о какой-то иной, упущенной возможности создания открытого общества, также основанного на рыночной экономике, политической демократии и солидарности, но сфокусированного на иные цели.

По мысли автора, в поисках реалистичной альтернативы советскому социализму, вышедшему после Второй мировой войны за границы СССР, западная философская, социологическая и экономическая мысль предложила в качестве долгосрочного ориентира развития концепцию общества, основанного на крайнем индивидуализме, личной корысти и эгоизме, следуя которым можно будет добиться социального равновесия и устойчивости (с. 38–40). Эти философско-политические ориентиры послужили основой для выработки соответствующей экономической стра-

тегии, нацеленной не на освоение внешнего по отношению к человеческому обществу пространства, прежде всего, природы, космоса, Мирового океана, предполагавшее строительство требующей огромных затрат инфраструктуры. Эта стратегия была нацелена на развитие индивидуального потребления, «на различного рода нематериальный и культурный «контент», не требующий для своего производства гигантских материальных и энергетических затрат» (с. 34).

Создание общества потребления в развитых странах в третьей четверти XX века явилось закономерным результатом реализации такой стратегии. Информационно-коммуникационная революция, начавшееся формирование «цифрового общества» в новом столетии позволили качественно развить и усовершенствовать модель потребления, во-первых, сделав его максимально индивидуализированным, а во-вторых, сфокусировав на достижении личного комфорта здесь и сейчас, важнейшим атрибутом которого становится постоянная смена впечатлений. Это обстоятельство, кстати, и придало решающий импульс к мощному взлету индустрии развлечений в начале XXI века.

Однако революция в информационно-коммуникационных технологиях, раздвинув до невероятных масштабов разнообразие потребления, неожиданно стала подрывать, как пишет Явлинский, сами основы потребительского общества. В фазе своего расцвета оно было обществом большинства — среднего класса, стандарты образа жизни которого, его мировоззрение, ценности, жизненный уклад стали своеобразной нормой для всего общества в целом. Сложившийся на этой основе социальный консенсус в развитых странах предопределил и характер их политических систем. В них власть попеременно делили партии умеренно-центристского толка, а ответственность политических элит поддерживалась не только четко налаженной системой демократических выборов, но и моральными ограничителя-

ми. Общественное мнение формировалось под сильным влиянием авторитетных общественных и политических деятелей и профессиональных экспертов в различных областях знания.

В реалиях начала XXI века капитализм «цифровых платформ» создал такой уровень монополизма в экономике, который не снился даже централизованным монополистическим гигантам первой трети прошлого столетияⁱⁱ. Революция в технологиях положила начало массовой роботизации, которая в перспективе приведет к качественным изменениям на рынке труда, отмиранию многих ныне распространенных профессий, высвобождению миллионов людей из сферы хозяйственной деятельности, причем не только занимающихся физическим трудом, но и «белых воротничков» с высоким уровнем образования. Важнейшим социальным последствием формирования капитализма «цифровых платформ» стало усиление неравенства в обществе, его новое измерение — между бенефициарами «цифровой экономики» (разработчиками и создателями программных продуктов и платформ и их владельцами) и обычными потребителями — «юзерами». Все это сопровождается стремительным размыванием и сокращением численности среднего класса и новыми разделительными линиями по критериям качества потребления и образа жизни. Широкий выбор разнообразных, в том числе интеллектуально насыщенных форм потребления, свободное перемещение по миру у групп, стоящих на высших этажах социальной иерархии, и упрощенное межличностное общение в социальных сетях с погружением в игровую виртуальную реальность интернета у тех, кто оказался вне этих групп. По мнению Явлинского, в дальнейшем «расхождение (а возможно, и конфликт)»

ⁱⁱ Срничек Ник (2019). Капитализм платформ / Пер. с англ., под ред. М. Добряковой. М.: ИД ВШЭ. С. 83, 85–86.

между цифровым и традиционным сектором экономики «станет неотъемлемым явлением в долгосрочной перспективе» (с. 143). И уже в настоящее время это расхождение порождает все новые и новые группы недовольных, не находящих себе места в «дивном цифровом мире», которые, утратив веру в будущее, хотели бы вернуться в «золотой век» общества всеобщего благоденствия.

Углубление монополизма в экономике, невиданное расширение возможностей манипуляции общественным мнением с помощью новых ИКТ — все это способствовало усилению отрыва правящих элит от общества, превращению их в замкнутые корпорации. Следствием таких сдвигов становятся размывание ответственности политических элит перед обществом, утрата населением доверия к традиционным партиям и даже институту выборов, что ведет к росту протестного движения по всему миру, взлету популизма, обещающего возвращение в годы благополучия и уверенности в завтрашнем дне. С этих позиций автор книги подробно анализирует кризис современных политических систем развитых государств, уделяя особое внимание феномену «трампизма» (с. 149–158).

В контексте захвативших мир попыток найти альтернативу неопределенному будущему в собственном прошлом Явлинский рассматривает и развитие современной России. По его мнению, этот путь носит тупиковый характер. Россия, где общество потребления пустило глубокие корни, не сможет играть роль лидера «третьего мира» и успешно противостоять развитию Запада. Единственная для страны возможность построить достойное для себя будущее лежит на пути совместных с открытыми обществами развитых стран поисков новых решений в условиях нынешнего цивилизационного перелома (с. 69).

Подробно анализирует автор и влияние информационно-коммуникационной революции на общество и политику.

Предисловие

С одной стороны, внедрение персональных компьютеров, появление интернета, социальных сетей и мессенджеров воплотило в себе невиданный прогресс демократии, когда возникла возможность, чтобы практически каждый голос жителя нашей планеты мог быть услышанным. Мир, по меткому определению американского журналиста Томаса Фридмана, действительно стал «плоским»ⁱⁱⁱ, в нем любой человек потенциально — это не только СМИ, но и самостоятельный субъект хозяйственной деятельности, предприниматель. Но, с другой стороны, возникший в результате технологических перемен «бессистемный поток информации» сломал веками складывавшуюся систему фильтров, разрушил иерархию источников новостей и обесценил экспертное мнение. Все это в совокупности с тенденцией к преобладанию визуального контента над текстовым заметно повысило эмоциональную составляющую восприятия информации в ущерб рационально-критической. В итоге возникли новые, ранее невиданные возможности для манипулирования общественным мнением со стороны тех, кто владеет и контролирует информационные ресурсы. И в то же время стихийность и агрессивность новой информационной среды (Явлинский называет ее информационной охлократией), ее склонность к восприятию простых мнений и решений стали одним из факторов, обусловивших кризис современных политических систем. Именно благодаря информационной охлократии стали возможными неожиданное появление на политической сцене популистских политиков, сопровождающееся перераспределением политического влияния, разрушение традиционных механизмов рекрутирования элит и размывание их политической ответственности. Автор песимистичен в отношении перспектив информационной ох-

ⁱⁱⁱ Friedman Thomas L. (2006). The World is Flat. The Globalized World in the Twenty-First Century. London, Penguin Books Ltd. 660 p.

лократии. С его точки зрения, она «не приведет общество ни к свободе, ни к жизни без страха, ни к уважению к человеку» (с. 131). Более того, в сфере развития информационного пространства «общество вступает на неизведанную территорию, и возможны самые разные, в том числе непредсказуемые повороты событий» (там же). От себя хочется добавить: возможно, в этих поворотах скрываются и очередные развилки в истории человеческой цивилизации, кроются ее новые альтернативы?

Перед любым специалистом в области социальных наук, изучающим кризисные явления в современном мире, и тем более перед политиком, неизбежно встает вопрос о том, как найти путь к более справедливому, более сбалансированному миру, как должен выглядеть этот мир? Конечно, для создания проекта будущего, соответствующего этим целям, для выработки политической и экономической стратегии его построения нужны тысячи исследований, профессиональных обсуждений и широких общественных дискуссий с участием политиков, ученых, представителей бизнеса, некоммерческого сектора и массовых организаций. И это займет какое-то время, хотя для принятия судьбоносных решений его осталось у человечества не так уж и много. Поэтому сейчас возрастает значение новых идей и подходов в отношении преодоления нынешнего кризиса и выбора оптимальной модели будущего. Своими предложениями на эту тему делится с читателями и Явлинский. С его точки зрения, важнейшими условиями создания проекта будущего должно стать, во-первых, четкое осознание правящими элитами культурной и цивилизационной целостности мира. Отсюда следует, что такой проект возможен лишь как глобальный, охватывающий все страны и народы, а не только узкий круг избранных. И для создания проекта, во-вторых, нужно понимание властью имущими в развитых странах своей ответственности «именно

за весь мир, а не за „крепость“ западной цивилизации, защищаемой от „орд варваров“» (с. 166).

Но как приступить к новому проекту? «Для этого, — по мнению автора, — необходимо прежде всего иное, нежели принятое в последние 50 лет, целеполагание» (с. 166). Очевидно, не случайно, что уже в главе, посвященной новой экономике, автор, хотя и не скрывая своих сомнений, уделяет пристальное внимание трудам зарубежных экономистов, пытающихся в качестве альтернативы максимизации прибыли как цели компании предложить новые ориентиры — достижение максимального баланса интересов людей, которые прямо или косвенно затрагивает деятельность фирмы (с. 140–143). Поэтому вполне логичным представляется ход его дальнейших рассуждений о том, что «искусственному наращиванию потребностей в развитой части мира и мировоззренческому релятивизму должна быть противопоставлена (и при этом определена как главная политическая цель) институционализация ценностей» (с. 167). Это понятие Явлинский определяет таким образом: «Исходный принцип состоит в том, что люди имеют право на свободу и достоинство, просто потому, что они люди. В центре всего должны стоять жизнь человека, его возможности и творчество. И эти цели надо превращать в институты — устойчивые формы организации деятельности людей» (там же). Как полагает автор, институционализация ценностей будет приобретать различные формы в разных сферах социальной жизни. Одно дело — в международных отношениях, другое — в бизнесе, третье — в обеспечении равенства возможностей, четвертое — в судебной системе и армии. Впрочем, пересказывать эти предложения не имеет смысла, нужно просто обратиться к тексту книги.

Осуществить институционализацию ценностей в обстановке «грандиозного фейкового шторма» (с. 172) будет край-

не просто, убежден Явлинский. И неперенным условием успешного перехода к новому, более совершенному миру должно стать обеспечение свободы ценностного выбора, которую он называет главной отличительной чертой человека (с. 173). Исходя из этого утверждения автора, нетрудно предположить, что без выполнения данного условия человеческая цивилизация может и не выжить под влиянием технологических изменений, оказавшись, к примеру, под властью искусственного интеллекта. И конечно, для успешного продвижения к новым целям нужно «такое политическое лидерство, у которого прочная нравственная основа и стратегическое видение стоящих перед обществом и миром вызовов совмещаются с эффективностью в осуществлении поставленных на этой основе целей» (с. 172). Эта мысль представляется чрезвычайно важной, поскольку в условиях относительно спокойного развития последних десятилетий большинство политических лидеров привыкли жить, «плывя по течению», полагая, что если и возникают какие-то серьезные проблемы, то они как-нибудь разрешатся сами собой в будущем. А моральный релятивизм в политике, разрыв между декларируемыми ценностями и практическими действиями стал, к сожалению, широко распространенным явлением в мировой политике.

Книга интересна не только этими и многими другими авторскими оценками и предложениями, но и тем, что, без сомнения, ставит много фундаментальных вопросов, предлагая читателю самостоятельно поразмышлять над важнейшими проблемами развития и перспективами современного общества.

Андрей Рябов,

главный редактор журнала

«Мировая экономика и международные отношения»

ВВЕДЕНИЕ

Для чего и о чем написана эта книга

Стало общим местом сообщать читателю в начале политологических и экономических текстов о том, что из-за пандемии мир теперь находится в ином состоянии, что произошли существенные изменения, углубились линии разлома в экономике и обществе.

Растущее неравенство, широко распространенное чувство несправедливости, рост национальных эгоизмов, геополитические разногласия, политическая поляризация, увеличивающийся государственный дефицит и высокий уровень долга, неэффективное управление, чрезмерная монетизация, ухудшение состояния окружающей среды — вот некоторые из основных проблем, существовавших до пандемии.

Кризис, вызванный пандемией, обострил их все.

Получается странная картина: многие авторы серьезных политологических исследований и экономисты видят надвигающиеся серьезные проблемы, но при этом, похоже, никто не может или не хочет выработать план действий, который был бы направлен на их предотвращение, пока еще не слишком поздно.

Однако что должно стать первым шагом к практической политике? Для ответа на этот вопрос прежде всего необходимо понять причины кризисных явлений. Без понимания причин происходящего (в данном случае речь, конечно,

не о вирусе), как показывает история, неизбежны новые потрясения, острые конфликты и даже кровавые столкновения.

Времени на переосмысление, размышления и определение безопасного и эффективного пути в будущее совсем немного. Даже у исполнительного председателя Всемирного экономического форума в Давосе — ежегодной встречи представителей международной политической и деловой элиты — нет сомнений, что мир уверенно идет навстречу все большему экономическому дисбалансу, социальному неравенству, несправедливости и деградации окружающей среды, становится более циничным, более разделенным, более опасным, более эгоистичным и просто невыносимым для широких слоев населения земного шара [Schwab, Malleret, 2020, p. 98].

Так происходит потеря будущего.

Можно исходить из того, что мир уже проходил через подобные трудности — эпидемии, резкие рецессии, геополитические разногласия и социальную напряженность, — и надеяться, что с большими или меньшими потерями пройдет через них снова, что жизнь наладится, и экономика вместе с ней. Однако рассчитывать на это не стоит. Четвертая промышленная революция, цифровые информационно-коммуникационные технологии качественно меняют поведение людей, отношения между ними и, как результат, мир в целом.

Как в этих новых условиях дать человеку реальную свободу и возможность для творчества? Как избавить от ежедневного страха? Как сделать мир менее разобщенным и менее агрессивным, но более политически инклюзивным и справедливым?

Поиску причин и факторов, формирующих сегодняшнюю реальность, и самое главное, поиску контуров позитивной перспективы посвящена эта книга.

Практически вся первая часть книги («Потеря будущего») была написана в 2016–2017 годах — уже после «брекзита» и победы Трампа. Это продолжение анализа и выводов, изложенных в книге «Realeconomik» [Yavlinsky, 2011], которая посвящена фундаментальным причинам кризиса 2008–2009 годов.

К моменту первой публикации «Потери будущего» в 2017 году уже несколько лет шла война в Сирии, был аннексирован Крым, гибли люди в Донбассе, Европа не знала, как справиться с волной переселенцев, политический популизм стал определять значительную часть повестки дня мировых демократий. Однако абсолютное большинство тогда не видело в этих явлениях реальной угрозы сложившемуся миропорядку. Людям казалось, что все это не касается их лично: сегодня к власти придут одни, завтра будут уже другие, а если у других не получится, то их сменят третьи. Тогда еще не было ощущения системного провала в глобальной политике. Возможно, поэтому «Потеря будущего» не воспринималась в те годы так остро, как сейчас. В действительности та работа как бы опередила время, целью ее публикации было предупреждение, призыв не только к размышлению, но и к обсуждению возможного действия, предостережение о риске опоздать.

Пандемия коронавируса ускорила многие процессы в мире, обнажила скрытые ранее проблемы. В очень многих странах власти оказались почти беспомощными в противостоянии реальной угрозе, которую нельзя ни подкупить, ни запугать, ни обмануть. Современные политические системы продемонстрировали свою неработоспособность в чрезвычайной ситуации. «Потерю будущего» буквально на своем личном опыте ощутили сотни миллионов людей на всей планете.

Вторая часть книги, написанная в 2020 году, больше напоминает сводки с фронта, чем предостережения. Вот уничтоженная альтернатива, вот крах политических систем, вот информационные технологии работают против человека, вот раздавленная под этим прессом экономика.

И здесь возникает вопрос, можно ли было еще в 2017–2018 годах успеть сделать что-то, чтобы не допустить наблюдаемой сегодня повсеместно (и в первую очередь в США, в России и в европейских странах) политической энтропии? Не исключено, что да, можно было. Например, в России такой шанс, вероятно, был упущен в марте 2018 года, когда выборы президента были превращены в пропутинский плебисцит, препятствовать которому у общества не хватило даже не сил, а понимания происходящего. Именно после этого произошло повышение пенсионного возраста, ужесточились преследования противников режима, была искорежена Конституция, которая закрепила авторитарную репрессивную систему.

И во второй части книги под названием «Цифровые технологии и глобализация беспорядка» продолжается осмысление затронутых в первой части проблем, прежде всего — воздействия на человека и общество информационно-коммуникационных технологий нового поколения, связанных с экспансией интернета, возможностью сбора и обработки больших массивов данных, использованием элементов искусственного интеллекта.

Собранные в одной книге публикации, разделенные всего несколькими годами, показывают масштаб происходящего в глобальной политике, демонстрируют, с какой стремительной скоростью развиваются процессы в современном мире. То, что в 2017 году казалось отдаленной перспективой, в 2019-м приобрело уже вполне четкие очертания, а в 2020-м стало почти всем ясной, очевидной

Введение

реальностью. Но крайне важно не столько предугадать или описать кризисные явления, сколько обозначить пути выхода. Поэтому цель этой работы — обратить внимание на особенности новой эпохи и попытаться наметить безопасный и достойный свободного человека путь в будущее, найти вектор преодоления хаоса и продолжающегося кризиса государственных, политических, социальных и экономических институтов.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

ПОТЕРЯ БУДУЩЕГО

(2017–2018)

...Вдоль дороги все не так,
А в конце — подавно...

Владимир Высоцкий

Глава 1

Время тревог и перемен

В последнее время произошло много событий, серьезно изменивших самоощущение миллионов людей по всему миру, в первую очередь в экономически наиболее развитой его части, до сих пор объективно выступавшей в роли лидера мирового развития и во многом определявшей облик миропорядка.

Это, в частности, неожиданный для многих подъем *антиглобалистских и традиционалистских настроений* в развитых странах, в значительной степени определивший исход референдума о выходе из ЕС в Великобритании и президентских выборов в США 2016 года. Этот подъем оказался сопряженным с изменением восприятия в мире процессов глобализации от больших надежд и оптимизма к преобладанию тревог, опасений и разного рода страхов.

Это также *объективные изменения характера глобализации*, которая приобрела более хаотичный, менее управляемый, а во многих случаях — и откровенно дезорганизующий характер, когда стихийно возникающие потоки людей, капиталов и технологий не позволяют национальным правительствам держать под своим контролем на очень широких социальных пространствах ситуацию с занятостью, доходами, с господствующими ожиданиями и настроениями.

Это никем не предсказанный рост популярности на европейском политическом пространстве *партий и движений, апеллирующих к чувству тревоги и страха перед будущим*, к инстинктивному стремлению больших сегментов населения оградить себя от надвигающихся на них социальных и технологических перемен через обращение в прошлое, к испытанным инструментам национально-государственного регулирования.

Это ощущение непрочности существующего миропорядка, растущая вероятность его краха с неизвестными и непредсказуемыми последствиями. Это растущий страх перед неустранимыми международными конфликтами и войнами — террористическими, межгосударственными или гибридными, локальными и региональными, способными войти в фазу перманентной эскалации, вплоть до глобального ядерного противостояния.

Наконец, это разрушение привычной институциональной среды глобального информационного пространства, связанное с переизбытком каналов коммуникаций, трактовок и версий реальности, сломом иерархии социальных и медийных авторитетов.

В результате всех этих изменений у очень большого числа людей и многочисленных больших сообществ рушится не только устоявшийся образ жизни, но и прежняя система представлений о ее смысловом наполнении. Мир, окружающая реальность все чаще предстают чем-то непонятным, опасным, непредсказуемым, перестают укладываться в привычную логику. Эти страхи и опасения людей, в свою очередь, воспринимаются ответственными политиками всего мира как серьезный и побуждающий к действию вызов. Возможно, что в ближайшие десятилетия этот вызов будет осознан как главный для всего человечества, а поиск ответов на него станет основным содержанием политического поиска в предстоящие двадцать-тридцать лет.

Причины: почему будущее перестало казаться светлым

Ключевые особенности (структурные элементы) современного мира, являющиеся источником его опасностей и неопределенностей — как в глазах напуганных обывателей, так и в силу объективных причин, — вполне поддаются выделению и описанию.

Они прямо или косвенно отражаются в массовом восприятии, разрушая в нем сложившуюся в предыдущие десятилетия картину мира и понимание логики его развития. Разрушение этой логики и стало причиной той растерянности и усиливающегося страха перед будущим, которые, по мнению автора, и лежат в основе процессов, ставших предметом настоящего исследования.

В первую очередь — это *неравенство в самых различных его проявлениях в сочетании с фатальным ощущением его неотвратимого нарастания и непреодолимости*, постепенно становящееся едва ли не символом наступающей новой эпохи — «новой нормальности».

Конечно, неравенство людей по их социальному и имущественному положению существовало испокон веков, временами сокращаясь, но оставаясь одной из доминирующих черт человеческого общежития в самых разных его форматах. И если вопрос о неравенстве оказался в центре дискуссий, то не потому, что раньше его было меньше, но потому, что сегодня даже надежды на его постепенное преодоление или хотя бы ослабление вступили в противоречие с реальностью последних полутора-двух десятилетий.

Мейнстримная мысль второй половины прошлого века явно или неявно исходила из того, что прогресс технологий, рост массового потребления, интернационализация экономической жизни, переросшая в комплексную глобализацию, делают излишним и постепенно смягчают вековое

неравенство, а также крупные разрывы в уровне жизни, образования и характере участия в процессах социальной самоорганизации и политического управления, разъединяющие отдельных людей, общественные классы и группы, страны и группы стран. Сама идея глобализации в ее популярной версии предполагала постепенное выравнивание условий труда и жизни в самых различных частях мирового хозяйства и внутри общества за счет растущей свободы движения не только продуктов экономической деятельности, но и основных факторов производства — капитала, рабочей силы, применяемых технологий производства и предпринимательства. Ключевой силой, обеспечивающей необратимость этих процессов, считались транснациональные корпорации, преодолевающие сопротивление национальных правительств, склонных под давлением избирателей возводить барьеры на пути свободных международных обменов.

К концу XX века этот тренд, казалось, стал доминирующим. Глобализация экономической и политической жизни подкреплялась наблюдаемым повсеместно триумфальным продвижением концепции естественных прав личности, подразумевающей расширение доступа всех слоев общества к образованию, экономическим возможностям и управлению обществом. Казалось, что мировое сообщество вышло на магистральный путь постепенного преодоления накопленных в прежние эпохи социальных противоречий. Было понятно, что этот процесс, особенно в глобальном измерении, будет непростым и исторически длительным, но правильность выбора направления движения в кругах интеллектуальной элиты западных стран не подвергалась сомнению. Факт общественного прогресса на базе универсальных ценностей — приоритета прав личности, обеспечения реального равенства возможностей и учета интересов меньшинств, требующих особого вни-

мания для обеспечения такого равенства, — многим, если не большинству, представлялся совершенно очевидным.

Но во второй декаде XXI века новый виток технологического прогресса в сочетании с возросшей ролью юридически (и институционально) защищенной интеллектуальной собственности привел к возникновению принципиально нового неравенства — вытекающего уже не столько из традиционно неравномерного распределения накопленного богатства, сколько из господствующего положения в системе новой экономики. Соответственно, резко поменились и оценки глобальных перспектив, господствующие в интеллектуальной среде¹. Эту новую экономику называют по-разному, но главное — она базируется на интеллектуальном контенте, позволяющем не просто удовлетворять запросы потребителя, а искусственно формировать их, *контролируя его поведение*. Тем самым она фактически создает и новую элиту общества, поднимая ее над основной массой и обрекая эту массу на роль вспомогательного материала для производства контента новой экономики. Это отдельная и очень большая тема, разработке которой посвящено немало работ, но главное — еще впереди, поскольку процесс формирования «новой» экономики в качестве главного источника будущей прибыли находится еще в самом начале. Тем не менее уже сейчас есть все основания полагать (и тому уже есть реальные подтверждения), что тенденция к сглаживанию разрывов и сокращению неравенства во всем мире больше не наблюдается.

Этот относительно недавно проявившийся фактор действует не только в рамках национальных государств, где формируется и уходит в отрыв «новая» экономическая эли-

¹ «Политические и экономические следствия этого замедления (роста развивающихся стран. — Прим. авт.) будут фундаментальными. Миллиарды людей будут беднее и в течение более долгого времени, чем можно было ожидать еще несколько лет назад» [“Hold the catch-up”, 2014].

та и — одновременно — начинают размываться экономические основания для роста образованного и включенного в производственный базис массового «среднего класса», но и в рамках мирового сообщества. В глобальном масштабе всегда существовавший разрыв между ядром мирового капитализма и его ближней и дальней периферией в новых условиях не только продолжает сохраняться, но и приобретает устойчивость. Различия в размерах добавленной стоимости на разных «этажах» глобальных производственных систем и цепочек перестают сокращаться и вновь начинают увеличиваться. А это означает, что разрыв между центром (или центрами) мирового хозяйства и его провинциями, старыми и новыми, в ближайшие десятилетия не только не «рассосется», но станет более выраженным. Все базовые условия жизни, включая ее продолжительность, возможность получения высокотехнологичной медицинской помощи, профессионального образования и переобучения, качество доступных рабочих мест, степень социальной и правовой защищенности, личной безопасности и пр., в развитом мире и на периферии будут не сближаться, а, скорее, расходиться.

Этот растущий разрыв, возможно, определит содержание главного геополитического конфликта XXI века, в котором разлом будет проходить не по идеологическим линиям, а по степени включенности той или иной общности или страны в систему нового неравенства в рамках мирового хозяйства².

² Как свидетельство важности темы и растущего интереса к ней во всем мире приведем книгу П. Мишры «Век гнева» [Mishra, 2017]. Выводы автора о причинах происходящего спорны, но яркое описание глобального кризиса сознания и состояния современного человека, осознающего бесперспективность своего существования, оставляет сильное впечатление. Нельзя не отметить и авторское понимание того, что масштаб происходящего делает необходимым глубокий всесторонний анализ ситуации, в которой оказался современный мир.

Развитые страны, в которых концентрируются штаб-квартиры крупнейших транснациональных корпораций, центры управления и накопления интеллектуальных активов, юридически и институционально защищенные ядра их инновационной активности и реализации прибыли, получают новую «фору» для сохранения своего привилегированного положения. Их центральное, «ядерное» положение в глобальной экономической системе становится неоспоримым, а возможности получать за счет этого положения колоссальные доходы, значительная часть которых имеет монопольно-рентный характер, позволяет им с легкостью концентрировать на своей территории наиболее качественные и перспективные ресурсы, тем самым закрепляя свое центральное положение. В отличие от индустриальной эпохи, когда природные и организационные преимущества давали странам периферии реальный шанс обеспечить себе возможность «догоняющего» развития (что в той или иной форме продемонстрировали страны Восточной Азии — Япония, Южная Корея, отчасти Китай), нынешнее лидерство «новой» экономики практически обнуляет шансы на успех «догоняющих» стратегий.

Соответственно, отставшие страны, лишенные возможности «развиваться догоняя», все чаще демонстрируют обиду, агрессию, архаику политического и общественного сознания. Ощущение значительной, наиболее активной частью их населения отсутствия коллективной и личной перспективы формирует среди молодежи этих стран жизненную стратегию переселения в более богатые страны. Энергия этих людей формирует невиданную ранее по масштабам волну международной миграции, сопровождающуюся двумя мощными сопутствующими явлениями. Это, во-первых, стихийный либо организованный (вплоть до государственного) терроризм как одно из ведущих современных политических направлений. И во-вторых, как его

оборотная сторона, изоляционистский популизм в развитых странах, строительство ими стен — в прямом и переносном смысле³.

Это придает совершенно новое качество (а возможно, и смысл) процессам глобализации. Из средства сглаживания разрывов и уменьшения неравенства глобализация превращается в инструмент построения новой иерархии, установления более сильными и богатыми игроками таких правил экономической и политической игры, которые более бедным и слабым представляются несправедливыми, поскольку лишают их относительно равных возможностей, дающих шанс подтянуться к глобальной «верхушке».

Эти правила, в частности, предполагают жесткие требования поддержания открытости внутренних рынков для внешней конкуренции, защиты интересов владельцев интеллектуальной собственности, блокирования возможностей правительства устанавливать дифференцированные условия для различных субъектов экономической деятельности путем утверждения примата условий международных соглашений относительно полномочий национальных правительств. В конечном счете, продвижение этих правил

³ Этот тренд П. Мишра объясняет, опираясь на концепцию ресентимента. Идея ресентимента своим рождением обязана Ф. Ницше [Ницше, 1990, с. 407–524], а М. Шелер разработал на ее основе концепцию, в центре которой — ситуация фрустрации, сочетающая чувства зависти, ненависти и мести (об этом Шелер пишет в книге «Ресентимент в структуре моралей» [Шелер, 1999]). Термин *ressentiment*, что по-французски значит «злопамятство, злоба, обида», в англоязычном контексте выглядит соединением *resentment* (злоба, обида, возмущение) и *sentiment* (чувство). По сути, это рост взаимной ненависти и раздражения всех всеми (см. подробнее статью Козлова Д.В. «Массовое политическое поведение в современной России в свете концепции ресентимента» [Козлов, 2017]). П. Мишра расшифровывает это так: «Отрицание существования других людей на экзистенциальном уровне, обусловленное насыщенной смесью зависти, чувства унижения и бессилия, — *ressentiment* по мере своего распространения и углубления отравляет гражданское общество, подрывает политическую свободу и готовит глобальный поворот к тоталитаризму и токсическим формам шовинизма» [Mishra, 2017].

ориентировано на закрепление в международной практике некоего свода универсальных принципов («глобальных стандартов»), конкретных норм, процедур и протоколов действий при игнорировании национальных особенностей и их возможных социально-экономических последствий для отдельных стран и территорий.

С другой стороны, ощущение уязвимости положения, в котором в условиях такой глобализации оказываются представители многих национальных элит в развивающемся мире, толкает их к насаждению «оборонных форм» авторитаризма и архаичных форм общественного сознания внутри их собственных стран, что закрепляет и усугубляет разрыв между «глобальным городом» и «глобальной деревней».

Одновременно происходит и еще один важный процесс — *разрушение сложившегося после Второй мировой войны миропорядка*, основанного на длительном сохранении относительно устойчивого равновесия сил, имевших различное представление о должных принципах устройства экономики и общества. Именно это равновесие, лежавшее в основе растянувшейся на десятилетия «холодной войны», обеспечивало связанность групп государств в устойчивые блоки и объединения, дисциплинировало их поведение и стабилизировало внутреннее устройство, тем самым обеспечивая определенную меру стабильности в международных отношениях. Сегодня это «холодное равновесие» сменилось относительно подвижным геополитическим соперничеством большого количества игроков, каждый из которых хотел бы играть по своим собственным правилам. Да и концепция глобального лидерства, долгое время являвшаяся основой внешнеполитической стратегии США, сегодня *de facto* теряет былое значение «руководящей и направляющей» в американской внешней политике.

Этим обстоятельством обусловлено обилие конфликтных ситуаций, для разрешения которых нет готовых лекал, нет простых способов подготовки «дорожных карт», да и инструментов ограничения действий их участников стало гораздо меньше. Как ни парадоксально, но мир становится гораздо более опасным, чем в годы холодной войны. И это, бесспорно, уже сказывается и на настроении избирателей в развитых странах, и на поведении политических лидеров, которые все чаще не только не могут найти ответы на новые вызовы, но даже не видят и не понимают их.

Большое значение имеют и *последствия четвертой промышленной революции*, которая в последние десятилетия принципиально отличается от того технического прогресса, который мы знали. Если в прошлом веке технические достижения в первую очередь меняли способы взаимодействия человека с окружающей его природной средой, то сейчас объектом воздействия новейших технологий становится человеческое сознание, его характеристики, а также поведение людей и взаимодействие между ними.

Меняется не только источник информации, но само представление о том, что такое информация, каковы ее характер, сущность, взаимоотношения информационного поля и информационного потока с индивидуальным сознанием. Информационные технологии начинают сами определять содержание информационного потока [McLuhan, 2001]. Информационная среда субъективизируется, становится инструментом не только получения контента, но и его создания, сама становится субъектом, участником глобальных процессов. «Интернет вещей», «облачные» и «туманные» технологии — это абсолютно новые явления. Цивилизационный прогресс и качественное развитие сознания подменяются корыстным манипулированием, что ведет к социальному и личностному регрессу. Происходит это прежде всего потому, что скорость

качественных технических изменений в сфере информационных и коммуникационных технологий в последние четверть века все больше опережает возможности человека, не успевающего приспособиться, адаптироваться к новым условиям⁴.

Надежды на то, что социальные сети установят в обществе горизонтальные связи и приведут к выходу на новый уровень интеграции социума, не оправдались. Напротив, сетевое общество — это во многом сугубо сегментированное общество, в котором царит своего рода «холодная гражданская война». Общество дополнительно атомизируется, социальное взаимодействие и взаимопонимание ослабляются.

Что же касается контроля над членами общества, вплоть до контроля сознания, то здесь, напротив, открываются почти безграничные возможности, в частности, связанные с доступностью беспрецедентно большого объема

⁴ Проблема не в умении пользоваться гаджетами и не только и даже не столько в соотношении технических изменений и индивидуальной психики. У части людей всегда были проблемы с приспособлением к техническим новшествам, их непонимание, неприятие и т. д. Однако всегда была влиятельная и активная, пусть и представляющая меньшинство часть, которая шла вперед и показывала путь другим. А сейчас появилось ощущение, что сами идущие впереди не знают, куда идут, не видят реалистичной картины будущего, что слепые пытаются вести слепых и вот-вот все окажутся в глобальной яме. Если страхом XX века было восстание машин (роботы, которые вышли из-под контроля и уничтожают человека), то теперь речь идет о том, что сознание человека изменяется так, что он не узнает самого себя и постоянно опасается, остался ли он человеком. Человечество сомневается в своей идентичности. Автор популярной концепции цивилизации Юваль Ной Харари в новой книге „Homo Deus“ пришел к выводу: “Once technology enables us to re-engineer human minds, Homo sapiens will disappear, human history will come to an end, and a completely new process will begin, which people like you and me cannot comprehend” (Как только технология позволит нам переконструировать человеческий разум, Homo sapiens исчезнет, история человечества завершится, и начнется совершенно новый процесс, который люди, подобные вам и мне, не в состоянии понять) [Harari, 2016].

данных о поведении и информационной активности граждан, а также с воздействием на их социальное и частное поведение⁵.

Новые каналы взаимодействия экономики и сознания общества

Совокупность обозначенных выше перемен коренным образом меняет состояние сознания и характер отношений внутри общества, прежде всего в развитых странах. Главный фактор здесь, безусловно, — *технологические изменения*, оказывающие гораздо большее влияние на все сферы жизни (от экономики и политики до идеологии и культуры), чем это принято признавать.

В чем главное содержание этих изменений? Прежде всего в том, что ослабла и продолжает ослабевать связь

⁵ Для качественного осмысления того, что происходит сейчас с человеком и миром, было бы полезно использовать понятие хронотопа, предложенное А.А. Ухтомским в контексте его исследований в области физиологии [Ухтомский, 2002]. Уже сам ученый придал ему более универсальный характер, а в дальнейшем понятие закрепилось в философско-гуманитарной сфере как одна из категорий осмысления места человека в мире и его предназначения. Хронотоп в нашем понимании — категория, характеризующая увязку (стыковку) пространства (некое содержание обстоятельств существования) и времени (прошлое, настоящее, будущее) в индивидуальном и общественном сознании. Хронотоп — закономерная связь пространственно-временных координат. В хронотопе индустриального модерна, связанном с понятием прогресса, существует достаточно четко определенное прошлое и будущее, а настоящее — точка, которая движется от прошлого к будущему. В постмодернистском хронотопе (стремящемся к доминированию сегодня) актуальное человеческое сознание из движущейся вперед точки превращается в размытое пятно смешения настоящего с прошлым. Будущее почти не просматривается. Утрачивая ясность перспективы, жизнь становится разноскоростной, разнонаправленной, фрагментированной. Использование понятия хронотопа для осмысления влияния Четвертой промышленной революции на индивидуальное и общественное сознание в XXI веке — перспективная тема для исследования, но в рамках данной статьи важно хотя бы обозначить это направление.

производственных технологий с материальной экспансией человечества и составляющих его сообществ. Это особенно заметно сегодня при обращении к прогнозам, делавшимся 50–100 лет назад писателями и футурологами относительно современной эпохи. Экстраполируя на будущее опыт XIX — начала XX веков, магистральным направлением развития техники и технологий они видели преобразование человечеством окружающего материального мира, подчинение его своим желаниям и потребностям. Отсюда — предположения о грядущей экспансии человечества, об освоении им все новых пространств и природных ресурсов, о создании все новых и новых элементов материальной инфраструктуры, что, опять же, подразумевало растущие затраты соответствующих ресурсов и поиск все новых масштабных запасов и источников таковых.

На деле же развитие пошло несколько иным путем. Во-первых, большую и, главное, растущую часть своего потребления население богатейших стран переключает на различного рода нематериальный культурный и интеллектуальный «контент», не требующий для своего производства гигантских материальных и энергетических затрат. Почему это происходит — это особый вопрос, требующий отдельного разговора, но это факт.

Во-вторых, прогресс материальных носителей этого контента пошел по пути миниатюризации и индивидуализации, что лишь усиливает наметившийся перелом прежних тенденций, снижая роль факторов, связанных с экстенсивным развитием.

В-третьих, снижение рождаемости и рост продолжительности жизни практически повсеместно привели к демографическим сдвигам — резкому замедлению роста численности населения и «старению» его возрастной структуры. Демографические изменения такого рода ведут к вынужденному изменению структуры производства и потре-

ния. Вместо пространственной экспансии новая структура спроса толкает бизнес и, соответственно, определяемые им направления прогресса технологий в сторону удовлетворения индивидуальных желаний ограниченного по численности, более сосредоточенного на себе и своем образе жизни населения.

Магистральным направлением развития и практического применения новых технологий стала не внешняя экспансия сообществ, а совершенствование и расширение возможностей сбора, обработки, передачи и использования информации, что, с одной стороны, дало толчок и расширило возможности получения новых знаний и их применения в широком спектре областей, а с другой — предоставило бизнесу техническую возможность «замкнуть» экономический рост на работу с желаниями и стремлениями атомизированного индивидуального потребителя.

Эта тенденция получила подкрепление и с другой, во многом неожиданной стороны — со стороны прогресса научно подкрепленных технологий целенаправленной работы с индивидуальным и массовым сознанием. Послевоенные разработки соответствующих технологий, во многом опиравшиеся на идеологические установки, вытекавшие из получивших широкое признание работ Фридриха фон Хайека [Хайек, 1992] и математика Джона Нэша [Nash, 1951], как оказалось, могут с успехом применяться в бизнесе для формирования желаемых образцов потребительского поведения. Если ранее ключевой фигурой в крупной корпорации, добивавшейся лидирующих позиций на рынке, был талантливый инженер, то теперь рядом с ним, а иногда и над ним, встал коллективный рекламщик-маркетолог, обеспечивающий контроль над рынками с помощью исследований массового сознания и технологий воздействия на него. Это позволило даже промышленным компаниям кардинально снизить роль и удельный вес материальных

затрат в совокупной стоимости их продукции и увеличить роль нематериальных активов в получении доходов (так называемая софтизация), не говоря уже о повсеместном росте доли сферы услуг в развитых экономиках. То есть объектом работы с потребителем является не банальное удовлетворение его реальных материальных потребностей, пусть даже искусственно раздутых, а инициирование у него чувства радости и комфорта от удовлетворения навязанных ему потребностей, которое достигается целенаправленной работой с его сознанием, поведением, рефлексам, его мозгом, что позволяет получать соотношение реально понесенных затрат и полученной выручки, которое и не снилось пионерам индустриального капитализма.

Кроме того, смещение акцентов бизнес-стратегий в сторону контроля над потребительским поведением, конечно же, ослабляло конкуренцию в ряде ключевых сегментов экономики, формируя олигопольные конструкции, обеспечивая образующим эти конструкции корпорациям высокую реальную доходность их деятельности. Особенно если учесть, что значительная часть доходов не фиксируется как предпринимательская прибыль, а оформляется как доход владельцев интеллектуальных активов, услуги которых оплачиваются с включением соответствующих выплат в издержки. Это явилось мощной основой для формирования нового типа неравенства, о котором шла речь выше, а также слоя так называемых новых создателей богатства (new wealth-builders), нарушающих привычные каноны его накопления и восхождения к вершине общественной пирамиды.

Обратная связь: как новые реалии повлияли на общественное сознание

В результате общественное сознание пережило целый ряд шоков. Действие традиционных «направляющих конструкций» постепенно, но неуклонно ослаблялось. Общество XIX и большей части XX века было преимущественно классовым, в котором образ жизни, жизненные цели и ориентиры, разнообразные социальные ограничители, включая морально-психологические установки, в преобладающей степени определялись принадлежностью индивида к определенной социальной группе и классу.

К концу века роль классового фактора и классового сознания резко ослабла, что наглядно отразила трансформация партийно-политической системы в странах Запада, которая в качестве средства обеспечения электоральной базы в значительной степени переориентировалась с классовых интересов на вопросы индивидуальной идентичности, этничности, культурных и поведенческих установок, половозрастных особенностей сознания и т. д. На смену традиционным основаниям общественного сознания, морали и поведения неумолимо шло явление, которые можно назвать постмодернистским сознанием, — основанное на чрезвычайной подвижности общественной повестки, гибкости и изменчивости оценок, в том числе нравственных, крушении иерархии общественных авторитетов и механизмов их воздействия на людей, тотальной ревизии системы ценностей, формировавшейся на протяжении XX века, и подчинении трактовки ценностей задачам текущего момента. На место привычных канонов, связанных с этими ценностями, пришла постмодернистская карнавальная политика — публичные шоу вместо решения проблем, переключение внимания публики с одних далеких от насущных потребностей проблем на другие, поощрение «цивилизации комфорта» (жизнь в стиле «лайт»).

Прежняя система самоконтроля общественных процессов при помощи устоявшейся публичной морали и трактующих ее авторитетов стала терять не только эффективность, но и смысл. В полной мере и, полагаю, впервые этот факт оказался в фокусе общественного внимания в связи с финансово-экономическим кризисом 2008–2009 годов, именовавшимся также Великой рецессией. Однако крах прежних поведенческих и нравственных ориентиров начал проявляться задолго до этого кризиса, послужив одним из важнейших его оснований. Об этом подробнее было сказано в моей книге „Realeconomik“ [Yavlinsky, 2011].

Процессы глобализации в последние десятилетия также, безусловно, оказали огромное воздействие на общественное сознание. Если первоначально речь шла просто о снятии барьеров на пути движения товаров и капиталов, трансграничной экспансии крупнейших мировых корпораций и интернационализации хозяйственной жизни, то по мере развития этих процессов оказалось, что они имеют собственную логику, результаты действия которой невозможно ни предотвратить, ни поставить под жесткий контроль.

Главный пример таких «незапланированных» результатов глобализации — это массовая неконтролируемая миграция из стран и регионов с худшими условиями жизни в центры мировой экономики — Западную Европу, Северную Америку и Австралию. На этом фоне возник мультикультурализм как вынужденный ответ (или, скорее, поиск ответа) на порождаемое миграцией социальное напряжение в этих центрах. Новое измерение приобрела и проблема терроризма, которая окрасилась в этнические и религиозные тона.

Образованная и интересующаяся глобальными вопросами часть населения развитых стран вдруг обнаружила, что уход с мировой арены коммунизма, несмотря на глоба-

лизацию, вовсе не означает торжество в мировом масштабе казавшейся безальтернативной модели либерального капитализма. Оказалось, что в глобализованном мире у этой модели есть серьезные конкуренты — в частности, в Азии, но не только. Одной из отличительных черт эпохи «нулевых» стало оживленное обсуждение возможного будущего стран так называемого нелиберального капитализма. И если Россия на Западе воспринималась как аргумент против идеи «конца истории» главным образом вследствие ее огромного военного, в первую очередь ракетно-ядерного потенциала, то нынешний абсолютно нелиберальный Китай оказался мощнейшей экономической силой, способной в будущем претендовать на гегемонию на обширных пространствах.

Особенности общественно-политического устройства Китая, прежде всего, ограничение свободы личности, стали едва ли преодолимым препятствием для его глобального лидерства. Тем не менее, как наиболее мощный, но далеко не единственный представитель модели «нелиберального капитализма», Китай уже оказал серьезное влияние на состояние общественного сознания в странах «ядра» мирового капитализма.

Общественные настроения в развитых странах в последние полтора-два десятилетия изменились очень существенно образом. Исчезла массовая уверенность в том, что политики ведут западное общество по правильному пути, в том, что их почти безграничная поддержка усилий по либерализации международного движения товаров, капиталов, людей и идей гарантирует устойчивое экономическое развитие и более или менее справедливое распределение его благ. Психологический протест против роста нового неравенства постоянно рос на фоне явной стагнации доходов традиционного среднего класса и «синих воротничков».

Несмотря на заметную «атомизацию» обществ из-за ослабления горизонтальных связей и традиционных институтов, объединяющих людей по признаку их социально-экономического положения и профессии, общее брожение в умах и ощущение несправедливости происходящих перемен нарастало. Также нарастало и стремление, часто подспудное, попытаться остановить эти перемены, вернуться в прошлое, представляющееся гораздо более понятным, комфортным и справедливым.

Одновременно рос протест против старых и новых элит, которые не только выигрывали от происходящих перемен — как тех, что связаны с глобализацией, так и тех, которые можно условно определить как пришествие политического постмодерна, — но и активно пропагандировали их, представляя как новые безусловные ценности и в какой-то степени сакрализируя их.

В чем нашли проявление эти растущие настроения — известно. Это как раз то, о чем было сказано вначале. В этом, собственно, и лежат истоки якобы неожиданных исходов знаковых голосований последних лет — референдума о *Brexit*, президентских выборов в США 2016 года, равно как и роста поддержки в Европе сил, представляющих себя как консервативную правую альтернативу.

Временные отклонения или долгосрочный тренд?

В последние годы наметился поворот в общественном сознании, который можно условно назвать поворотом от будущего к прошлому. Для себя я обозначаю его мемом *again policy* в знак многочисленных призывов, отражающих этот политический разворот, стремление политиков «вернуть» якобы имевшееся в прошлом величие, гармо-

нию, идентичность и т. д.⁶ Вопрос о том, насколько серьезен и, главное, насколько долгосрочен наметившийся поворот — один из самых злободневных.

На первый и, по существу, поверхностный взгляд все вышеописанное представляется краткосрочной реакцией на проблемы и трудности, «всплывшие» в последнее десятилетие и не завоевавшие должного внимания современных политико-экономических элит в странах Запада. Действительно, именно в последние десять лет на объединенную Европу стали сильно давить и неурегулированные бюджетные взаимоотношения между членами ЕС, и нарастающий поток мигрантов из стран глобального Юга, и впервые за последние тридцать лет ставшая более чем

⁶ В рядах этих политиков, в частности, и Трамп с его обещанием «снова сделать Америку великой», и лозунги противников ЕС в Европе, обещающих «вернуть» европейские страны их народам, и ностальгия по «славным советским временам» в России. В Индии, Китае, Иране, Турции *again policy* выражается в отрицании европейского пути развития цивилизации и попытке заменить его чем-то не очень определенным, но, несомненно, с мыслью о восстановлении былого национального (национал-имперского) величия и претензией на роль регионального или глобального цивилизационного центра (политика Нарендры Моди, Реджепа Эрдогана, Си Цзиньпина и КПК в целом, иранских аятол). В России — это навязываемая властью ностальгия по СССР, попытка вернуть контекст холодной войны и стремление к «новой Ялте» «на троих» с США и Китаем. В реальности избиратели Трампа из «ржавого пояса Америки» так и не дождутся рабочих мест для себя на вернувшихся из Мексики, Индии, Китая производствах. Производства, может быть, и вернуться, но место человека займут роботы, автоматизированные системы, основанные на новых технологиях. По оценкам экономистов Дарона Аджемоглу из Массачусетского технологического института и Паскуаля Рестрепо из Бостонского университета, к 2025 году роботы оставят без работы по пессимистичным оценкам от 3,3 до 6 млн человек, по оптимистичным — от 1,9 до 3,5 млн человек [Acemoglu, Restrepo, 2017]. Что же касается социально-политических конструкций, то надо помнить о том, что тупиковый характер выбора между национализмом и империализмом уже осознавался западноевропейскими политиками и интеллектуалами в середине XX века. Ответом на этот вызов и решением задачи поиска стабильной политической конструкции для послевоенной Европы стала концепция союза наций, основанного на взаимных гарантиях безопасности, — Евросоюза. Отказ от найденного ответа заведомо оставляет мир в ограниченном пространстве между двумя национализмами: изоляционистским и имперским.

реальной угроза масштабного вооруженного конфликта на границах с Россией. Для США стали шоком годы после экономического кризиса 2008 года, обнажившего застарелые проблемы в финансовом секторе и в сознании деловой элиты страны, а также ощущение невозможности на своих условиях урегулировать острые конфликты в зарубежных зонах американских интересов. Азиатские страны столкнулись с несущим новую неопределенность экономическим и военным возвышением Китая, а российская элита, опираясь на беспрецедентно высокие нефтяные доходы, отправилась искать свое новое место, решительно отказываясь от системы координат в мировой политике, которую утвердил в послевоенный период коллективный Запад.

Однако трансформация общественного сознания назревала и, более того, начала происходить задолго до последних событий. Ее предпосылки, в частности, — это процессы, связанные с изменением технологической базы экономики и общества, с изменением характера и направленности работы на рынках верхушки крупного бизнеса и его лидеров, с соответствующими подвижками в потребительском поведении и возможностями манипулирования последним. Все это — исключительно долгосрочные сдвиги в современном капитализме, которые не связаны ни с конкретной фазой цикла конъюнктуры, ни с политическими пертурбациями, ни с какими-либо случайными или единичными событиями. Они — часть фундаментальных исторических процессов, начало которых можно проследить еще в 1970–1980-х годах, а в отдельных случаях — даже раньше.

В особенности это касается идеологической сферы. Это апология индивидуализма и индивидуальных желаний; примат потребительского сознания над коллективным в качестве предмета социальной инженерии; фактический вывод нравственных ценностей из числа факторов, определяю-

щих практическую политику, в пространство идеологического прикрытия и демагогии. Это тенденция к технологизации экономического анализа; стремление представить любые процессы в сфере экономики и бизнеса в качестве набора технологически детерминированных корреляций между теми или иными переменными величинами и факторами. Это сведение содержания экономической политики к оптимизации динамики агрегированных показателей роста безотносительно их связи с долгосрочными социальными последствиями и их оценкой теми или иными группами в обществе. Все это получало широкое распространение задолго до кризиса 2008 года и последовавших за ним событий. Более того, здесь прослеживается связь с мировоззренческими постулатами, воздействие которых на общественное сознание стало заметным еще в разгар холодной войны и во многом стимулировалось ею⁷.

Но и в области технологий нынешний скачок к активному смещению фокуса конкуренции в сторону влияния на потребительское сознание в его самых простых и нерациональных формах, работы с бессознательным природным началом или со столь же бессознательными предрассудками был подготовлен характером взаимодействия производства и сферы исследований в течение всех последних десятилетий прошлого века. Современные технологии («модерн») соединились с политико-идеологическим «постмодерном», главная черта которого — отказ от подчинения политики жестким принципам нормативного характера, и породили ту структуру общественного сознания, которая сегодня превращается в доминирующую. В основе ее — отрыв новых элит от остального общества, которое чувству-

⁷ Известно, что многое из того, что сегодня оказалось в западном идеологическом мейнстриме, в 1950–1960-е годы составляло содержание секретных разработок ЦРУ, активно работавшего над рецептами обеспечения победы США в их холодной войне против СССР.

ет себя преданным и брошенным на произвол истории. Элиты же перестают ощущать себя ответственными за состояние общества в целом, превращаясь в класс для себя и воспроизводя худшие черты олигархического сознания (снобизм, ощущение себя изолированной кастой, уверенность в закономерности и вечности своего особого места в обществе и экономике).

Этот разрыв усугубляется тем обстоятельством, что внутри правящего слоя прежние разделительные линии идеологических различий и конфликтов (либерализм vs дирижизм в экономической политике, традиционализм vs реформаторство и естественное неравенство vs эгалитаризм в общественной практике) постепенно утрачивали прежнюю значимость, уступая место общему отчуждению политико-экономической элиты от остальной части общества⁸.

Более того, в политических системах стран, которые являются общепризнанными мировыми демократиями, во второй половине 2010-х годов стали заметными процессы, приближающие эти страны к авторитарным моделям управления.

Трамп и его ближайшее окружение устроили Америке своего рода «шокотерапию», шантажируя политических оппонентов и граждан, создавая перманентную истерию в обществе, чуть ли не ежедневно демонстрируя дисфункцию всей действующей политической системы, беспомощность и неэффективность конструкции «сдержек и противовесов». Цели применения этого «шока» — авто-

⁸ Именно это проявилось в Великобритании на референдуме о выходе из ЕС — как отмечали СМИ, все рациональные доводы консолидированной элиты о выгодах пребывания в ЕС разбивались о чувство усталости масс от космополитической элиты, занятой, по преобладающим ощущениям, обеспечением собственного благополучия. Нечто подобное происходило и во время президентских выборов 2016 года в США: у масс избирателей стихийный протест против оторвавшейся от мира «простых людей» глобализированной элиты брал верх над доводами разума и даже над соображениями практической выгоды.

ритарная трансформация политической системы, подчинение и оттеснение на задний план Конгресса и судебной власти, дискредитация и уничтожение независимых от сверхкрупного капитала масс-медиа, унижение и тем самым ослабление авторитета и самостоятельности различных элитных групп, включая госчиновников и экспертов, а также превращение в перспективе Республиканской партии в «вертикально интегрированную» жестко авторитарную группировку со значительным влиянием крайне правых и откровенных националистов. При этом близость самого Трампа к ультраправым силам в США видна невооруженным глазом.

С первых дней президентства Трампа ведущие игроки финансового рынка — крупнейшие банки и инвестиционные фонды на Уолл-стрит — поддерживали и положительно реагировали на политику нового президента и всячески создавали для него позитивный экономический фон, независимо от любых его действий во внутренней и внешней политике, его экстремистской риторики и стиля. Пожалуй, не будет большим преувеличением сравнить такое поведение американских бизнес-элит с позицией крупнейших германских корпораций и банков в период прихода к власти НСДАП в 1933 году.

Неслучайно и Трамп начал пересматривать в сторону ослабления даже те половинчатые и недостаточные меры, которые были приняты после кризиса 2008 года [Явлинский, 2019а] для повышения устойчивости банков, включая более жесткие требования к их капитализации, ежегодные стресс-тесты и т. п. С целью постепенного снятия механизмов контроля с финансовых гигантов американский президент сократил бюджет службы финансового мониторинга. Кстати, совершенно поразительно читать в американской прессе [“Starrett City officially sold for \$905 million, providing a profit for Trump”, 2018], что, уже

сидя в Белом доме, Трамп продолжил получать колоссальные доходы от своих сделок с недвижимостью.

Примечательна и политико-идейная близость трамповского Белого дома с персоналистскими режимами, сросшимися с олигархическим капиталом. В основе такого партнерства лежит общая заинтересованность в укреплении авторитарных систем управления, расширении национализма и изоляционизма, ограничении прав и свобод человека, ослаблении международной интеграции и торговли. Как правило, это сопровождается грубым давлением на оппонентов, нагнетанием социальной истерии, препятствованием самоорганизации непривилегированных слоев общества, ослаблением и выхолащиванием смысла деятельности представительных и иных демократических институтов, минимизацией любых социальных и экологических обязательств.

Судя по внешнеполитической линии Трампа, его наиболее желанными неформальными партнерами в этом «авторитарном интернационале», несмотря на периодически возникающие тактические разногласия и даже столкновения, стали Китай, путинская Россия, Саудовская Аравия и ее союзники в регионе, эрдогановская Турция, Бразилия под управлением ультраправого президента Болсонару, европейские правые, которые уже находятся у власти или при власти в Италии, Австрии, Венгрии, Польше. В определенном смысле к числу стран, которым симпатизирует Дональд Трамп, относится даже Северная Корея: неслучайно Трамп публично выражал свое уважение Ким Чен Ыну, а в кулуарах восхищался «любовью и преданностью» северо-корейского народа своему вождю. Это сильно контрастирует с его отношением, например, к Макрону или Меркель.

Политика Дональда Трампа не является каким-то специальным заговором. Трамп реализует политику, диктуемую непреодоленными причинами и последствиями мирового

Глава 1. Время тревог и перемен

финансового кризиса, гигантским неравенством, страхами перед глобализацией и в целом ходом политических событий последних десятилетий, соединенным с новыми, далеко не однозначными явлениями в технологиях и экономике. Все это создало предпосылки, подготовило почву и обусловило именно такую политику, объективно направленную на установление авторитарного правления, опирающегося на интересы сверхбольшого бизнеса, национализм и изоляцию.

Инерция жизни внутренне структурированного общества продолжает поддерживать его в связанном состоянии, предотвращая открытый кризис государственности. Однако деструктивные всплески отрицательной энергии периодически выходят на поверхность, проявляясь в неожиданных результатах голосований (если речь идет об электоральных демократиях) или мощной уличной активности, которая порой используется альтернативными элитами для насильственного отстранения от власти узурпирующих ее групп, что характерно для стран с авторитарной формой правления.

Глава 2

Глобальный дисбаланс и кризисная смена лидерства

Особенность нынешнего мира — разрушение прежних моделей миропорядка, которые обеспечивали некоторую стабильность и предсказуемость в международных отношениях все последние десятилетия. Начались длительные и широкомасштабные перемены в мироустройстве. Их называют по-разному: «смена лидерства», формирование «мультиполярного» (полицентричного) мира, «новая нормальность» в международных отношениях и пр.

Выражают они, в сущности, один и тот же процесс — уход в прошлое модели глобального равновесия. В рамках этого равновесия экономические и технологические лидеры западного мира, имея более или менее единое представление об институтах и принципах общественного устройства, которые они считали естественными и желаемыми, тем не менее не полагали возможным ставить их под угрозу, проводить рискованные операции по силовому экспорту этих институтов во все остальные части мира.

Такое понимание сложного глобального баланса сил, с одной стороны, удерживало мир от бесконтрольного расползания конфликтов, а с другой — обеспечивало связанность условного Запада рамками устойчивого блока, который частично был оформлен как военно-политиче-

Рекламный щит на автомагистрали в Белграде с изображением председателя КНР Си Цзиньпина и надписью «Спасибо, брат Си». Апрель 2020 года
// Djordje Kojadinovic / REUTERS

ский союз, но на деле имел более широкий состав и не всегда формализованные внутренние «скрепы». Другими словами, это сознание вносило в поведение «западного блока» определенную меру вынужденной солидарности, но и, одновременно, реализма и ответственности. Именно это лежало в основе миропорядка времен зрелого этапа холодной войны. Более того, оно продолжало работать и в первые годы после ее формального окончания. Однако уже в конце 1990-х и в 2000-е годы ситуация начала меняться сразу в нескольких направлениях.

Во-первых, ошибочная интерпретация Западом причин и ожидаемых последствий окончания холодной войны резко снизила качество принимаемых решений и породила в головах западных, и в первую очередь американских, политиков и лидеров общественного мнения эйфорию, побудившую их отбросить осторожность и рациональность и начать форсированную экспансию западных институтов и практик в восточном направлении.

Фактическое использование при этом мер насилия (при безусловном наличии других, в частности, дипломатических) определялось не столько гуманитарными, сколько узкими, краткосрочными, конъюнктурными соображениями, зародив немалые сомнения в приверженности Запада провозглашаемым ценностям. Стремительная интеграция в евроатлантические структуры стран бывшего «восточного блока» и постсоветских государств Балтии породила у Запада уверенность в том, что «переваривание» в западном котле и остального постсоветского пространства произойдет относительно бесконфликтно.

Во-вторых, Вашингтону и тем, кто разделяет его подходы в Европе, авторитарные режимы на Ближнем и Среднем Востоке стали представляться в наше время своего рода историческим недоразумением, насильственное свержение которых сгладило бы придавленные ими острые социальные и религиозно-этнические трения, а не вскрыло бы их в полной степени. Отсюда концепция необходимости поддержки «демократических движений», на роль которых были назначены организации сомнительного свойства или не обладавшие реальным влиянием группки прозападных интеллектуалов. Отсюда же концепция так называемых гуманитарных интервенций, на основе которой те же США брали на себя ответственность за политическое переустройство сложных и непрозрачных для постороннего взгляда восточных об-

ществ, т. е. за процесс, над которым американские кураторы даже теоретически не могли установить скольконибудь эффективный контроль.

В-третьих, не менее легкомысленным и поверхностным оказалось отношение США к своему бывшему главному геополитическому сопернику — России. Заведомо неадекватные ожидания успеха реформ и примерного ученичества российской элиты (на фоне принципиально контрпродуктивных для российской реальности и часто жестко и безапелляционно навязываемых реформаторских рецептов) довольно быстро, после первых неизбежных неудач, сменились снисходительным отношением к расцветавшим в ее рядах коррупции и конформизму, ее откровенному безразличию к проблемам «рядовых» граждан и маргинализации чрезвычайно важных для развития страны социальных групп и категорий населения.

А следующим шагом в этом направлении стали фактический отказ от содержательного диалога с различными группами внутри российского политического класса и подмена его удобными, но недальновидными сделками с правящей группировкой. В этом отношении события 2014 года были отнюдь не неожиданным сюрпризом и не признаком «странного разрыва с реальностью» российского руководства, на которое первое время пытались списать разразившийся кризис в отношениях России и Запада, а следствием многолетней (с 1992 года!) недальновидной, самоуверенной и в сущности циничной политики мелких сделок между западными лидерами и российской властью без решения связанных с Россией стратегических проблем.

В-четвертых, лишившийся прежнего «драйва» Запад резко ослабил внимание к социально-экономическим проблемам, прежде всего к проблеме обеспечения возможно большей социальной однородности и солидарности общества. Отчасти это было связано, конечно, с ослабле-

нием напряженности времен холодной войны, но еще в большей степени — с отрицанием самой необходимости скреплять общество межгрупповой солидарностью, общими (надличностными) целями и связанной с ними общественной моралью⁹.

Вместо этого верх взяла внешняя экспансия международных бюрократических институтов, прекрасно уживавшаяся и даже «гармонично» сочетавшаяся с видением общества как совокупности разрозненных конкурирующих индивидов. Ничем иным, например, нельзя объяснить тот факт, что в качестве главных успехов ЕС широкой публике представлялись не углубление интеграции европейских обществ между собой и внутри каждого из них, а механическое расширение членства и разрастание самих бюрократических институтов через увеличение зоны их ответственности. Понятно, что такое форсированное расширение характеризовалось снижением требований к новым субъектам, которое вело к появлению дополнительных проблемных зон и ухудшению качества работы общих институтов. Да и национальные институты неизбежно снижали планку требований, уступая давлению бюрократических лобби, де факто выравнивавших стандарты по уровню наименьшего общего знаменателя.

В этом смысле и «долговой» кризис начала 2010-х годов, и неспособность своевременно решить проблемы, связанные с новой волной массовой иммиграции, и нарастание напряженности в европейско-турецких отноше-

⁹ Эту мысль в 1987 году предельно точно сформулировала бывшая тогда премьер-министром Великобритании Маргарет Тэтчер: «Общества как такового не существует. Есть существующие сами по себе мужчины и женщины, и есть их семьи. Любое правительство может сделать что-либо, только действуя через них, и они в первую очередь должны позаботиться о себе» („...There is no such thing as society. There are individual men and women, and there are families. And no government can do anything except through people, and people must look to themselves first“) [Thatcher, 1987].

ниях, и переход на качественно иной уровень ситуации конфликта с Россией в 2014 году — все это так или иначе стало следствием стратегии быстрого количественного роста зоны патронажа Евросоюза вне зависимости от его возможностей в текущей ситуации. А сама эта стратегия явилась неизбежным следствием бюрократизации ЕС. Именно наднациональная бюрократия союза в условиях отсутствия политического контроля над ней получила возможность навязывать европейской политике публичную повестку и собственные узкокорыстные интересы в виде увеличения сферы своей ответственности, рамок активности и объемов подконтрольных финансовых потоков.

А оборотной стороной этого явления стали недостаточное внимание к социально-экономическому и моральному самочувствию широких слоев населения исторического ядра ЕС, разочарование последних в деятельности государственных институтов, которые в значительной степени «отрабатывали» повестку, часто абсурдно постмодернистскую, чуждую интересам «ядерной» части населения Евросоюза. И именно это сыграло немалую роль в том, что морально-политическое лидерство Европы, обеспечивавшее ей, в том числе, роль полноценного и влиятельного партнера в рамках союза с США, начало утрачиваться.

В-пятых, в отношениях между США и Европой усилились взаимные недовольство и претензии, проявившиеся в откровенной форме после прихода в Белый дом администрации Дональда Трампа. Европа оказалась неприятно удивлена тем, что ее собственная повестка дня — адаптация к возросшему потоку мигрантов, защита меньшинств, скорейшее завершение переговоров с США о взаимной либерализации торговли и инвестиций; разрешение в той или иной форме кризиса отношений вокруг Украины и др. — кажется Дональду Трампу (да и еще многим

в Америке) неактуальной или надуманной¹⁰. С другой стороны, в США растет недовольство тем, что в решении тех задач, которые США считают глобальными с точки зрения «западного» мира (в частности, сохранение в мире военно-политического доминирования США и их союзников, поддержание геополитического статус-кво в Азии, предотвращение формирования антизападных союзов и коалиций), вклад Европы минимален либо отсутствует вообще.

Наконец, и это, пожалуй, самое главное, концепция глобального лидерства, после распада СССР долгое время лежавшая в основе внешней политики США, явно утрачивает свою прежнюю функцию «руководящей и направляющей» силы. Конечно, разговоры о грядущем неоиоляционизме Соединенных Штатов, порожденные специфическими тирадами Трампа по поводу его будущей внешней политики, оказались — пока, по крайней мере — нереалистичными, и военно-политическое присутствие США в мире вряд ли сколько-нибудь существенно уменьшится. Тем не менее, уже сейчас очевидно, что Америке придется смириться с растущим альтернативным центром силы в лице Китая, который все более осознает свои новые возможности и намерен реализовывать их в полной мере.

Сегодня Китай уже не просто вторая по величине валового продукта экономика мира, имеющая некоторые перспективы стать первой, но и центр военной силы, способный мобилизовать достаточные материальные и политико-психологические ресурсы, чтобы обеспечить себе доминирующее положение по всему периметру собственных границ и в обширных акваториях Тихого и Индийского океанов. Более того, КНР все настойчивей примеряет на

¹⁰ Отсюда и растерянность, сквозившая в высказывании Ангелы Меркель после встречи «Большой семерки» в мае 2017 года: «Времена, когда мы могли полностью положиться на других, прошли. Это я осознала за прошедшие дни». [«Меркель заявила, что ЕС больше не может полагаться на других», 2017].

себя роль глобального игрока, несогласного с концепцией «глобальных стандартов» по версии Запада, которая предполагает взять за их основу нормы и принципы, уже утвердившиеся в американской и европейской практике. Воспользовавшись отказом США ратифицировать Соглашение о транстихоокеанском партнерстве, согласование которого считалось наиболее продвинутым рубежом на пути к закреплению западноцентричной системы принципов хозяйственной и торгово-инвестиционной деятельности в качестве глобальной модели, Китай обозначил претензии на роль как минимум полноправного и полноценного участника, а как максимум — одного из двух лидеров процесса установления мировых правил.

Конечно, перспектива глобального политического и экономического лидерства Китая, по крайней мере в его нынешнем виде, является еще пока призрачной. Его политическое устройство и критически значимые ограничения свободы личности и творчества слишком серьезны, чтобы представить его в роли доминирующего международного игрока, законодателя правил и регулятора мировой экономики. Тем не менее, вероятность перехода к Китаю роли гегемона на тихоокеанском пространстве представляется далеко не нулевой, что создает почву для серьезных дискуссий о таком сценарии.

А главное, в силу своих особенностей и растущей силы Китай способен претендовать на роль политической и идеологической альтернативы «западному миру» в виде модели так называемого нелиберального капитализма. Китай намерен доказать миру, что авторитарная модель, не предполагающая свободы политической и идеологической конкуренции, вкупе с энергичным участием государства во внутрихозяйственной и внешнеэкономической активности могут быть не только временным инструментом «догоняющего развития» и форсированной капитали-

стической модернизации, но и полноценной долгосрочной моделью, альтернативной классической¹¹.

Бывший генеральный директор Google Эрик Шмидт еще в 2018 году предупреждал [“Former Google CEO predicts the internet will split in two — and one part will be led by China”, 2018] о разломе, который поделит мир на «интернет, ведомый Китаем, и некитайский интернет, ведомый Америкой». Очевидно, что сегодня все к этому идет. При этом технологический разлом усугубляется разломом политическим: торговыми войнами между Китаем и США, противостоянием между США и Россией. Два этих разлома могут привести к непредсказуемым последствиям для всего мира. Каждому государству буквально придется выбирать, чьими технологиями и платформами пользоваться, чтобы не отстать от жизни, и сделанный выбор будет потом трудно изменить.

В 2014-м правительство КНР обнародовало программу модернизации «Сделано в Китае — 2025», предполагающую государственные субсидии китайским компаниям с целью превращения их в мировых лидеров в производстве суперкомпьютеров, искусственного интеллекта, новых материалов, 3D-печати, программного обеспечения распознавания образов, робототехники, электромобилей, автономных транспортных средств, беспроводных сетей 5G и современных микрочипов. За этим стоит естественное желание Китая выйти из числа отстающих и закрепиться в числе лидеров, уменьшив зависимость от западных современных технологий.

¹¹ Более того, такой подход, как минимум, не кажется неприемлемым значительной части мирового крупного бизнеса, что, в частности, показала дискуссия на Давосском форуме 2017 года, где уже раздавались возгласы “Welcome, China”. Не имеет, мол, большого значения, кто лидер, лишь бы можно было зарабатывать, «король умер, да здравствует король».

И такая политика приносит плоды. Лидерство Китая, к примеру, в области сетей 5G не оспаривается сегодня, пожалуй, никем в мире. Китайские субсидии, протекционизм, изощренные нарушения правил торговли, принуждение к передаче технологий и кража интеллектуальной собственности в США начиная с 1970-х годов — все это в итоге стало реальной угрозой для многих стран, в том числе для России.

Сегодня мы живем в мире вещей «двойного назначения». С одной стороны, сети 5G и соответствующее китайское оборудование очень скоро станут стержнем и основой цифровой торговли, связи, здравоохранения, транспорта, образования, поскольку эти технологии позволят передавать информацию с гиперскоростью. Но, с другой стороны, это же оборудование сможет легко служить платформой для шпионажа — стоит только китайским спецслужбам этого захотеть. При этом внедренные однажды технологии и стандарты 5G (в том числе и китайские) в какой-то стране изъять будет крайне затруднительно.

Дальнейшее развитие событий во многом будет зависеть от того, насколько США смогут сопротивляться такому сценарию. Пока складывается впечатление, что американской администрации, как республиканской, так и демократической, такое развитие событий кажется неприемлемым, но в любом случае будущее скрывает немало вызовов, и нет ни малейшей уверенности в том, что американская элита сможет вовремя найти на них своевременные и адекватные ответы.

Кстати, будет полным безрассудством, если США и ЕС позволят китайцам и дальше оперировать на рынке по тем же правилам, благодаря которым Китай из крайне бедной страны вырос в конкурента во всех перспективных технологиях. Как отмечал в 2019 году *The New York Times* [Friedman, 2019], «пока американцы покупали китайские

майки, кеды, игрушки и блоки солнечных батарей, а китайцы у США — сою и «Боинги», никого не интересовало, кто там в Китае — коммунисты, маоисты, социалисты или жулики. Но когда Huawei конкурирует за лидерство в 5G-технологиях с Qualcomm, AT&T и Verizon, в то время как сети 5G пронизывают всю экономику, то ценности имеют значение, различия в ценностях имеют значение, доверие имеет значение, так же как и верховенство права и закона».

Закрепление на длительную историческую перспективу нынешней китайской модели капитализма в качестве магистрального пути его развития вообще и во Втором мире, мире «развивающихся стран», в частности, означало бы огромный цивилизационный перелом в истории человечества, превосходящий по своему значению многочисленные случаи перехода лидерства, имевшие место в европейской и евроатлантической истории¹². Это особенно очевидно на фоне возможного дальнейшего ослабления Европы в качестве ядра мирового капитализма (а значит, и утраты, исключения ее культурообразующего значения). Это был бы первый случай глобальной победы новой, иной, неевропейской культуры над моделью европейского модерна, до сих пор являвшейся, можно без преувеличения сказать, основой существующего мирового мейнстрима, связывающего качественное экономическое развитие в индустриальную, и тем более, в постиндустриальную эпоху со свободой творчества, свободой личности, ее высокой креативностью.

Лично я убежден, что любые попытки искать альтернативу этой модели бессмысленны — такая смена в миро-

¹² Достаточно вспомнить такие прецеденты в истории, как переход лидерства от Венеции к Антверпену, от Антверпена — к Генуе, от Генуи — к Амстердаму, от Амстердама к Лондону, от Лондона последовательно к Бостону, Нью-Йорку и Лос-Анджелесу [Аттали, 2014. С. 5].

вом лидерстве встала на повестку дня не потому, что готов новый лидер, а потому, что действующий теряет позиции. Назревает смена лидерства, а готовности у США уходить со сцены нет, как нет и объективных возможностей реально принять это лидерство у Китая — вследствие чрезвычайной отсталости его социально-политической модели. Это опасная кризисная ситуация.

Есть, на мой взгляд, и объективные обстоятельства, которые обесмысливают поиск альтернативы европейской цивилизационной модели. Во-первых, то, что пытаются противопоставить Европе, «европейскому пути», модерну, цивилизации, всему тому, что было центром и локомотивом движения мира вперед сотни лет, — это не равновеликая альтернатива, имеющая свою перспективу цивилизационного развития, отличную от европейской, а искаженная, гибридизированная (с чем-то скрещенная), мифологизированная реальность. И особенно это видно на примере России.

Европа прошла длинный и сложный путь, сталкивалась с проблемами, с которыми сейчас сталкивается весь мир и, самое важное, находила пути решения этих проблем. Ценностные ориентиры и институты безопасности и развития, созданные после Второй мировой войны, главный из которых — Евросоюз — это не случайность, не абберация, а результат поисков, многовекового накопления опыта. Это — ключ к будущему, выбросив который, человечество окажется лишенным механизмов решения глобальных проблем.

В таком случае открывается путь к повторению кошмаров и трагедий XX века, а в конечном счете — к новому хаосу. Если мир не будет учиться на уроках Европы, не будет использовать выстраданные на этом пути достижения и найденные решения — мы действительно обречены на повторение.

Во-вторых, в нынешнем уменьшении роли Европы, ее «отставании» очень большую роль сыграл личностный фактор, а не объективные обстоятельства непреодолимой силы.

Вопрос о конце стратегии, который вместо «конца истории» произошел после крушения Берлинской стены и коммунистической системы, мы обсуждаем достаточно давно. Так, эта тема поднималась еще в 2007 году: «Перед западноевропейскими политиками и интеллектуалами встал вызов — разработать прочную новую парадигму поиска ответов на политические и экономические вопросы исторической значимости. Была ли эта цель достигнута? К сожалению, мы видим, что даже относительно адекватные ответы являются лишь элементом более важных вопросов» [Yavlinsky, Kogan-Yasny, 2007].

В условиях, когда стратегия расширения ЕС исчерпала себя, не дав требуемых результатов, остро ощущается необходимость выработки новой парадигмы его развития. Собственно, все элементы актуальной повестки дня современного Евросоюза, названные выше: рост популярности изоляционизма и национал-популизма, превращение миграции в серьезнейшую проблему, Brexit — все это следствие отсутствия продуманной стратегии. Можно даже сказать, неизбежное следствие.

В-третьих, значительная часть нынешнего европейского кризиса связана с тем, что после крушения СССР Европа не смогла удовлетворительным образом выстроить свои отношения с Россией. Фактически она просто потеряла Россию, так и не найдя с ней общего языка. В итоге Россия отправилась по пути, которого нет (и обратимость которого все менее очевидна), а немалые возможности так и остались нереализованными и в экономическом развитии, и в плане государственного строительства. Но и Европа тем самым упустила важнейший исторический

шанс: если бы в 1990-х она сделала продуманные шаги по постепенной, поэтапной, продуманной и осторожной интеграции России и других постсоветских государств в единое европейское пространство, то большей части негатива, от которого страдает Евросоюз, можно было бы избежать. Более того, в перспективе объединенная Европа могла бы стать центром экономической и политической мощи, не уступающим США и Китаю, что в свою очередь способно кардинально изменить конфигурацию цивилизационного развития.

В реальности, однако, ситуация стала раскручиваться по иному сценарию, и нам предстоит пережить все последствия принятых политиками решений.

Глава 3

Будущее России в глобальной политике

Россия и Запад переживают сейчас худший период отношений не только за постсоветское время, но и, возможно, вообще в истории. Даже мрачные времена холодной войны, даже близость «горячего» противостояния Карибского кризиса, кажется сейчас, оставляли больше надежды на будущее. Может быть, потому, что речь тогда шла о борьбе за направление движения вперед, за лидерство в европейской в своей основе цивилизации, глобальное первенство которой было неоспоримым.

Сейчас — время другого кризиса: неустойчивости, нарастающего глобального хаоса, а главное — всеобщей неуверенности и даже потери образа будущего. При этом официальная Россия кроит политику по лекалам холодной войны, пытаясь исходить из принципа игры с нулевой суммой — что плохо для Запада, хорошо для нас. Именно этот посыл был в основе внутрirosсийской истерики на тему «Трампа». Никаких оснований рассчитывать на то, что американские неоконсерваторы станут геополитическими союзниками России, никогда не было, но раз западный истеблишмент воспринимает победу Трампа как что-то плохое — да здравствует это плохое.

*Президент России Владимир Путин в Новосибирске.
Октябрь 2014 года // Timofeev Sergey / Shutterstock.com.*

В действительности, судьба России и Запада, их будущее взаимосвязаны, так же как связаны между собой причины происходящего в России и глобальной политике.

То, что переживает наша страна, та ситуация, в которой она оказалась, — во многом следствие применения на российской почве ограниченных концепций, которые, в конечном счете, привели к глобальному кризису целеполагания и доверия. В основе этих концепций — идеи негативной свободы, предельного индивидуализма, спонтанного порядка, нарисованного в утопиях саморегулируемого рынка.

Понятно, что нынешнее состояние мира неустойчиво, сопряжено с огромным количеством рисков и никак не способствует ни экономическому росту, ни консолидации человеческих сообществ вокруг действительно значимых целей и действий. Однако серьезный прогресс в деле глобального переустройства на более разумных началах сегодня невозможен без глубокого реформирования наиболее развитой его части, и альтернативы движению именно в этом направлении — реформирования Запада как способа преодоления глобального кризиса — нет.

Саммиты БРИКС — очередное тому доказательство. Сама по себе идея — конструкция БРИКС — была интересна как вызов признанным лидерам. Но сейчас, когда позиция мирового трендсеттера фактически вакантна, становится очевидным, что регулярно встречающимся лидерам, по большому счету, нечего предложить ни по одной из острых тем. Вместо этого они занимаются саморекламой, практически не обращая внимания на отсутствие связи с реальностью. В Бразилии в ноябре 2019-го, например, Владимир Путин рассказывал, что благодаря многолетней «сбалансированной макроэкономической политике» ему «удалось удержать экономику страны от сползания к рецессии» [«Выступление Владимира Путина на закрытии Делового форума БРИКС», 2019].

Именно на Западе сегодня должен начаться процесс оздоровления общества, преодоления дестабилизирующих его разрывов и поиска новых механизмов обеспечения соответствия общественных институтов стоящим перед ними задачам. Построение институтов, трансформирующих гуманистические европейские ценности в политические, экономические и социальные практики, — одно из таких направлений. Нынешнее отношение между рыночными механизмами и механизмами реализации общественных задач должно быть перевернуто и поставлено

с головы на ноги, что в числе прочего должно обеспечить прогресс в деле сокращения неравенства и обеспечения действительно равных возможностей для различных социальных групп с точки зрения представительства их интересов.

И, безусловно, должны быть преодолены элементы пост-модернизма в организации политической и общественной жизни в этих странах: идеи первичности индивидуальных желаний, равноценности любой деятельности по извлечению прибыли вне зависимости от общественной оценки ее результатов, абсолютной пользы процессов глобализации и др. должны уйти из реальности стран Запада как форпоста мирового капитализма в современном его обличье.

Значительную роль в этом процессе могла бы сыграть и Россия. Ее специфика заключается в том, что в силу особенностей своей истории она «выпала» из стандартного ряда, сильно отстав от ядра мирового капитализма в экономическом развитии, но сохранив амбиции и потенциальные возможности, в силу которых ее не устраивает то место на мировой периферии, куда сегодня ее толкают силы глобальной конкуренции.

Однако если говорить, например, о новейших интернет-технологиях, мы могли бы не выбирать между чужими предложениями, а в значительной мере опираться на собственные возможности. Стратегический национальный интерес России заключается как раз в том, чтобы не находиться в полной зависимости от американских или китайских интернет-технологий.

В условиях противостояния США и Китая развитие сетей 5G, искусственного интеллекта, интернета вещей, беспилотного транспорта и многого другого следует осуществлять на отечественной российской базе. И этот вопрос, если мы хотим реального суверенитета, должен быть решен нами самостоятельно. Специалисты, навер-

ное, скажут, что мы пока не можем равняться в этих областях с Америкой и Китаем, что у нас не хватает технологий, опыта. Да, возможно, сегодня и не хватает. Но это не значит, что всю технологическую перспективу России можно подарить китайцам. Понятно, что новые китайские технологии, массированно вторгнувшись в Россию, обязательно уничтожат в зародыше аналогичные российские производства, и мы окажемся даже не догоняющими, а отставшими навсегда. Точно знаю, поскольку много раз убеждался лично: люди в нашей стране исключительно талантливые и невероятно креативные. Но все это подавляется и уничтожается авторитарной мафиозной системой и вытаптывается чиновничьим государством. В этом смысле технологическая взаимосвязанность с Китаем еще более усилит репрессивный характер власти в России, поскольку китайский опыт в использовании государством новейших технологий в целях слежки и контроля за гражданами будет обязательно перенят российскими спецслужбами.

Именно полицейско-чиновническое государство, не желая смириться с ролью части «мировой деревни», пытается повысить свой статус с помощью использования военной силы, с одной стороны, и попытки представить себя в качестве альтернативы западному миру в социально-политическом плане — с другой. Будучи не в состоянии взять на себя роль одного из лидеров «мирового города», чему препятствуют как скромность экономического потенциала России, так и нежелание хозяев этого «города» признавать за новым претендентом какие-либо особые права и привилегии, Россия в этих условиях стремится выделиться в качестве лидера альтернативных сил, упирая на свою самобытность и ориентированность на «традиционные ценности», противопоставляемые «западным», представляемым в качестве ложных.

То есть вместо признания универсального характера основных ценностей развитого мира, защиты этих ценностей от забвения и дискредитации, в том числе самими западными элитами, Россия фактически солидаризировалась с усилиями по их дискредитации, хотя и с другого фланга. И официально, и неофициально Россия стала на позиции сознательной компрометации важнейших европейских ценностей и поддержки тех сил внутри западных обществ, которые работают на их самоизоляцию и дезинтеграцию.

При этом сами ценности желаемого будущего — общества свободных индивидов, построенного на принципах политической конкуренции и согласования интересов на основе права и дисциплинирующей роли общественной морали, оказались отвергнуты. Их место при активной пропаганде государства занимают элементы архаичного, демодернизированного сознания с его преклонением перед единой и неподотчетной властью, стоящей над обществом и присвоившей себе монополию на трактовку его интересов. Сознания, опирающегося на иррациональные инстинкты и элементы военно-племенных и феодальных отношений; легитимизирующего и сакрализирующего прямое насилие как главный элемент управления обществом.

Фактически российские элиты через свое стремление возглавить антимейнстримные и антизападные силы в глобальном масштабе пришли к отрицанию ценности гражданской и личной свободы, к поэтизации несвободы и подчинения общества целям и задачам, выдуманным крайне узкой группой людей, которой присвоен весь объем властных полномочий.

Другими словами, тактический маневр элит с целью усилить свои позиции в глобальном раскладе (если он задумывался в качестве такового) по сути приводит к глубокому развороту направления развития российского общества, и теперь уже для того, чтобы остановить этот разворот, по-

требуются немалые усилия, и еще неизвестно, приведут ли они к желаемому результату.

Но то, что предлагает Путин, — это не альтернатива, это продолжение эксперимента, ведущего в тупик. Правила «дилеммы заключенного», «игры с нулевой суммой» слишком хорошо усвоены им еще с молодости. Общество консолидируется не коллективизмом, не патриотическими идеями. В основе — представление о согражданах как манипулируемой массе, для управления которой нужно только найти соответствующие «кнопки». Разделение, противопоставление различных общественных групп друг другу — одна из них.

Сами же представители власти стремятся к максимизации прибыли и самосохранению любой ценой, а их корыстный интерес — двигатель коррупционно-бюрократической системы.

При этом выигрыш самих этих элит оказывается более чем эфемерным. Отказавшись от идеи догоняющей модернизации, Россия начала движение назад, но это не делает ее лидером и «законодателем мод» современного мира. В своем сегодняшнем состоянии она по-прежнему остается на глобальной периферии, «прилипает» к навсегда отставшим странам, и уже поэтому надежды на «новую Ялту» (на троих с США и Китаем или в какой-то иной конфигурации) на самом деле несостоятельны. Возможно, страна будет присутствовать в качестве значимого, а в каких-то случаях — и ключевого игрока при попытках урегулирования региональных конфликтов (иногда ею же с этой целью и создаваемых или раздуваемых), но надежды на роль неоспоримого лидера огромного «незападного» мира, пусть даже в непростой связке с Китаем, — это, несомненно, иллюзия.

И ставка на «многополярный мир» как замену прежней «биполярной» системы также окажется несостоятельной.

Хотя бы уже потому, что вместо «нового международного порядка» такой мир будет сопровождаться отсутствием какого бы то ни было порядка в условиях свободной игры большого количества различных автономных сил, не связанных общими правилами или представлениями. А для того, чтобы привести такой «новый дивный мир» в состояние хотя бы минимального упорядочивания и равновесия, сил, скорее всего, не хватит ни у кого — ни у США, утрачивающих сегодня свои позиции «глобального лидерства», ни тем более у России, которая сегодня не обладает необходимыми для этого материальными и идеологическими ресурсами. А «бесполярный» мир, который, скорее всего, возникнет в результате раскручивания борьбы всех против всех (где и кроется высокая вероятность большой войны, которая только и способна в такой ситуации определить иерархию и вернуть мир к равновесию) как антитеза «однополярному», будет очевидным шагом назад и кризисом уже не однополярного мира, а мира как такового.

При этом России — в случае развития событий по такому сценарию — придется даже тяжелее, чем странам, традиционно существующим в парадигме «третьего мира», — хотя бы потому, что западная «психология комфорта», стремление к упорядоченному и относительно обеспеченному существованию, пустила в России достаточно глубокие корни, явно выйдя за рамки не только узкого правящего слоя, но и традиционно благополучного привилегированного сословия. Резкое увеличение всякого рода рисков и растущее ощущение бесперспективности усилий по обустройству собственной жизни при таком сценарии если и не приведут к массовым протестам, то наверняка снизят степень управляемости общества и сделают невозможной его мобилизацию на амбициозные властные проекты.

В итоге Россия, пытаясь отмежеваться от Запада с его глобальными проектами и его же растущими социально-

Часть первая. Потеря будущего

экономическими и политическими проблемами, также оказывается в состоянии «нестояния»: она в еще гораздо большей степени не имеет ясного представления о собственном будущем, не понимает своей роли в нем, а потому боится его и в результате пятится назад, будучи не в состоянии справиться с задачами собственной модернизации. Оказавшись на историческом переломе, она избирает для себя ложные цели: вместо того, чтобы вместе с попавшей в «разрыв эпох» Европой искать общий путь к преодолению ловушек политического «постмодерна» и кризиса устаревшей модели капитализма, она пытается противопоставить себя той части Европы, которая пытается искать выход из этой эпохи в движении вперед, а не назад к не самому счастливому и уж точно исчерпавшему свои возможности прошлому.

Как сделать так, чтобы силы разума и прогресса все-таки взяли верх и тотальный разворот назад, который, естественно, приведет к краху, все же не состоялся, — отдельный большой разговор.

Глава 4

Способность к переосмыслению

Подробный разговор о причинах всего того, что описано в этой статье, — отдельная обширная тема. Отчасти само описание и добросовестный непредвзятый анализ происходящего содержат в себе немалую долю объяснения того, как сложилась эта реальность. И все же, подводя итоги, я постараюсь очень сжато, предельно коротко сформулировать некоторые основные блоки причин, приведших к нынешнему положению дел в мире.

1. Часть комплекса причинно-следственных связей, приведших к тому, с чем мы имеем дело сейчас, я подробно разбирал в моей работе, посвященной рецессии капитализма — анализу особенностей современной мировой экономики и фундаментальных причин кризиса 2008 года [Yavlinsky, 2011; Явлинский, 2014]. Сложившуюся в последние десятилетия экономическую систему я назвал по аналогии с Realpolitik — системой „Realeconomik“. Суть ее в том, что это специфическая форма современного капитализма, искажающая даже принципы общества потребления, освобождающая бизнес от кажущихся излишними моральных ограничений и от ответственности перед обществом, сводящая ценностную сферу и целеполагание исключительно к извлечению как можно большей прибыли

Президент России Борис Ельцин, премьер-министр России Егор Гайдар и глава Международного валютного фонда Мишель Камdessus в Кремле. Июль 1992 года // Дмитрий Донской / РИА Новости

за счет финансово-экономических пузырей и виртуальных видов деятельности, мало связанных с реальными потребностями людей.

Сам процесс исторического формирования современной системы „Realesonomik“ показывает и отчасти объясняет, как современное западное общество подошло к черте, у которой находится сейчас¹³.

¹³ Подробно, хотя и весьма односторонне это явление проанализировано в работах британского кинодокументалиста Адама Кёртиса, посвященных кризису современного общества (см., например, *The Century of Self* [Curtis, 2002] или *The Trap What Happened to Our Dream of Freedom* [Curtis, 2007]).

Речь о том, что в мировой политике в конце XX века появилось что-то, чего не было с начала европейского нового времени, — идея демократии была в значительной мере вытеснена упрощенной экономической моделью поведения людей. И в ходе этих перемен начался отход от политической системы, которая работает на основе представительства, диалога и компромиссов между различными группами населения и идеологическими подходами. «Экономическая демократия», базирующаяся на финансовой и банковской системе, начала трактоваться как неоспоримая, которую нужно принимать как данность. Особенность этой системы в том, что люди оказываются отстранены от всякого воздействия и влияния на «управляющую» модель.

Пути формирования системы „Realeconomik“ берут свое начало на переломе между экономическим ростом 20-х годов и Великой депрессией в целях преодоления спада производства в США. Именно тогда в целях управления обществом в попытке преодоления спада производства в США появилась и стала развиваться практика целенаправленного массового формирования искусственных потребностей и их удовлетворения, и на этой основе — идея приоритета экономики над демократией (the economy is superior to democracy). Активным проводником, а возможно, и инициатором этих идей был Эдвард Бернейс.

После окончания Второй мировой и начала холодной войны, когда влияние и значение СССР и коммунистической идеологии стали угрожающими для Запада, разработку моделей управления человеческим поведением активно продолжили. Гениальный, но не вполне здоровый математик Джон Нэш в поисках антикоммунистического идеологического противоядия попытался приложить ко всем формам человеческих взаимоотношений «теорию

игр», основанную на представлении о мрачной сущности человеческой личности, которая руководствуется только своекорыстным интересом и никому не доверяет.

Теория Нэша, за которую он получил Нобелевскую премию, доказывавшая, что общество, основанное на крайнем индивидуализме, эгоизме и личной корысти, может поддерживать стабильность и развиваться даже более динамично, чем планово организованный социум, приобрела огромное влияние на политику, а затем и на экономику. Однако ценой такого освобождения личной корысти должен был стать мир, где каждый будет подозревать другого человека и не доверять ему. Поскольку это показалось эффективной антисоветской идеологией, то в свете реалий холодной войны такой подход стал приемлемым.

На этой основе появилась ставшая чрезвычайно влиятельной в политике и экономике второй половины XX века философская идеологема, сутью которой стало противопоставление набиравшей популярность коллективистской социалистической и коммунистической идеологии модели социального равновесия, основанной на человеческом эгоизме и стремлении к единоличной выгоде, иначе говоря, системы сознательно культивируемого индивидуализма и узкого прагматизма. Речь пошла уже не только о пропаганде, но о разработке в этом направлении специальных технологий манипуляции индивидуальным и массовым сознанием.

Равновесие Нэша стало удачно соответствующей научной базой для подхода, к которому призывал австрийский ученый Фридрих Август фон Хайек, преподававший в Чикагском университете. Хайек был уверен, что планирование жизни общества носителями той или иной идеологии XX века, представляло гораздо большую опасность, чем любая из проблем, порожденных капитализмом. Хайек предлагал вернуться в «золотую пору» свободного рынка,

когда люди следовали своим интересам, а правительства им не мешали. Он считал, что из этого возник бы самонаправляемый, спонтанный порядок, созданный усилиями миллионов людей, играющих «свою игру». Союзником теории Нэша оказался и один из самых видных либеральных мыслителей XX столетия — Исайя Берлин, обосновавший идею «негативной свободы».

В итоге экспериментальная модель, разработанная Нэшем в экстремальных условиях холодной войны в целях идеологической борьбы с Советским Союзом, носившая окказиональный, прикладной характер, стала восприниматься все большим числом западных политиков и влиятельных персон в самых разных сферах как неоспоримая истина, как абсолютный мейнстрим в мировой политике и экономике, и более того, как универсальная система для всех областей человеческого взаимодействия.

Через «рейганомнику», тэтчеризм индивидуалистическая модель стала политической реальностью в США и в целом на Западе, а через «Вашингтонский консенсус» была навязчиво предложена как единственно верный рецепт развития для остального мира.

Никто не обращал внимания на то, что эта модель полностью отбрасывала в сторону то, что Адам Смит считал критически важным для упорядочения жизни общества (ordering the society) и называл «соображениями морали» (moral sentiments) — такие категории, как сочувствие и понимание нужд других людей.

Эта система взглядов проникла в самое сердце западной политики, начала и продолжает вести к деинтеллектуализации элиты, искажению ценностной шкалы, сужению горизонта политического и жизненного мышления и прогнозирования.

Так появилась «экономическая демократия», которая ко второй половине двухтысячных годов оформилась как

система „Realeconomik“, ведущая к широкомасштабному глобальному кризису.

Адам Кёртис недавно заметил: «В середине 70-х произошёл тектонический сдвиг — мы перешли от состояния не то чтобы конформистского, скорее коллективного, группового — к тому, что я называю «гипериндивидуализмом». В центре его стоит идея о том, что отдельный человек, индивидуум — ключевая, самая главная сила. И этот сдвиг размывает очень многое. Он размывает способность политиков объединять массы людей воедино. Это порождает неуверенность и в нас самих...» [«Адам Кёртис о «гипернормализации» и о том, чем ему интересен Владислав Сурков», 2016]. Архитекторы нашего современного мира создали для нас ужасную ловушку. Стараясь защитить нас от опасностей коммунизма, тоталитаризма и коллективной уравниловки, они привели нас в мир, лишенный смысла.

2. Еще одним ключевым фактором фактической деградации мировой политической системы стала глубоко ошибочная интерпретация итогов окончания холодной войны и крушения коммунистической системы как торжества и даже триумфа индивидуалистической стратегии и «экономической демократии» в стиле Рейгана и Тэтчер. В 1992 году американский политолог Фрэнсис Фукуяма выдвинул идею, что мир «достиг конца истории», а «либеральная демократия является лучшим политическим решением».

Возникла идея искусственно сконструировать однородный «новый мир» на принципе негативной свободы, т. е. предельного индивидуализма, мир, где все люди были бы свободны делать то, что они хотят, без принуждения и ограничений со стороны элит и правительств.

Согласно этой теории, если разрушить все старые институты, ликвидировать элиты, которые говорили людям,

что нужно делать, и вместо этого позволить индивидуумам вести себя независимо и по рыночным правилам, эти индивидуумы станут новым видом рациональных существ, которые будут добиваться организации общества, так как это необходимо для их рыночной деятельности. Из всего этого вырастет новый порядок и новая демократия, когда рынок, а не политика, будут давать людям то, что они хотят.

В результате практической деятельности по реализации этих «идей», подкрепленной кредитами и финансовыми вливаниями МВФ и Мирового банка, по существу произошла российская экономическая катастрофа 1992–99 годов. Из этой экономической катастрофы возник новый порядок, но это, как теперь всем хорошо понятно, не был спонтанный порядок, нарисованный в утопиях свободного рынка, в мечтах Хайека, Фридмана и российских «младореформаторов» времен Ельцина. Это оказалось нечто совсем противоположное.

Затем этот подход был реализован в попытке решить международные проблемы через военно-силовое смещение опасных (действительно опасных) диктаторов в расчете на то, что освобожденный индивидуализм и рыночные механизмы все сами собой исправят. Наиболее яркий пример полученного результата — последствия американского вторжения в Ирак.

3. Система „Realeconomik“ в сочетании с глобализацией привела к необратимому неравенству. Мир разделился на страны развитые и неразвитые навсегда. Разрыв в качестве и продолжительности жизни, образовании, медицине, уровне технического развития стал непреодолимым. По сути практически исчезли развивающиеся страны (за исключением буквально нескольких). Утрата всякой перспективы у населения значительной части стран привела

к миграционному кризису в Европе и появлению ИГИЛ. Углубление неравенства между странами (как и внутри них) будет усиливаться, и конфликты, вытекающие из этого обстоятельства, станут печальным и опасным смыслом международной жизни в XXI веке.

4. Серьезной причиной и предпосылкой нынешнего глобального кризиса стала неспособность европейской бюрократии выработать стратегии качественно нового этапа развития ЕС. Крушение Берлинской стены ознаменовало собой не «конец истории», а конец стратегии. После 1991 года произошла стремительная интеграция в ЕС восточноевропейских и балтийских стран, при этом, однако, никакого перспективного видения дальнейшего развития Евросоюза и никакой созидательной стратегии по отношению к России, Украине, Белоруссии и Молдове так и не было создано, исчезло понимание большой Европы от Лиссабона до Владивостока, и европейская ситуация зашла в тупик.

5. В результате соединения технических плодов четвертой промышленной революции — технологий, влияющих непосредственно на психику, поведение и сознание людей, — с капитализмом, уходящим от своих основ, и карнавальной политикой (шоу и борьба за внимание аудитории вместо содержательного разговора и решения проблем) зародилось новое качество, которое может представить угрозу глобального масштаба.

Одним из проявлений кризиса стало то, что старшее поколение (старше 35 лет) не смогло связать прогресс информационных технологий с достижениями XX века. А молодежь приняла прогресс как данность, но не знает, для чего он, что он значит, к чему обязывает. Частью новой реальности стало размывание стандартов информационной

Глава 4. Способность к переосмыслению

политики, положение, когда выше правды и достоверности фактов становятся «клики» и дивиденды (не только финансовые, но и имиджевые, политические и т. д.), приносимые «Кликами».

* * *

Перспектива преодоления этой угрозы, сдерживания нарастающего хаоса и возвращения миру смысла зависит от способности лидеров к принципиально новому уровню переосмысления глобального развития.

Глава 5

Предопределенность кризиса

В конце 2018 года падение фондовых индексов Dow Jones и NASDAQ оказалось самым существенным с 2008 года. Предрождественские показатели мирового фондового рынка приблизились к худшим значениям декабря со времен Великой депрессии конца 20-х годов прошлого века. Мировые рынки потеряли в 2018 году почти \$7 трлн, что делает его худшим годом со времен финансового кризиса 2008-го. В третьем квартале 2018 года долги домохозяйств США достигли рекордных \$13,5 трлн. Почти 80% американцев сегодня живут от зарплаты до зарплаты. Последний раз долг домашних хозяйств был почти таким же высоким в 2007 году, незадолго до «великой рецессии».

Тогда же стало появляться все больше авторитетных публикаций, посвященных предстоящему кризисному развитию мировой экономики [Brown, 2018; Dalio, 2018; “Billionaire Bond Guru Dalio Says Conflict Gauge Is at Highest Since WWII”, 2018; «Эксперты UBS Securities и J.P. Morgan заявили об отсутствии угрозы рецессии в мире в 2019 году», 2018]. Акцентируя внимание на разных нюансах сложившейся ситуации, авторы, среди которых знаковые фигуры современного политического и финансового мира,

Президент США Джордж Буш-младший вместе с председателем Федеральной резервной системы Беном Бернанке (слева), председателем Комиссии по торговле ценными бумагами Крисом Коксом (справа) и секретарем Казначейства США Ханком Поулсоном. Президент США произносит речь в Розовом саду Белого дома по проблеме сложившейся негативной экономической обстановки в стране. 19 сентября 2008 года // White House / Joyce N. Boghosian

стали говорить не о прошлом, а о будущем — об опасности нового экономического обвала с соответствующими последствиями.

Именно тогда, через десять лет после кризиса, пусть и очень медленно, начало утверждаться понимание, что угроза нового экономического кризиса не столько в скачках на фондовых рынках, сколько в углубляющемся политическом кризисе в странах ядра мировой экономики. Стало больше понимания, что необходимо действовать, но в то же время и все больше вопросов без ответов.

Непонятный кризис

За десять предшествовавших лет так и не был устранен ряд ключевых причин и факторов кризиса 2008 года. Напротив, их влияние усилилось. Собирались G7 и G20, было бесконечное количество саммитов, разговоров и громких заявлений, особенно сразу после кризиса. Но в итоге из кризиса 2008 года не были извлечены уроки, не были устранены его причины. А главное — кризис так и не был понят: его просто погасили гигантскими правительственными финансовыми вливаниями в частный банковский сектор. То есть вместо решения проблемы была создана видимость решения.

С тех пор экономический кризис является не просто обычным циклическим явлением, но и перманентной угрозой.

Для понимания причин кризиса и поиска решений глобальных экономических проблем необходимо качественно расширить контекст обсуждения, оперируя не только цифрами биржевых сводок и финансовыми отчетами. Потребуется вновь вернуться к ряду ключевых проблем современной мировой экономики, которые десять лет назад уже привели к «великой рецессии», но от которых по-прежнему отворачиваются как правительства развитых и развивающихся стран, так и мировая экономическая элита. Без осмысления и постепенного решения этих проблем невозможно выйти из бесконечного цикла мировых экономических кризисов.

Вот несколько процессов и явлений фундаментального значения, которые были видны до пандемии. Они свидетельствуют о неизбежности глобального системного кризиса и необходимости разработки таких же фундаментальных шагов по исправлению ситуации.

Скрытые причины

1. Продолжается рост абсолютных и относительных масштабов финансового сектора. Финансовый сектор, превратившись из обслуживающего нужды экономики в самодостаточный, генерирует одни из самых высоких персональных управленческих доходов. Финансовый сектор стал подобен бюрократической структуре, которая под предлогом выполнения общественных функций вбирает в себя все больше ресурсов и людей, для которых придумываются новые функции, под которые снова и снова привлекаются люди и ресурсы, — и так без конца. Общество уже давно не контролирует финансовый сектор — наоборот, финансовый сектор получает возможность контролировать политиков и коррумпировать их в своих интересах (“When you can have something out of nothing, it is very difficult to resist”).

2. Усиливается влияние групп интересов (в первую очередь групп, связанных с финансовым сектором) на СМИ, на политическую, образовательную и академическую элиту. Повестка дня и тональность дискуссий во всех этих средах явно изменились в пользу групп, открывших в последние десятилетия новые ниши для обогащения. В западном публичном медиапространстве тезис «экономика будущего — экономика знаний и инноваций» рассматривается как непререкаемая истина и служит оправданием для перераспределения доходов в пользу бизнеса, который оперирует продуктами — результатами инновационной интеллектуальной деятельности (финансовый инжиниринг, потребительские услуги в области коммуникаций и развлечений, разнообразный контент для электронных потребительских устройств и т. д.). В результате в картине мира, рисуемой «мейнстримовыми» средствами массовой

информации и системой образования, привычные ценности общественного прогресса отступили на задний план, а на авансцену выдвинулись новые — «креативность» и «инновационность».

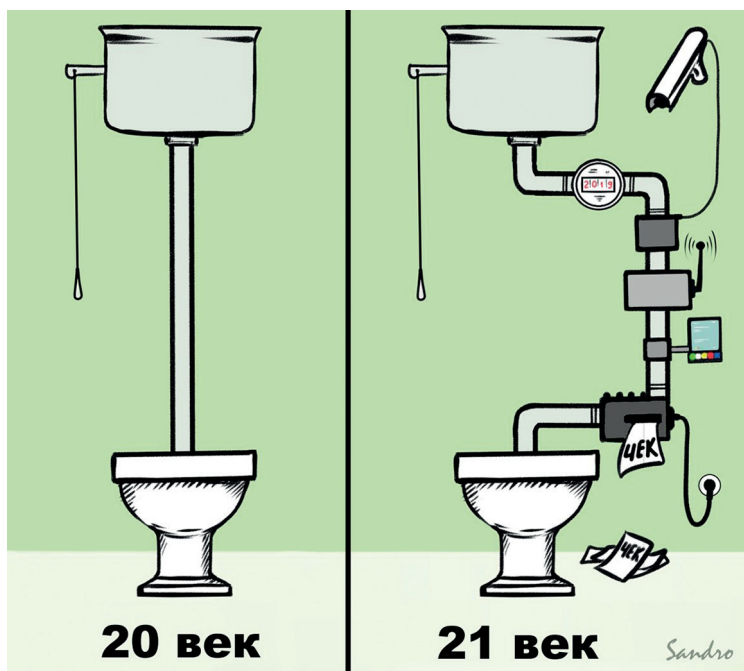
3. Происходит опережающий рост «экономики брендов» относительно «экономики товаров». В содержании деловой активности растет удельный вес элементов, связанных с манипулированием сознанием потребителя и установлением контроля над каналами сбыта в противовес деятельности по совершенствованию производственных возможностей. Инвестиции в рекламу и каналы дистрибуции дают на порядок большую отдачу, чем инвестиции в производство. Это создает небывалые возможности для повышения рентабельности бизнеса и одновременно для безнаказанных злоупотреблений положением. Конкуренция не исчезает совсем, но вырождается в олигополию на базе интеллектуальной собственности: собственности на бренды, устоявшиеся каналы сбыта, контроль над регулируемыми инстанциями. Огромные доходы приносят «интеллектуальная» и историческая ренты (доходы экономически развитых стран и крупнейших транснациональных корпораций, образующиеся регулярно и пожизненно от владения брендами, марками, патентными правами, традиционно большими долями мирового рынка) — экономические явления, получившие особенно широкое распространение во второй половине XX века и сыгравшие значительную роль в углублении неравенства в результате глобализации.

4. Расширяется «новая экономика». Она стала еще менее прозрачной, чем традиционные сектора (практически невозможно объективно определить ни реальные издержки, ни многие потребительские характеристики продукции; процесс производства — черный ящик, содержимое

которого не поддается контролю). «Новая экономика» во многом виртуальна, то есть ее функционирование не сопровождается потреблением, накоплением или даже физическим перемещением производительных ресурсов. По сути, это не столько производство, сколько обмен на деньги виртуальной продукции, все чаще существующей не в реальности, а в сознании потребителя в виде образов, объектов вожеления и мечтаний и т. п. Эта «новая экономика» еще менее поддается влиянию регуляторов, поскольку предмет регулирования во многом неопределенный (трудно классифицировать, разрабатывать и применять стандарты и нормы), и обойти регулирование гораздо легче, чем в традиционных секторах.

5. Усложняется и «интеллектуализация» («софтизация») экономики. Чем больше звеньев между исходными ресурсами и конечным потреблением, тем менее понятна связь между деятельностью и результатом. Обилие промежуточных звеньев и процессов создает благоприятную среду для интеллектуальных манипуляций и создания новых возможностей извлечения прибыли «из воздуха». В бизнес проникают паразитические практики бесконтрольных бюрократических структур: рост и размножение через искусственное формирование потребностей, самозакрытие от внешнего контроля, создание ореола загадочности вокруг собственной деятельности. Продукты и производство становятся все более сложными и нематериальными, а значит, и непрозрачными для большинства людей. Сдвиг в сторону повышения удельного веса «интеллектуального» компонента лишь отчасти (и, скорее всего, в небольшой степени) отражает реальный рост удельного веса затрат на компоненты в структуре издержек производства (затраты на научно-исследовательские и опытно-конструкторские работы, приобретение патентов и т. п.). В большей степени сдвиг

отражает изменение в структуре потребительского спроса, который эволюционирует в сторону услуг и «инновационных» товаров. Данный сдвиг не стихийен, он представляет собой результат активного воздействия на общественное (в данном случае потребительское) сознание со стороны крупных транснациональных корпораций, имеющих возможность разворачивать мощные рекламно-информационные кампании и создавать глобальные сети дистрибуции своей продукции.

Модернизация. Александр Яковлев
(<https://www.freelancejob.ru/users/yakomon/>)

6. Углубляется новое международное разделение труда. «Новая экономика» расположена в богатых и процветающих странах, в то время как менее прибыльные традиционные отрасли переводятся в страны с более дешевой рабочей силой и значительно более мягким экологическим регулированием. Интеллектуальная собственность (товарные знаки, патенты, исключительные права на предоставление ряда услуг) приобретает все большее значение для благополучия более богатых стран. Это также влияет на господствующую на Западе идеологию: вместо стремления к равным возможностям и сокращению разрыва между нациями — меритократия, минимизация перераспределения и чрезвычайно либеральные экономические отношения, применяемые к международной экономике.

7. Четверть века без опасности глобальной войны. Угроза войны объективно подталкивает все общества к ограничению индивидуализма перед лицом общих задач, к большей самодисциплине и жесткому контролю в интересах выживания. Иллюзия отсутствия внешнего противника развязала руки для «удобной» внешней политики, когда можно не обращать внимания на устоявшиеся в международных отношениях правила игры, включая формальную легальность. В последние десять лет стало особенно заметно, что с разрушением биполярного мира уже нет необходимости пропагандировать идеи справедливости и равенства (даже если во многом это было лицемерием, для устройства жизни это все равно было очень важно). Отсюда и пропаганда абсолютной меритократии («бедные сами виноваты в том, что они бедны»; «богатство — закономерное отражение достоинств отдельных людей и целых стран», и неважно, как и с помощью каких «услуг» они его получают), и признание почетным и достойным получения рентных доходов, доходов от спекуляций и т. п. («креативность» вместо полезности и эффективности).

8. Картина, которую для общества рисует мейнстримовая экономическая наука (точнее, общественные науки), все меньше отражает действительность. Такая картина, как правило, игнорирует тот факт, что сама экономическая система, чтобы нормально функционировать, должна опираться на встроенные неэкономические моральные императивы. Если бы в мире не было нерыночных ценностей (таких как честность, уважение личности, стремление к созданию социальных организмов), то не было бы и рынка в его современном понимании. Подавляющее число экономистов встроились в систему. В итоге так называемое экспертное сообщество в не меньшей степени, чем бизнес и бюрократия, стало корыстным, пристрастным, склонным пользоваться неинформированностью людей и их слабостями. А за этим, в свою очередь, просматриваются вполне прозаичные вещи: комфортное существование, регалии, посты, хорошая денежная «подкормка» и т. п.

9. Ускорилося движение по вектору, который условно можно обозначить как «от постиндустриализма к постмодерну». Под последним следует понимать стремление избавиться от всем понятного конкретного смысла, превращение средства в самоцель. Применительно к экономике это означает, что производство и потребление меняются местами: не производитель существует для независимого от производства потребителя, а наоборот — производитель создает необходимого для себя потребителя, формируя у него потребность в данном продукте (товаре, услуге).

Экономический мейнстрим исходит из такой логики: любая деятельность, приносящая доход, есть реальная экономическая деятельность, являющаяся полноценной частью общественного продукта. То есть все, что приносит большую прибыль, эффективно, а следовательно, нравственно

и полезно. Важнейший принцип «Любое благо должно быть адекватно оплачено» сменил другой: «Все, что оплачено, является адекватным оплате благом».

Более того, поскольку самый эффективный способ деятельности — это тот, который сопряжен с получением максимального дохода при минимуме затрат, получается, что пределом эффективности, то есть идеалом деловой активности, является получение дохода от такой «интеллектуальной собственности», как товарные знаки, технологии и техники воздействия на потребительское сознание, искусственно внушенные потребителям потребности и стандарты и т. п. В перечисленных случаях затраты «производителя» подобных продуктов могут стремиться к нулю, а доходы — к бесконечности. Соответственно, и эффективность, понимаемая как отношение доходов к расходам, может достигать поистине фантастических величин.

Последние полвека показывают, что не только отдельный человек, но и общество в целом поддается целенаправленному внушению. Вся «новая экономика», в сущности, построена на том, что нужды потребителя, его предпочтения не данность, что можно воздействовать на них и даже формировать их под себя. Следовательно, бизнесу необязательно приспосабливаться к обществу — можно, наоборот, в значительной степени приспособить его к себе.

Вначале это обнаружили рекламщики, хотя и не придавали своим наблюдениям теоретически оформленный вид. Потом оказалось, что на этом можно построить политические технологии, а потом и огромные новые рынки для бизнеса, если правильно организовать работу с потребительскими массами. Отсюда и иррациональный культ инноваций и хай-тека, и тезис о том, что единственно правильным товаром является эмоция, ибо потребитель, в сущности, платит не за «железки» и «тряпки», а за

удовольствие от обладания источником собственной «крутизны».

Пока эти мысли представлены в умах активной части общества фрагментарно, в не до конца оформленном виде, но когда они выкристаллизуются в четкое понимание, это будет означать начало эпохального переворота в экономической истории человечества, сравнимого разве что с переходом от охоты и собирательства к производству.

10. На фоне роста все более разнообразных видов потребления относительно падает значимость таких жизненных ориентиров, как профессиональная карьера, общественное признание, репутация в рамках профессиональных сообществ. Разрушается сложившаяся во второй половине XX века профессионально-социальная структура общества с соответствующими традициями, сознанием, правилами и этикой отношений. Исчезают прежние сообщества людей — профессиональные, территориальные, культурные, базировавшиеся на общности экономической жизни, — тогда как новые очень текучи, виртуальны и недостаточно глубоки, чтобы вводить жизнь в рамки внятных правил. На Западе выросло поколение (несколько поколений), для которого борьба за существование, тяжелый физический труд — абстракция. Ослабло влияние на общество традиционной трудовой морали, ощущения личной ответственности за обеспечение базовых материальных условий жизни.

Одновременно появляется новый массовый экономический класс — специалисты IT (программисты, системные администраторы, хакеры и другие). В связи со стремительным распространением новых технологий люди и компании попадают в зависимость от специалистов IT. Таким образом возникает новое социальное разделение в обществе — между обладателями заветных технологических

навыков и всеми остальными. Стоит отметить, что такое разделение весьма криминогенно.

11. И наконец, last but not least, очень простая, но при этом ключевая для экономического роста и развития аксиома: мораль является важнейшей частью экономической жизни. Речь не об индивидуальной морали как личном качестве, а об общественной морали как совокупности неформальных правил жизни, соблюдение которых необходимо для выживания, самосохранения и жизненного успеха. Однако уже более полувека общественная мораль остается вне внимания политиков, общества, бизнеса и СМИ, поэтому отношения, выражаемые этой аксиомой, на протяжении всех этих лет подвергались непрерывной деградации.

Общественная мораль как правило жизни и экономический механизм связаны воедино, одно является частью другого. Рыночный капитализм жестко связан с общественной моралью через доверие (к общественным и экономическим институтам). Если доверия нет, рынок будет работать лишь в самых примитивных формах. Современная сложная экономическая система без доверия оказывается парализованной, что наиболее ярко проявляется в периоды кризисов. И наоборот, чем выше уровень доверия к институтам, тем активнее и эффективнее работает экономическая машина. Доверие в очень значительной степени продукт общественной морали. Доверие помогает обществу через систему нравственных сдержек не допустить нечестных действий, необязательно задействуя при этом правоохранительные органы. Соответственно, падение морали снижает эффективность системы.

При этом связь между двумя этими явлениями носит в значительной степени динамический характер: когда ситуация в экономике начинает ухудшаться и назревает

кризис, состояние общественной морали, как правило, также ухудшается, что, в свою очередь, только приближает кризис.

Рецессия капитализма

Эти соображения вытекают в том числе из кризиса 2007–2009 годов. Да, конечно, у того кризиса были объективные предпосылки: и циклическое движение цен, и «пузыри» на рынках, которые периодически неизбежно появляются (и столь же неизбежно сдуваются). Но если бы каждый на своем месте делал то, что ему положено было делать (по долгу и по совести), такого кризиса не случилось бы. Прямое признание этого обстоятельства — в известном фундаментальном докладе Комиссии по расследованию финансового кризиса [The Financial Crisis Inquiry Report, 2011]. При этом практически все, кто серьезно и обстоятельно писал на тему того финансового кризиса, отмечали, что масштабы злоупотреблений и прямого обмана в финансовом мире в течение, допустим, двух десятилетий, предшествовавших кризису, росли открыто и существенно.

Уже в начале 2019 года, вошедшего в историю как цифровой маркер новой коронавирусной инфекции (COVID-19), мы констатировали, что все уродливые явления, определенные в качестве непосредственных причин финансового кризиса 2008–2009 годов (включая и зависимость доходов и занятости в развитых странах от волатильности на финансовых рынках, и слабое регулирование, и засилье финансового лобби, и безответственность и безнаказанность касты высших менеджеров), сохраняются и развиваются. Это говорит о том, что корни проблемы остались и ситуация, по большому счету, не изменилась.

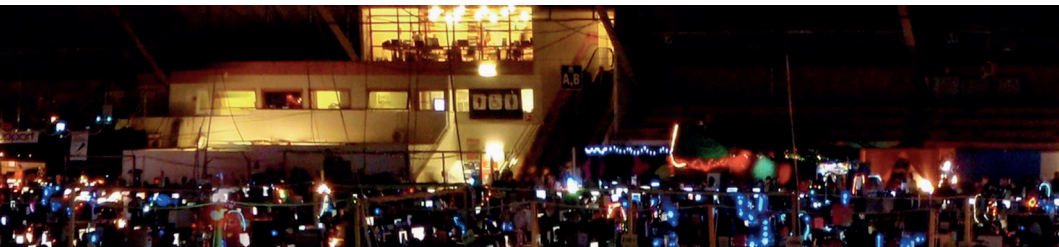
Итак, надо признать, что в условиях четвертой промышленной революции и глубоких качественных изменений в социально-политической жизни общества та модель экономики и общества, которая сегодня господствует в развитой части мира, далеко не так совершенна, как принято считать. Если общество и государство не справляются со своими функциями по обеспечению безопасного и благополучного будущего, то это не потому, что люди стали хуже («Бога забыли», «совесть потеряли» и т. п.). Дело в том, что экономика стала другой и окружающий мир изменился, а политики и властвующие элиты, судя по принимаемым ими решениям, не только не устранили причины предшествующих кризисов, но и не поняли качественно новых трендов в мировом экономическом и политическом развитии.

Если говорить совсем коротко, фундаментальная причина приближающегося кризиса не только в циклически повторяющихся проблемах, но и в качественном сдвиге, изменившем облик и содержание современного капитализма¹⁴. Эти перемены не просто накладывают отпечаток на экономику. В сочетании с плодами четвертой промышленной революции они меняют мир и человека, и без осознания этих перемен невозможно избежать мировых экономических кризисов, исключить из мировой политики вероятность большой войны, сознательно конструировать и активно создавать будущее.

¹⁴ Подробнее об этих изменениях см. «Рецессия капитализма. Скрытые причины» [Явлинский, 2014] и “Realekonomik. The Hidden Cause of the Great Recession” [Yavlinsky, 2011].

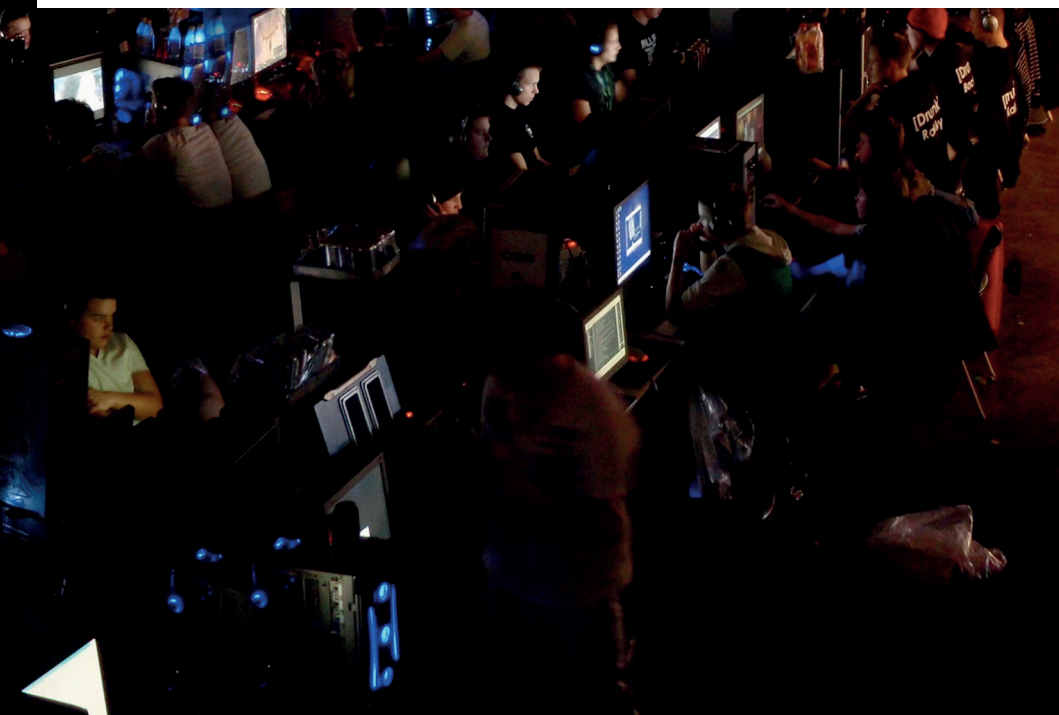
Martin from Tyrol /<https://www.flickr.com/photos/solarthermienator/>

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

ЦИФРОВЫЕ ТЕХНОЛОГИИ И ГЛОБАЛИЗАЦИЯ БЕСПОРЯДКА

(осень 2020)

*Мосты сгорели, углубились броды,
И тесно — видим только черепа,
И перекрыты выходы и входы,
И путь один — туда, куда толпа.*

*И парами коней, привыкших к цугу,
Наглядно доказав, как тесен мир,
Толпа идет по замкнутому кругу —
И круг велик, и сбит ориентир.*

*Течет под дождь попавшая палитра,
Врываются галопы в полонез,
Нет запахов, цветов, тонов и ритмов,
И кислород из воздуха исчез.*

*Ничье безумье или вдохновенье
Круговращенье это не прервет.
Но есть ли это — вечное движенье,
Тот самый бесконечный путь вперед?*

Владимир Высоцкий, 1972 год

Глава 1

Мир без альтернативы

2020 год, год пандемии, стал рубежным. Все до поры скрытые процессы и тенденции, «подводные течения», которые были неочевидны без внимательного рассмотрения или которые можно было игнорировать, вышли на поверхность. Мир стал другим. Эпоха глобализации, длившаяся почти четыре десятилетия, подходит к концу, и на смену ей приходит «век беспорядка», утверждают стратеги из Deutsche Bank [«Deutsche Bank предсказал наступление

Демонстрация против мер правительства ФРГ в борьбе с пандемией COVID-19 с участием сторонников QAnon, Берлин, Германия. 29 августа 2020 года // Axel Schmidt / REUTERS

глобальной эпохи беспорядка», 2020]. Существует множество труднопредсказуемых событий и развилочек, и куда, как говорится, кривая выведет, не знает никто. Но даже происходящее сегодня во многом показательно. Так, в общественном дискурсе запрос на безопасность усиливается относительно запроса на свободу. Со стороны государства это выливается в ужесточение контроля, что явно находит больше если не поддержки, то понимания. Терпимость к бытовым ограничениям и вмешательству в частную жизнь выросла, в том числе в верхних слоях общества. Возможно, и к политическим ограничениям тоже.

Девальвация ценности неприкосновенности частной жизни в сочетании с манипулированием интересами и потребностями, их искусственным формированием становится трендом, и, похоже, весьма долговременным. И все это на фоне взлета популизма: политические системы, кажется, неспособны консолидироваться, чтобы блокировать политиков-популистов, тогда как способность традиционной элиты сохранять свою роль политически ответственного класса значительно ослабла.

Сетевизация коммуникаций, возможность выхода в публичную сферу любого желающего, обесценивание мнения экспертов и специалистов на фоне искаженного, карнавального новостного потока и анонимности в интернете резко увеличивают шансы случайного лидерства. Всемирная сеть, добровольно-принудительно выворачивающая людей наизнанку, в сочетании с популизмом в форме политической клоунады стала существенным фактором политики и общественной жизни. Информационные технологии высвобождают и выносят на поверхность самые темные стороны человека и иногда уже даже не популистские, а абсурдные теории.

К примеру, QAnon — конспирологическое движение, основанное на убеждении в том, что руководство Демократической партии США и многие американские знаменитости поклоняются сатане и вовлечены в гигантскую международную схему торговли и сексуальной эксплуатации маленьких детей [«QAnon», 2021]. Это движение появилось в конце 2017 года и с тех пор успело привлечь в свои ряды десятки тысяч как обычных американцев, так и знаменитостей. QAnon стало ретранслятором «всеобщей теории заговора», объединившей практически все известные конспирологические теории, мистификации и их персонажей. За каких-то три года вокруг идей «новых конспирологов» сложилась целая субкультура с миллионами просмотров

в YouTube, продажей одежды и аксессуаров с символикой. А с недавних пор идеи QAnon открыто высказывают и политики, в том числе претендующие на место в Конгрессе США [„A QAnon supporter is (almost definitely) heading to Congress“, 2020]: в соцсетях они всерьез пишут о вреде вакцин и чипизации.

О силе влияния теорий QAnon на американское общество свидетельствуют результаты опросов. Так, 44% избирателей Республиканской партии США уверены, что Билл Гейтс хочет использовать вакцину от COVID-19 как предлог, чтобы чипировать людей и таким образом следить за ними [„New Yahoo News/YouGov poll shows coronavirus conspiracy theories spreading on the right may hamper vaccine efforts“, 2020]. QAnon быстро выплеснулся из интернета в реальную жизнь: самое динамичное и массовое конспирологическое движение зажило собственной жизнью даже без создателей, а эффект от его деятельности носит уже глобальный характер. В группах против Гейтса в фейсбуке сотни тысяч участников со всего мира. В мае этого года от Нью-Йорка до Лондона прокатились реальные массовые уличные протесты против «попыток» основателя Microsoft «чипировать человечество и устроить мировой геноцид путем прививок от коронавируса». Минувшей весной в Британии нападения вандалов подверглись десятки телекоммуникационных вышек, которые адепты теории заговора считают одной из причин распространения COVID-19 [„How false claims about 5G health risks spread into the mainstream“, 2020].

Тем временем цифровые платформы стремительно превращаются в руках популистов в рассадник ультраправых идей и практик. Хорошо известно, что популизм легко трансформируется сначала в национализм, а затем и в фашизм. А ведь именно популистские идеи лежат в основе авторитарного корпоративного государства, стоят за монополизацией

в экономике и политике, порождают претензии на миссию по отношению к внешнему миру. Именно популизм делает определяющими во внутренней политике такие явления, как единение народа и власти, борьба с внешними угрозами как смысл государственности, борьба с предателями Родины и заговорами как основа безопасности. Процесс трансформации популизма в фашизм может принимать внешне совсем не угрожающие формы, а может и вообще быть незаметным со стороны — фасад останется прежним, несмотря на изменившееся содержание.

Еще один острый вызов наступающей эры — новая экономика, настоятельно требующая переосмысления на институциональном уровне таких ключевых понятий, как монополия, собственность, конкуренция.

Вообще, внешне сегодня в жизни все выглядит как прежде. Однако очень многие не понимают смысла происходящего, растеряны, не знают, что делать. Это позволяет убедить людей в отсутствии альтернативы, в том, что сокращение степени свободы выбора исключительно благотворно. Характерно, что на Западе в последнее время стал снова популярен слоган „TINA: There is no alternative“ («Альтернатив нет»), когда-то активно использовавшийся премьер-министром Великобритании Маргарет Тэтчер.

И действительно, в новую эпоху человечество вступает, фактически лишившись альтернативы. В России окончательно оформилось суперавторитарное корпоративное государство с несменяемым руководителем. В США за пост президента боролись 74-летний и 77-летний кандидаты, да так боролись, что после выборов страна оказалась едва ли не на грани гражданской войны. В Европе нарастает страх перед беженцами из стран третьего мира, а к власти один за другим приходят если не националисты, то популисты. Коммунистический Китай тем временем усиливает промышленную и технологическую экспансию.

Глава 1. Мир без альтернативы

В серии статей под общим названием «Политическая энтропия. Цифровые технологии и глобализация беспорядка» рассматриваются процессы, вызывающие кризисные явления в мировой политике и формирующие экономику новой эпохи. Кроме того, в публикациях речь идет о серьезных изменениях в обществе, ускоренных пандемией коронавируса, в контексте влияния четвертой промышленной революции, прежде всего информационно-коммуникационных технологий, на политику и жизнь человека. В конечном счете главный вопрос современности — способны ли человечество определять свое будущее. Цель этого цикла публикаций — обратить внимание на особенности новой эпохи и попытаться наметить путь вперед.

Глава 2

О политических системах НОВОЙ ЭПОХИ

За чередой будоражающих мир событий незаметно происходит масштабный процесс — создание новых форм и методов управления социальными явлениями, по сути, рождение нового типа политической системы.

Нельзя не заметить, что в последнее десятилетие политические системы в западных странах стали давать серьезные сбои. Внешне это проявлялось в неспособности этих политических систем эффективно противостоять манипулированию со стороны сил и узких групп, чужеродных по отношению к сложившимся ранее балансам интересов.

Маргинальные политики с авторитарными взглядами, конечно, существовали всегда. Но теперь они стали занимать в своих странах гораздо более весомое положение и даже начали формировать своего рода коалиции между собой. Главное, что объединяет этих политиков, — отрицание значимости и даже необходимости появившейся после Второй мировой войны политической системы европейского типа, попытка представить ее как «неправильную», несправедливую и нежизнеспособную. Примеров достаточно: Трамп в США, Джонсон в Великобритании, Путин в России, Эрдоган в Турции, Дуда в Польше, Орбан в Венгрии, Болсонару в Бразилии.

Обложка журнала *Time* с изображением президента России Владимира Путина, президента Турции Реджепа Эрдогана, премьер-министра Венгрии Виктора Орбана и президента Филиппин Родриго Дутерте, май 2018 года

Не всегда отрицание прямолинейно, часто эти идеи за-
камуфлированы под призывы к «реформированию» поли-
тической системы. В большинстве случаев это проявляется
в форме популизма — призыва к восстановлению примата
интересов «народа» (например, «брекзит»), противопостав-
ляемого разложившейся эгоистичной «элите», и обещаний
добиться этого в случае прихода к власти. При этом чаще
всего речь идет не обо всем населении, а о некоем «насто-
ящем» («истинном», «глубинном») народе, который является
носителем «правильных» традиционных ценностей. Более

того, такой народ противопоставляется не только элите, но и другим чужеродным элементам и ценностям. Подразумевается, что удовлетворению подлежат запросы не всего населения, среди которого встречаются разнообразные меньшинства и особые группы, а именно «коренной» его части, определяющей государственную идентичность.

Характерно, что под переменами в этих случаях, как правило, подразумевается не столько установление какого-то нового, более прогрессивного и справедливого порядка, сколько восстановление старого, якобы утраченного. Новый популизм (как, впрочем, и старый) в этом смысле оказывается обращенным к прошлому, к некоему более естественному, но утерянному порядку, который якобы когда-то обеспечивал справедливость и величие. Отсюда ярко выраженный антиглобализм нового популизма, его акцент на национально-исторических ценностях, призывы к восстановлению былого величия, как правило, сомнительного с точки зрения ценностей гуманизма и по большей части мифического („again policy“).

Однако популизм (в вышеизложенном понимании) не единственное явление, в котором отражается усиливающееся в западных странах отрицание ценности политического устройства общества, закрепившегося после Второй мировой войны в развитой части мира. Еще одним ключевым признаком современного политического разворота стал отказ от ценности частной жизни, игнорирование ее обособленности и неподконтрольности как неотъемлемого права (и в некотором смысле свойства) личности.

Собственно, именно отделение частной жизни от публичной, ее свобода от общественного диктата и контроля являлись важнейшим элементом концепции политического и социального прогресса на протяжении всего двадцатого столетия. Но в последнее десятилетие эта свобода частной жизни как ценность стала объектом если не отрицания, то

пренебрежения. На фоне беспрецедентно быстрого расширения возможностей контроля за действиями и мыслями граждан со стороны официальных и неофициальных структур (а также стоящих за ними конкретных лиц) сопротивление этим процессам оказалось на удивление слабым и неустойчивым. Основная часть населения подсознательно уже была готова к усилению контроля — как в плане физических действий, так и в культурно-духовной жизни — в обмен на бытовые удобства и социальный престиж, часто иллюзорный или узкогрупповой. Более того, возможность интеграции духовной жизни граждан в масштабные единые «платформы», относительно легко поддающиеся контролю и внешним воздействиям, стала рассматриваться как общественное достижение и форма прогресса.

Большая уязвимость частной жизни, облегчение стороннего вмешательства в значительной степени парализуют работу механизмов политической конкуренции и институционального контроля над ней, увеличивают риски возникновения политических монополий и искажений реальной картины общественных интересов.

Наконец, еще один важнейший элемент западного политического устройства второй половины XX века, оказавшийся в последнее десятилетие существенно ослабленным, — это иерархичность системы организации управления обществом. Характерная для современного периода «сетевизация» общества¹⁵, сопровождаемая широким распределением механизмов влияния и, соответственно, снижением индивидуальной ответственности,

¹⁵ Голландский социолог Ян Ван Дейк определяет «сетевое общество» как общество, в котором комбинация социальных сетей и медиасетей формирует их основной способ организации и наиболее важные структуры на всех уровнях (личном, коллективном и общественном). Напротив, массовый тип общества формируется группами, организациями и сообществами, организованными в условиях физического соприсутствия [Van Dijk, 2001].

имеет двойные последствия. С одной стороны, традиционные лидеры, претендовавшие на ведущие роли в вертикально организованном обществе, утрачивают возможности в прежних объемах влиять на общественные настроения и политические решения. С другой стороны, на роль лидеров (часто стихийных или «народных») выдвигаются совершенно случайные люди, неожиданно оказавшиеся в узловых точках различных сетевых взаимодействий.

В результате в политических системах резко увеличивается количество случайных результатов, не связанных с реальным соотношением интересов общественно значимых групп. Появляются большие возможности для маргинальных акторов и нерациональных действий, для труднообъяснимых, а порой и странных политических решений, неожиданно получающих поддержку и шанс на реализацию. Представляемая энтузиастами как инструмент демократизации управления, «сетевизация» в реальности ведет к его хаотизации и иррационализации, к росту случайных движений, часто инициируемых бенефициарами такой раскачки, чьи цели не имеют отношения к общественным интересам.

Почему в последние десятилетия мы стали свидетелями всех этих явлений? Однозначного ответа на этот вопрос нет, хотя бы потому, что прошло еще слишком мало времени, чтобы делать окончательные выводы как о содержании этого процесса, так и о его причинах. Тем не менее есть некоторые объяснения, заслуживающие внимания.

Так, за всем происходящим угадываются процессы, часто называемые четвертой промышленной революцией. А именно — влияние на социально-политическую сферу информационно-коммуникационных технологий (ИКТ) нового поколения, связанных с экспансией интернета, возможностью сбора и обработки больших массивов данных, использования элементов искусственного интеллекта.

Именно эти технологии, адаптированные для использования в сфере массовых коммуникаций, обусловили размытие основ «классической» западной модели политической организации общества.

Каким образом?

Во-первых, ИКТ сделали возможной «сетевизацию» социальных коммуникаций внутри общества: без интернета и его возможностей не было бы соцсетей, где каждый может заявить о своих политических амбициях и обратиться к массовой аудитории без общественного мандата на политическую карьеру. Так, сейчас никому не известный молодой амбициозный активист может выйти на многомиллионную аудиторию: для того чтобы оказаться в нужное время в нужном месте, достаточно небольших усилий и везения. Сегодня не надо много лет подниматься по ступенькам партийной или административной карьерной лестницы, тщательно выстраивая вертикальные и горизонтальные связи, доказывая свои лидерские и деловые качества. Достаточно просто заинтересовать эффективным имиджем группу активных пользователей — и вирусное распространение контента сделает случайного человека политической фигурой и одним из лидеров общественного мнения. Прежние фильтры, действовавшие на базе финансового контроля и кадрового отбора, перестают работать.

Во-вторых, ИКТ ликвидировали веками работавшую систему влияния на массовые настроения через неформальных лидеров локальных и профессиональных сообществ — проще говоря, авторитетов для разных групп населения. В онлайн неформальное лидерство размывается и уступает место психологическим и поведенческим паттернам слабо организованной толпы. Толпа же, как известно, не склонна к дисциплинированной реакции на важные в политическом смысле события, не способна поддерживать рационально спланированные длительные

кампании, зато легко ведется на случайные поводы. Такие сообщества тоже, конечно, могут быть объектом успешного целенаправленного воздействия, но механизмы такого воздействия слабо сопрягаются с логикой и устройством партийно-представительной системы.

В-третьих, особенностью новых форм коммуникации является исчезновение иерархии значимости событий. Дело даже не в так называемой желтизне информационной повестки для массовой аудитории, а в том, что эта повестка лишается ранжирования событий по степени значимости. Информационный поток превращается в неупорядоченную массу сообщений и их интерпретаций, где абсолютно несущественные с общественной точки зрения новости перемешиваются с событиями, которые могут иметь значимые последствия для миллионов людей. Как в интернет-пространстве, так и в традиционных СМИ в новых информационных форматах (например, социально-политические ток-шоу или непрерывное «новостное» вещание на телеканалах) политические события подаются в цинично-развлекательной или откровенно извращенной форме — на одном уровне с рутинным эртертейнментом; пропаганда смешивается с опошляющим ее же содержание рекламным контентом; уловки с целью привлечь внимание массового потребителя (повысить рейтинг, посещаемость) откровенно преобладают над смыслом информации. В результате относительно упорядоченные и ранжированные знания о жизни общества подменяются непрерывным карнавальным потоком слов и образов, мешающим, а порою и делающим просто невозможным понимание сути происходящего и его возможных последствий.

В-четвертых, виртуализация социальных взаимодействий высвобождает отрицательную энергию, которая ранее в значительной степени сдерживалась физическими персональными контактами между разными частями

общества. Такие феномены, как «хейтспич», «троллинг» и прочие, конечно, не новы, но приобретают гораздо большую распространенность и ожесточенность в отсутствие непосредственного физического взаимодействия. Политические последствия этого явления пока еще не вполне ясны, но то, что это снизит эффективность инструментов традиционных партийно-парламентских систем, не вызывает сомнения. Радикализация политических конфликтов, восприятие их как бескомпромиссной борьбы «нас» с «ними» несовместимы со смыслом и предназначением таких систем, делают их институты дисфункциональными и бессмысленными.

Впрочем, можно предположить, что развитие технологий — лишь фактор, создающий предпосылки, а решающее влияние на развитие ситуации оказывает тренд отставания человеческого сознания от достижений четвертой промышленной революции.

Например, это выражается в поколенческом разрыве — когда старшее поколение неспособно в полной мере осознать и принять с такой скоростью меняющийся мир, а молодежь воспринимает его как данность. Однако вместо поиска ответов на вопросы «зачем?», «почему?», «надо ли вообще?» и «можно ли по-другому?» новое поколение интересуется тем, как лучше использовать «правила игры», которые уже приравниваются к непреодолимым законам природы.

Кроме того, новые технологии продолжают выступать в роли провокативной альтернативы, способствующей разрушению институтов. Люди верят в то, что алгоритмы заменят институты и принесут человечеству счастье; что не нужны будут политики, ученые, врачи, учителя, институты и системы; что на смену всему придут технологии, которые будут доступны каждому, ведь у каждого есть гаджет, на который можно скачать приложение, каждый может вос-

пользоваться алгоритмом, каждый в перспективе сможет напечатать что угодно на 3D-принтере...

В любом случае все это свидетельствует о том, что кризис партийно-парламентских систем в ведущих странах Запада — не случайная краткосрочная аберрация. Он является закономерным следствием экспансии в политическую сферу новых ИКТ и, следовательно, представляет собой серьезнейший вызов для будущего. Западная политическая система являлась одновременно и системой представлений о рамках допустимого в политике, то есть более или менее устойчивых рамках, за которые нельзя было выйти, не оказавшись выброшенным из системы.

С нынешним поколением популистских политиков эти рамки сильно раздвинулись, но при этом система не выкидывает тех, кто их раздвигает. И самое важное состоит в том, что никто не знает, насколько широко можно раздвинуть рамки прямо сейчас. Можно ли игнорировать любую информацию, назвав ее фейком? Можно ли объявить закон неправильным/несправедливым и не выполнять его? Можно ли не признать результаты выборов? Можно ли вообще изменять правила в одностороннем порядке, игнорируя установленные ранее процедуры?

Ответы на эти вопросы никто пока не знает. Но в случае если все это на самом деле возможно, это будет уже иная система. Принципиально иная. При том что формально сохранятся все прежние институты: парламент, суды и прочие.

В этой связи возникает важный вопрос: что будет после Трампа? Останется ли Америка такой же, какой была 10–15 лет назад? Ведь если рамки допустимого уже раздвинуты, кто и когда их будет сдвигать назад? Будет ли это делать новая элита — «гении» хай-тека и финтека? Захотят ли они тратить свои деньги, время и усилия, чтобы вернуть прежние времена? Или они склонны думать, что наступают

новые времена, когда миром будут править создатели и хозяева искусственного интеллекта, в распоряжении которого окажется невероятное количество информации о людях и их деньгах с невообразимыми возможностями ее обработки, а вовсе не «архаичные» парламенты и «допотопная» пресса? И нужен ли правопорядок в его традиционном виде, когда с помощью информационных технологий можно непосредственно управлять поведением масс? Нужны ли вообще сдержки и противовесы тем, кто возомнил себя всемогущими?

Кстати, когда нынешние политики-популисты вроде Трампа раздвигают рамки допустимого в политике под себя, объективно они раздвигают рамки и для своих противников. И после победы Байдена на выборах-2020 в США демократы, скорее всего, не станут по своей воле сдвигать эти рамки обратно. Никто сам себя не станет лишать возможностей — разве что какие-нибудь одиночки-идеалисты, да и то вряд ли. Не будет добиваться сужения рамок допустимого и общество — потому что оно атомизировалось, потеряло способность к иерархической организации своей активной и деятельной части, потому что энергия уходит в онлайн, освобождая офлайн-пространство для асоциальных элементов. А верхушке современного бизнеса вообще нет дела до рамок, потому что на самом верху сегодня не Рокфеллеры и Морганы, а Цукерберги и Безосы, которые верят не в сдержки и противовесы для политиков, а в магию технологий и социальный инжиниринг. При таком раскладе распад прежней политической системы должен продолжаться независимо от исхода ноябрьских выборов в США.

Есть все основания полагать, что мир действительно уже не будет прежним. И вовсе не из-за коронавируса.

Глава 3

Пандемия и политика

За последние полгода появилось множество разнообразных прогнозов того, куда теперь будет двигаться мир, как он будет меняться. Если выделить общее, то можно резюмировать, что мир в перспективе ближайших нескольких лет будет более разобщенным и более стратифицированным по разным критериям, тогда как экономическая и политическая власть будет еще больше сконцентрирована в руках наиболее успешных и привилегированных групп. И это, по всей видимости, касается как миропорядка в целом, так и внутренней структуры составляющих его обществ.

Первое. Практически все прогнозируют торможение, а в некоторых важных аспектах и обращение вспять процесса формирования глобальной экономической системы, в рамках которого роль трансграничных потоков продуктов и ресурсов росла, а национальных суверенитетов ослабевала.

Откат стал очевиден задолго до эпидемии коронавируса, прихода к власти Трампа, миграционного кризиса в Западной Европе, «брекзита» и многих других знаковых событий последних пяти лет. Эпоха глобального политического господства крупных транснациональных компаний, с которыми одни связывали надежды, а другие — нешуточные страхи, так и не наступила.

Вице-премьер правительства Бельгии Козн Гинс пытается надеть защитную маску. Брюссель, апрель 2020 года // Twitter @waterkiek

Последние полгода не только не изменили ситуацию в этом отношении, но, наоборот, обещают ускорить наметившуюся тенденцию.

В развитых странах поощряется коррекция транснациональных хозяйственных цепочек — как минимум с исключением из них Китая, а как максимум с наиболее полной локализацией внутри одной страны или в замкнутой узкой группе стран. В США и Японии уже принимаются дополнительные ограничения для иностранных инвесторов и специалистов. Есть все основания полагать, что ситуация и дальше будет развиваться в том же ключе.

Сегодня в этом направлении активно действуют силы, выступающие за принудительный «развод» (decoupling) американского (и вообще западного) и китайского бизнеса; за «ресуверенизацию» торговой и инвестиционной политики; за деофшоризацию национального бизнеса и возврат деловой активности преимущественно в «свои» юрисдикции. Конечно, это не означает, что на пути товаров и технологий будут возводиться непреодолимые барьеры, а транснациональные формы бизнеса начнут сворачиваться. Однако темпы того процесса, который принято называть экономической глобализацией, как минимум существенно замедлятся. И произойдет это уже потому, что дальнейший прогресс глобализации невозможен без каких-либо форм наднационального многостороннего регулирования, а его сторонники практически повсеместно утрачивают политическое влияние.

При этом бóльшая обособленность, по-видимому, будет проявляться и в политической сфере. Меньшая степень координации стран Запада вряд ли связана исключительно с личными особенностями нынешнего поколения государственных лидеров. Трения между военно-политическими союзниками явно обнажают возросший дефицит взаимного доверия, а он едва ли сменится всеобщим стремлением к единению, даже если с политической сцены уйдут Дональд Трамп, Ангела Меркель, Эммануэль Макрон, Борис Джонсон и Синдзо Абэ. Недоверие коренится глубже — на уровне эволюции общественного мнения, которое с готовностью откликнулось на популистскую и националистическую риторику.

Это делает невозможным и так называемую новую bipolarность — формирование в мире двух противостоящих друг другу лагерей, объединенных вокруг, соответственно, США и КНР. Это противостояние представляет собой не соревнование полюсов, как это было во времена СССР:

сегодня нет борьбы идеологий, а у Китая нет сфер влияния и союзников (разве что КНДР). Это борьба за смену лидерства. США полагают, что Китай стремится занять их место в мировой экономической и со временем технологической табели о рангах.

Поэтому возникающая в реальности картина намного более пестрая и подвижная. И COVID-19 тут тоже оказался в русле новой реальности: реакция правительств на пандемию и связанные с ней угрозы — как реальные, так и мифические — объективно еще более отдалила мир от простой двухполюсной модели.

Второе. При этом внутри каждой страны роль государств и правительств ощутимо возросла (в особенности в России), хотя бы в силу объективной необходимости усилить централизацию управления в период острой и очевидной угрозы здоровью и жизни населения — даже если реальные масштабы и природа этой угрозы до конца никому не понятны (а возможно, именно в силу этого обстоятельства). В этих условиях на какое-то время ослабевает и инстинктивное желание населения сопротивляться ужесточению контроля.

Конечно, все так называемые локдауны, затронувшие в основном частную, а не государственную хозяйственную и социальную активность, были сугубо временным явлением и не претендовали на то, чтобы стать частью некой новой нормальности. Однако информационно-коммуникационные сферы и услуги, в большей мере поддающиеся контролю сверху, занимают особое место в общем векторе этих изменений. Достаточно сказать, что интернет, который еще относительно недавно казался чуть ли не царством ничем не ограниченной индивидуальной свободы, оказывается средством манипулирования общественным сознанием, едва ли не в разы более мощным, чем когда-то традиционные печатные СМИ, считавшиеся очень уязви-

мыми для административного контроля. Более того, благодаря установлению правил и предпочтений для отдельных субъектов информационно-коммуникационной сферы новые инструменты государственного наблюдения и контроля становятся особенно эффективными.

Еще более существенные последствия, по всей видимости, будет иметь нарастающий эффект масштаба в результате все более широкого использования цифровых платформ — как для организации различных новых форм деятельности, так и для контроля за ними. Уже сегодня цифровые платформы для бизнеса и частной коммуникации оказались легко поддающимися концентрации в руках группы олигополистов не только национального, но и глобального порядка. Речь идет о сосредоточении критически важных цифровых активов (наряду с возможностями и знаниями) в руках ограниченного числа людей, бизнесов или государств. Это может привести, во-первых, к нерыночному, но политическому механизму ценообразования и отсутствию объективного надзора, а во-вторых, к цифровому неравенству — фрагментированному неравному доступу к критически важным цифровым сетям и технологиям (как между странами, так и внутри них) вследствие неравных возможностей инвестирования, нехватки необходимых профессиональных квалификаций, недостаточной покупательной способности или правительственных ограничений.

Обеспечивая мгновенный доступ к многомиллионной аудитории потенциальных и реальных потребителей, эти платформы дают колоссальный выигрыш своим владельцам и эффективно блокируют механизмы рыночной конкуренции (во всяком случае, в ее привычных формах и масштабах). Это затрудняет доступ на рынок новых игроков не только в своей, но и во многих сопряженных сферах.

Ситуация усугубляется еще и тем, что большие цифровые платформы способны не просто предоставлять своим

контрагентам технические возможности и услуги, но и взаимодействовать с ними в этом процессе, собирать о них разнообразную информацию и во многом определять их будущие действия. Хотя сбор информации о потребителях и программирование их потребления — явление само по себе не новое, потрясающий воображение рост технических возможностей хранения и обработки больших массивов информации сделал эти платформы мощнейшим экономическим актором.

Третье. Более того, финансовые, организационные и информационные возможности этих информационно-коммуникационных суперкорпораций потенциально делают их важнейшим политическим игроком. При этом их олигопольное, а в некоторых сегментах и почти монопольное положение становится особенно значимым с точки зрения потенциальных последствий для общества.

Влияние эпидемии коронавируса и здесь нельзя считать нейтральным. С одной стороны, пандемия дала возможность правительствам и агентам цифровой экономики практически без сопротивления увеличить объемы информации, собираемой о населении, через внедрение цифровых технологий в новые области и в новых масштабах, объясняя это мерами, необходимыми для понимания природы эпидемии, ее сдерживания и последующей профилактики. С другой стороны, пандемия притормозила попытки ограничить монополизацию этой сферы группой крупнейших игроков с помощью административного сдерживания и иных форм общественного вмешательства в их деятельность. Итогом, несомненно, будет дальнейшая концентрация информационных возможностей в руках ограниченного круга акторов — избранных частных корпораций, государственных ведомств и конкретных физических лиц, — и все это на фоне растущей непрозрачности условий и масштабов использования информационных технологий.

И хотя страхи получения этими акторами неограниченной экономической и политической власти на данном историческом этапе кажутся преувеличенными и избыточными, тенденция к такой концентрации существует и должна ясно осознаваться, равно как и вытекающие из нее последствия для общества.

Четвертое. Анализируя международный опыт последнего полугодия, можно наблюдать усиление расслоения как глобального сообщества в целом, так и отдельных национальных обществ.

Один из аспектов этого расслоения, хозяйственный и имущественный, связан с влиянием на мировую экономику рецессии, вызванной пандемией. Эта рецессия обещает быть более глубокой и длительной, чем так называемая Великая рецессия — финансово-экономический кризис 2008–2009 годов [Явлинский, 2019а].

Получивший новый сильный толчок структурный сдвиг в сторону интернет-экономики (которая, как было отмечено выше, по своей природе является более концентрированной и дифференцированной с точки зрения размеров и устойчивости доходов) также привел к росту неравенства индивидуальных возможностей. И это касается не только неравенства возможностей извлечения доходов, но и, что важно, неравенства в социальной и профессиональной адаптации, в обеспечении стабильности своего положения, в защищенности от негативных воздействий внешней среды и пр. И хотя речь пока не идет о возникновении новых замкнутых каст, новые социальные перегородки, пусть и неформальные, в обществе все же возникают.

Если в конце XX века общий тренд заключался в признании прав всякого рода непривилегированных сегментов и меньшинств и постановке задачи их интеграции в единое общество с общими для всех правилами, то в последние годы наблюдается иной процесс: растет популярность

идей и практик своего рода социального инжиниринга — попыток обеспечить стабильную среду для правящих элит путем управления поведением социальных групп в рамках иерархической системы. Другими словами, людям предоставляется возможность конкурировать внутри общества путем взаимодействия большого количества малых групп, сформированных вокруг отдельных специфических интересов, в то время как задачу формулирования общих интересов и их внедрения в коллективное сознание берет на себя самоназначенная квазиэлита при помощи обслуживающих ее социальных технологов.

Пятое. Это принципиально иная модель политического устройства, в которой основные элементы прежней идеальной модели (конкурирующие на выборах политические партии, отражающие различные идеологические концепты и интересы крупных групп; формирование власти на основе баланса интересов; разделение властных полномочий между разными центрами власти в целях недопущения ее узурпации) выполняют второстепенные функции и уже не срываются в принципиально важных моментах.

Внешне это выглядит как политическая деградация, охватывающая все новые страны на фоне коронавирусного вызова. Однако происходящее вполне может оказаться отражением процесса утверждения новой политической системы в ряде ведущих государств — системы, которая основывается на непрозрачном контроле над обществом при помощи новых цифровых, коммуникационных и социальных технологий.

Новая система пока еще нигде не существует в полном и очевидном виде, однако ее контуры уже наметились. Борьба правительств с пандемией коронавируса только усугубила кризисные явления в прежней политической системе, и в ближайшие годы нам предстоит увидеть немало сюжетов на тему трансформации политики.

Глава 4

Информационная охлократия

Революция в информационной среде и будущее политики

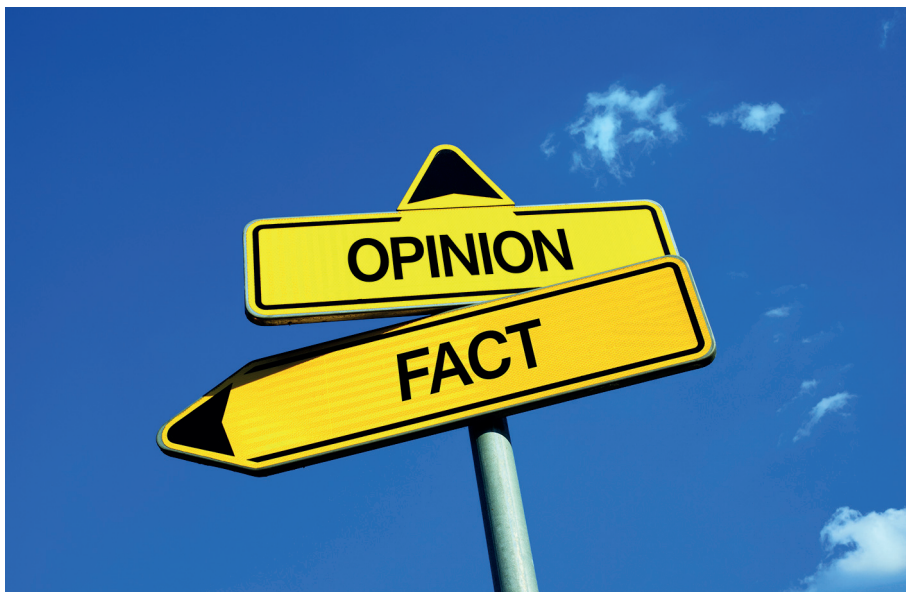
На наших глазах происходит серьезная трансформация информационно-коммуникационной среды, которая уже привела к заметным политическим и социальным изменениям и может иметь еще более значимые последствия в средне- и долгосрочной перспективе.

На примере средств массовой информации можно проследить, насколько серьезные изменения случились за последние полвека.

Во-первых, основу информационного потока стали составлять не события, а мнения и производные от них (реакция одних людей на мнения других: «отверг», «осудил», «высмеял» и т. п.).

Во-вторых, СМИ отказались от обязательной в прошлом (для серьезной прессы) функции систематизации и иерархизации сообщений. Сообщения и мнения теперь идут сплошным потоком, их не пытаются ранжировать по степени значимости, обоснованности.

В-третьих, нормой стала «вирусность», когда одно сообщение тянет за собой шлейф из десятка или даже сотни других: сообщения о сообщениях, сообщения о реакции на сообщения, сообщения о реакции на реакцию на сообщения (отсюда и процветание так называемых агрегаторов новостей).

Факты и мнения // Shutterstock

В-четвертых, пристрастность сегодня рассматривается как желаемая норма. Сообщения о фактах без их интерпретации не продаются, а продается именно интерпретация реальности.

В результате возникает бессистемный поток информации, который существует параллельно и почти независимо от действительности. Несколько потоков — несколько параллельных реальностей, каждая из которых в буквальном смысле слова создается распространителями информации. А реальная жизнь и самые главные ее аспекты (например, распределение ресурсов и их использование) ста-

новятся непубличными и уходят (или выводятся) из фокуса общественного внимания.

Это открывает колоссальные возможности для манипулирования информационной повесткой, а через нее и политикой с целью масштабного перераспределения экономической, а в перспективе и политической власти. Собственно, это происходит уже сейчас: такие «изобретения», как социальные сети, криптовалюты, «зеленый» бизнес и т. п., перераспределяют между конкретными людьми сотни миллиардов долларов.

Степень концентрации собственности в новой экономике (см. «Об экономике новой эпохи») уже в силу технологических особенностей экономики выше, чем в традиционной индустриальной, а контроль над информационной сферой позволяет эту концентрацию повышать и далее.

Ближайшее следствие заключается в том, что традиционные политические конкурентные модели в новых условиях будут переживать глубокий кризис. Дело в том, что, несмотря на существенное значение «больших денег», они все-таки базировались на открытой и рациональной повестке и предполагали ответственность политиков перед элитами (пресловутыми «высшими классами»). Сегодня же все меняется: в значительной степени уже поменялось, что-то еще будет меняться, и главное, пока непонятно, какие формы все это примет уже в ближайшем будущем. Но вернуться в прошлое, похоже, уже не удастся.

При этом собственно технический аспект трансформации на практике реализуется как революция в технико-технологической базе информационно-коммуникационного пространства. Эти перемены оказывают влияние на общество, на способы и возможности управления им, на общественные институты и даже на исповедуемые ценности.

Конечно, человеческая природа не могла измениться за столь короткий промежуток времени. Однако спосо-

бы организации людей и возможности воздействия на общество и систему отношений внутри него в последние десятилетия изменились абсолютно беспрецедентно. Формы и методы организации общественных связей посредством информационных потоков и каналов коммуникации повлияли не только на интенсивность этих связей, но и на привносимое ими содержание, включая формирование господствующих в социуме ценностей. Прежде всего это мы наблюдаем, причем повсеместно, в последнее время.

Если отвлечься от технических аспектов, главное, что произошло и продолжает происходить, — это резкое снижение социальных и институциональных барьеров для вхождения в сферу массовой информации. Для того чтобы опубликовать, сделать доступным самой широкой аудитории собственный информационный контент — как сообщения о реальных или мнимых событиях, так и рассуждения практически на любую тему, — сегодня не требуется ни крупных финансовых вложений, ни административного ресурса, ни поддержки общества (ни массовой, ни даже отдельных его сегментов).

Теперь это доступно почти любому человеку, даже со скромными средствами или с минимальным уровнем интеллектуального развития. Свидетельство тому — сотни миллионов пользователей, регулярно высказывающихся в соцсетях и на других интернет-платформах.

Следствием такого рода демократизации информационно-коммуникационной среды является ее приближение к уровню стихийного массового сознания. У возникших новых площадок и каналов, как правило, нет никаких фильтров, а если они и есть, то частично или полностью преодолеваются всеми заинтересованными. И если раньше в информационную сферу попадали только прошедшие социальный и культурный отбор на соответствие установившимся требованиям, то сегодня практически каждый мо-

жет обратиться к анонимной аудитории с любым контентом и обязательно найдет потребителя.

Корни создавшейся ситуации можно искать не только в развитии информационных технологий. Традиционные СМИ, политические структуры и политики охотно обращались к идеям новых медийных форматов, пропагандировали их, транслировали в массы. В частности, элиты довольно долго играли с популистскими лозунгами и обещаниями. Проблема не только в том, что политики обещали и не выполняли (как бывший британский премьер Дэвид Кэмерон, обещавший сократить миграцию). Они вскармливали популизм, пользовались им для достижения своих целей, для того чтобы побеждать на выборах: тот же Кэмерон долгое время использовал обещание провести референдум по «брекзиту» как популистский манок для электората. Это казалось правильным направлением, «ловлей ветра», прощупыванием новых тенденций. Но в конечном счете для Британии все вылилось в большую и опасную проблему: перспективу реального выхода из ЕС без договора об экономических взаимоотношениях.

Отсутствие рамок и фильтров неизбежно ведет к тому, что количественно преобладающим становится контент, отражающий интересы, предпочтения и представления самого массового сегмента населения с соответствующим ему понятийным аппаратом. Конечно, такое явление нельзя назвать принципиально новым в истории: по сути оно ничем не отличается от стихийного обмена информацией, слухами и фантазиями на средневековых рынках или в трактирах и кабаках в более поздние века. Но объем потоков массового сознания и возможный охват аудитории в новых форматах превышает соответствующие параметры их исторических аналогов в разы, если не на порядки.

В информационно-коммуникационном пространстве произошла своего рода революция стандартов и целей:

понятия, в той или иной степени определяемые образованной частью общества, оказались замещены стихийно порождаемыми «снизу» представлениями о нормальном, должном и допустимом.

Другим новым явлением стало исчезновение прежней иерархии источников информации и суждений. Обратной стороной широкой доступности информационных площадок стало падение их общественной значимости. Прежнее уважение к печатному слову (во многом связанное с количеством печатных изданий, несравнимым с современными объемами напечатанной информации) сменилось необычайной легковесностью, сопоставимой с отношением к повседневному трепу. А рост предложений в сфере получения образования и, как результат, снижение качества и значимости всех видов образования подорвали доверие к самому институту просвещения как источнику квалифицированного понимания и авторитетных суждений, уравнили вес слова, исходящего от так называемых образованных классов, с мнением человека с улицы.

В глазах рядового пользователя новых информационно-коммуникационных платформ все мнения одинаково весомы вне зависимости от источника, создают видимость выбора между ними и могут быть легко отвергнуты в случае несогласия. Другими словами, в новой системе координат профессиональная оценка эксперта, посвятившего жизнь изучению обсуждаемого узкого предмета, стоит почти столько же, сколько в тысячный раз перепечатанная дилетантом банальность или оценочная реплика малограмотного анонимного тролля на ту же тему.

Британский социолог и философ Зигмунт Бауман еще несколько лет назад заметил: «Ортодоксальная промывка мозгов нацеливалась на уничтожение остатков старых логики и смысла, чтобы возвести на их месте новые. Современная промывка мозгов постоянно поддерживает на

этой «стройплощадке» пустыню, не допуская туда ничего, что привносило бы больше порядка, чем случайные палаточные лагеря, которые проще собрать и разобрать. Это уже не однократное целенаправленное предприятие, но продолжительное действо, цель которого состоит в этой продолжительности» [Бауман, Донскис, 2019, с. 60–79].

При этом стихийность функционирования новой информационно-коммуникационной среды не означает нейтрального отношения к вбрасываемому контенту. Человеческое сознание не чистый лист бумаги, восприятие внешних сигналов подвержено сильнейшему влиянию инстинктов, страхов и предрассудков. Одни элементы информационного поля инстинктивно отторгаются или ставятся под сомнение, другие воспринимаются с готовностью и даже энтузиазмом как соответствующие той матрице представлений о мире, которая наиболее комфортна для потребителя информации. Естественно, конфигурация этой матрицы не едина для всех — есть ее многочисленные вариации, заложенные воспитанием культурные коды, но законы больших чисел позволяют составить представление о наиболее типичных и хорошо работающих комбинациях. Это создает условия для эффективной манипуляции массовым сознанием, распространения в нем заданных представлений и мнений, а в итоге и для управления социальным поведением.

Около ста лет назад это заметили наблюдательные эксперты. Достаточно вспомнить американцев Эдварда Бернейса и Уолтера Липпмана¹⁶, крупнейших в XX веке специалистов по общественным связям. «Сознательное и научное манипулирование привычками и мнениями широких масс является важным элементом демократическо-

¹⁶ Бернейс и Липпман работали вместе в американском Комитете по общественной информации.

го общества», — писал Бернейс в своей работе «Пропаганда» [Bernays, 1928]. Липпман известен в России главным образом своей концепцией общественного мнения, ставшей на Западе одной из классических, а также тем, что ввел в широкий научный оборот понятие стереотипа. Впоследствии эти концепции активно использовали рекламщики и маркетологи, а за ними и политики (хотя инстинктивно, без теоретической базы соответствующие приемы, скорее всего, использовались различными властителями уже как минимум несколько сотен лет). Особенность же нынешнего этапа в том, что эмпирический опыт, наработанный в области рекламы и политтехнологий, теперь можно объединить с огромными сетевыми площадками, без существенных финансовых затрат обеспечивающими доступ к миллионным аудиториям. И все это в условиях современного массового сознания, освободившегося от рамок, которые навязывали ему социальные иерархии и контролируемые ими традиционные СМИ.

Таким образом, в контексте участвовавших кризисов и психологической неуверенности масс перед лицом многообразных угроз (военных, политических, экономических, экологических, террористических и других), активно пропагандируемых «большой» информационной средой, у узких групп интересов, не обладающих ни политической властью, ни существенными экономическими ресурсами, возможно, впервые в истории появился шанс получить в свое распоряжение инструменты манипулирования сознанием миллионов людей и, соответственно, значимыми историческими процессами.

Предсказать последствия такой революции возможностей — кто и как сможет по-крупному эти инструменты использовать — пока не берется никто. Очевидно, однако, что мотивы воспользоваться новыми возможностями есть у многих.

На Западе это в первую очередь силы, активно разгрызающие карту безграничного популизма. Часто это происходит в сочетании с разного рода экстремистскими, маргинальными и сектантскими силами, заинтересованными в распространении своего влияния, но не обладающими большими ресурсами и легитимностью, необходимыми для того, чтобы действовать обычными методами на поле легальной публичной политики. В ответ на это в общественном дискурсе запрос на безопасность укрепляется на фоне ослабления запроса на свободу (к примеру, массовые протесты в США под лозунгом Black Lives Matter, часто сопровождаемые беспорядками и погромами, обострили эту проблему в американском обществе). Со стороны государства рано или поздно это проявится в ужесточении регулирования и контроля. И эти меры будут находить все больше если не поддержки, то понимания среди населения. Терпимость к бытовым ограничениям и возможному вторжению в частную жизнь уже выросла, в том числе в образованной части общества. Скорее всего, с политическими ограничениями тоже проблем не возникнет.

Наконец, ослабла солидарность в верхнем сегменте общества. Элита неспособна консолидироваться, чтобы блокировать политиков, которые пытаются обрести власть, опираясь на массовые настроения (наименьший общий знаменатель), в том числе антиэлитарной направленности. Отсюда — взлет популизма. Почему это происходит — отдельный вопрос, но факт остается фактом: способность традиционной элиты охранять свою роль правящего класса («политически ответственного класса») от разного рода чужеродных (в идейном и культурном отношении) элементов значительно ослабла.

А то, что популизм легко перетекает в фашизм (в научном смысле идеология — формирующая авторитарное

корпоративное государство, монополизацию в экономике и политике, претензии на глобальную миссию), собственно, секрет полишинеля. «Мы самые лучшие, потому что нам сказали, что мы самые лучшие», — так воспринимаются в народе месседжи сверху. Отсюда и «единение народа и власти», и борьба с придуманными внешними угрозами как смысл государственности, и борьба с предательствами и заговорами внутри страны как основа безопасности, и цепочка «народ—партия—вождь» — в общем, весь набор соответствующих тезисов. Все это работало раньше, работает сейчас, а значит, будет работать и в будущем. И совсем необязательно, что эти процессы примут ярко выраженные или карикатурные формы: внешне движение может быть едва заметным, часто вообще неощутимым. К тому же фасад может оставаться прежним, несмотря на изменившееся содержание. В общем, можно предположить, что мир, и Запад в частности, ожидают большие потрясения уже в ближайшее время.

Примечательно, что, когда система перестала давать прежние результаты, на Западе во всем стали винить кибератаки и «вмешательство» Путина и Си Цзиньпина, которые якобы в состоянии едва ли не одним щелчком пальцев подорвать демократию в западных странах (этим тамошние активные борцы с «подрывной деятельностью» восточных авторитарных режимов напоминают наших сограждан, которые ностальгируют по СССР и уверены, что Союз развалили иностранные спецслужбы). В крайнем случае причинами того, что либеральные общества «лишаются легитимности в глазах граждан», называют действия алчных банкиров, заставивших массы заплатить за свои финансовые потери от кризисов, в результате чего массы обиделись и проголосовали за Трампа и ему подобных.

Да, популисты и авантюристы в политике были и раньше, но подняться на политический олимп им, как правило,

мешали фильтры, которые выставляли партийная система и «большая пресса», принадлежавшая политически ответственному бизнесу. И в тех, прежних условиях периодически обострявшаяся в обществе фрустрация все же не опрокидывала западную политическую систему.

Так что же стоит за деформацией когда-то надежных политических конструкций в западных странах? Видимо, в первую очередь существенное и нарастающее отставание возможностей современного человека от созданных им за последние десятилетия информационно-коммуникационных и цифровых технологий.

В частности, это технологические изменения в социально-информационной среде, создающие для политиков возможности рекрутировать сторонников, минуя предельно ослабшие «серьезные» СМИ; бесконтрольные праймериз, разрушающие сложившуюся идентичность политических организаций; возможность использования политических и социально-психологических технологий для прямой обработки целевых аудиторий; снятие прежних политических и моральных табу, барьеров, базировавшихся на традициях, различных фильтров (в том числе денежных) как следствие тотальности использования интернета с его безличностью и анонимностью. Отсюда — все то, что на Западе сегодня называют «кризисом либеральной демократии».

Но если бороться только с последствиями, а не с причинами — причем главным образом посредством ловли шпионов и хакеров, — то в итоге все может закончиться тем же, чем закончилось когда-то для СССР.

В России новые платформы также порождают различные соблазны у самых разных групп интересов. Так, у протестно настроенной публики это выражается в отказе от серьезной политики и желании развивать в сетевом пространстве разного рода гражданский активизм и псевдополитические концепции [Явлинский, 2019b]. Однако крити-

ческие высказывания и протестные настроения, которые можно обнаружить на интернет-площадках и в социальных сетях, и даже протестные акции в офлайне не должны вводить никого в заблуждение: в целом практически все информационное пространство в России контролируется провластными структурами и в конечном счете отвечает интересам Кремля [Явлинский, 2020]. Хотя последнее обстоятельство часто маскируется репрессивными мерами в отношении тех или иных платформ, вследствие чего может создаться впечатление реального противостояния власти с отдельными представителями российского IT-сектора.

Другое дело, что неоднородность властвующей элиты порождает внутри нее постоянные трения, когда различные группировки, пытаясь укрепить свои позиции, занимаются «вбросами» в интернете. Это могут быть всяческие антиэлитные выпады и конструкции — от умеренно критических по отношению к власти до экзотических утверждений, разоблачений, инсинуаций о мифических заговорах и происках «теневой власти» и «мировых правительств».

Сегодня такие выпады мало что меняют в реальном мире, но это не значит, что так будет всегда. Подобно тому как разрушительный потенциал оружия массового поражения на каком-то этапе неизбежно порождает у его обладателей завышенные амбиции и необоснованные претензии на влияние в мировых масштабах, так и возможности эффективной работы с массовым сознанием будут вызывать соблазн использовать эти инструменты при разного рода попытках переворотов, для передела власти и собственности.

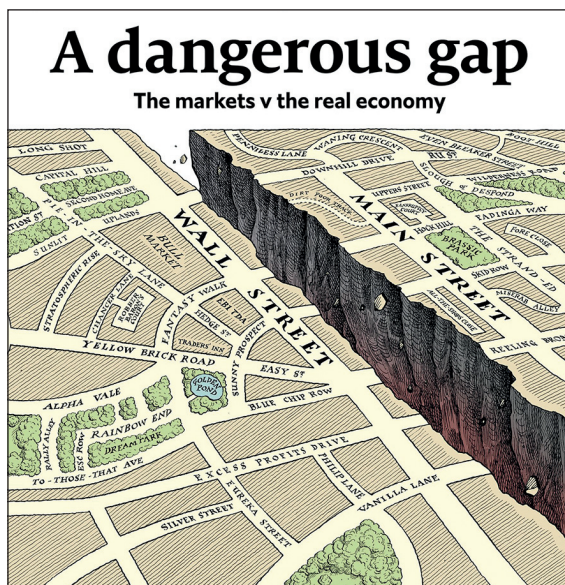
Общество вступает на неизведанную территорию, и возможны самые разные, в том числе непредсказуемые повороты событий. Однако уже сейчас очевидно: нарастающая информационная охлократия не приведет общество ни к свободе, ни к жизни без страха, ни к уважению к человеку.

Глава 5

Об экономике новой эпохи

Сегодня практически все экономические аналитики сходятся во мнении, что пандемия и ее последствия усугубляют основные негативные тенденции в мировой экономике, такие как увеличение разрыва между показателями фондового рынка и реальными экономическими процессами, рост монополизации и неравенства. Можно сказать, что пандемия укрепляет политическую власть олигархических интересов и отдаляет возможность реализации назревших экономических реформ, создавая крайне консервативный экономический контекст.

При рассмотрении взаимосвязи между мировым финансово-экономическим кризисом 2008–2009 годов и текущей рецессией с долгосрочными трендами в природе современной мировой экономики были выявлены принципиально новые факторы [Явлинский, 2014]. Например, усиление влияния исторической и технологической ренты на структурные изменения, произошедшие в развитых странах в пользу новой экономики, и закрепление существенного неравенства как внутри развитых экономик, так и в рамках мирового хозяйства, а также изменение характера воздействия научно-технического прогресса на экономику. Получил подтверждение тезис о том, что общественные представления о благе играют в экономике гораздо большую роль, чем принято считать.

Надпись на обложке журнала *The Economist*:
«Опасный разрыв. Рынки vs реальная экономика».
Май 2020 года, фрагмент обложки

События последнего времени не только подтвердили эти наблюдения, но во многих случаях вывели последствия этих новых явлений в экономике на первый план. Риски и страхи, связанные с пандемией, ускоряют автоматизацию и роботизацию многих производств и услуг, отмечает известный американский экономист Джозеф Стиглиц [Stiglitz, 2020]. Это касается и тех отраслей, в которых до сих пор ничего подобного не происходило: образования и медицины. Привычные ответы на такой вызов в виде ускорения профессиональной переподготовки будут недостаточны.

«Необходима комплексная, всеобъемлющая программа по снижению неравенства доходов», — считает Стиглиц. По его мнению, такая программа должна исходить из «признания того, что модель конкурентного равновесия», которая «доминировала в экономическом мышлении более сотни лет», уже малопригодна для описания современной экономики с ее монополистическим контролем над рынками. «Ослабление ограничений власти корпораций, снижение переговорных возможностей работников до минимума и эрозия инструментов регулирования эксплуатации потребителей, заемщиков, студентов и работников — все это ухудшило функционирование экономики, усилив рентоискательство и неравенство», — отмечает Стиглиц. Он напоминает, что деградация экономики проявилась в начале пандемии, когда «американские фирмы оказались не в состоянии обеспечить необходимое предложение даже масок и перчаток, не говоря уже о тестах или аппаратах ИВЛ».

Ситуация в более бедных странах еще хуже, и она напрямую затрагивает и американскую, и мировую экономику. «Поставить пандемию под контроль можно лишь в глобальном масштабе, а преодоление экономического спада требует устойчивого восстановления глобальной экономики», — убежден экономист. Поэтому поддержка отстающих стран в борьбе с пандемией — в интересах всех, в том числе богатых стран.

Однако до сих пор не получилось договориться даже о мерах, которые были реализованы в борьбе с финансовым кризисом в 2009 году. Речь идет о выпуске специальных прав заимствования МВФ на 500 млрд долларов. По мнению Стиглица, сделать это не удалось в основном из-за сопротивления США и Индии. Кроме того, нынешние «дешевые деньги» скоро вызовут волну частных и государственных долговых кризисов и в той или иной форме неизбежных реструктуризаций долга.

В конце августа 2020 года глава Федеральной резервной системы Джером Пауэлл объявил об официальной смене политики ФРС в отношении инфляции: вместо задачи удержания ее в пределах 2% — так называемое таргетирование инфляции в среднем на уровне 2%. То есть теперь более высокий уровень инфляции в принципе становится допустимым, а ключевую ставку ФРС может держать на уровне, близком к нулю, даже если инфляция на «относительно короткое» время поднимется выше 2%. На фоне этих новостей фондовый рынок подскочил от радости. По существу, это дальнейшее развитие прежней политики накачки экономики «дешевыми деньгами». Однако, как разъясняет Лиз Энн Сондерс, главный инвестиционный стратег банковской и брокерской компании Charles Schwab, одного из крупнейших игроков фондового рынка, эти деньги не идут и не могли пойти в реальную экономику, которая по большому счету так и не вышла из режима карантина [„As COVID-19 financial crisis wages on, some economists warn of a divergent ‘K-shaped’ economic recovery“, 2020]. Поэтому все эти средства отправились на фондовый рынок и на другие биржи, в том числе в торговлю драгоценными металлами и высокоспекулятивными облигациями (junk bonds). Об этой же тенденции, проявляющейся не только во время пандемии, но и на протяжении всего десятилетия посткризисных «дешевых денег», пишет и американский финансист Рэй Далио [Dalio, 2019].

В целом фондовый рынок полностью восстановился после мартовского падения, будто пандемии и не было, и даже зашкаливает за довирусные показатели (Dow Jones и S&P 500 с марта выросли на 50%, а Nasdaq 100, представляющий показатели цифровой и технологической экономики, — на 33% [“Stock Market Warns Workers That They’re the Problem for Business”, 2020]).

Однако фондовый рынок все больше отдаляется от экономики, которая движется в обратную сторону. Реальный ВВП США во втором полугодии сократился на 33% [“US GDP contracted by a record-shattering 32.9% pace last quarter”, 2020]. За последнее время о своем банкротстве объявили четыре крупные американские торговые сети. В то же время технологические гиганты, такие как Amazon, Microsoft, Google, Apple, Netflix, Facebook, от нынешней ситуации не пострадали, а некоторые даже выиграли [“Why the stock market is divorced from the pain of a pandemic economy”, 2020]. В частности, Amazon получил одну из самых дешевых кредитных линий за всю историю рынка корпоративных ценных бумаг, а капитал его владельца Джеффа Безоса за период пандемии вырос на 80 млрд долларов [“Amazon secures record low borrowing costs”, 2020].

Разрыв между показателями фондового рынка и реальной экономики вовсе не является парадоксом, пишет нобелевский лауреат по экономике и почетный профессор Стэнфордского университета Майкл Спенс [Spence, 2020]. В действительности фондовый рынок «отражает мощные долгосрочные сдвиги, лишь усилившиеся вследствие пандемии». «Показатели фондового рынка все больше основаны на оценке стоимости нематериальных активов, прежде всего собственности на массивы данных и контроля над ними», — отмечает он. Согласно одному из последних исследований, «рост цен на акции компаний в списке Standard & Poor’s 500 прямо пропорционален соотношению нематериальных активов и численности сотрудников фирмы: чем больше таких активов и чем меньше сотрудников, тем быстрее растут ее акции», пишет Спенс. Подробный анализ этой тенденции в цифрах и графиках опубликован агентством Bloomberg под характерным заголовком, обнажающим идеологическую составляющую новой экономики: «Фондовый рынок предупреждает, что человеческий труд — источник проблем

для бизнеса» [“Stock Market Warns Workers That They’re the Problem for Business”, 2020].

Спенс также связывает эту тенденцию с ускорившимся с начала пандемии переходом на цифровые технологии и частичным закрытием наиболее трудозатратных отраслей (таких как авиаперевозки), в которых создание прибавочной стоимости зависит от труда и материальных активов. Нобелевский лауреат разделяет мнение Лиз Энн Сондерс о том, что этому способствуют и «дешевые деньги», отражающие потребность правительств в увеличении госдолга для финансирования восстановительных программ.

В целом происходящее в мировой экономической системе, конечно, следствие далеко не только карантин и локдаунов. Наступает новая эпоха, которой, очевидно, будет соответствовать новая экономика. Это очень масштабная тема, однако несколько соображений можно высказать даже в этом формате.

Первое соображение в том, что экономика, как известно, прежде всего поведение экономических агентов. При этом психология экономических агентов первична и непредсказуема. Претенциозные заявления «настоящих» экономистов о том, что все в экономике просчитывается, что они «поверили алгеброй гармонию» и вывели четкие формулы зависимостей между всем и вся, очень редко находят подтверждение на практике. Всякий раз реакция на экономические переменные может быть разной, и предвидеть или рассчитать ее невозможно.

Второе соображение состоит в том, что мир вступает в период системных изменений, в том числе в экономике. Это происходит прежде всего потому, что никто не знает, куда и как именно инвестировать. Раньше это было более или менее понятно, сейчас — нет. И общие фразы вроде «на место прежней экономики приходит новая экономика

знаний» ничего не проясняют для тех, кто должен принимать конкретные инвестиционные решения.

На самом деле это не «экономика знаний», а экономика постзнаний, когда любое знание: а) может быть востребовано, а может и не быть; б) не имеет механизмов закрепления в качестве общепризнанного («экспертов» — миллионы, теорий и версий — десятки тысяч, сообществ — тысячи, и каждый сам себе верховный авторитет). Особенно в условиях, когда предложение и спрос зависят не столько от чисто технических решений, позволяющих производить что-то очевидно полезное быстрее, дешевле и в больших объемах (как это было в XIX и на протяжении большей части XX века), сколько от манипулирования представлениями о потребностях. В этой ситуации потребности просто невозможно просчитать с достаточной степенью вероятности. За исключением, конечно, тех случаев, когда ты сам формируешь потребности, что реализуемо только для круга избранных, но далеко не в массовом порядке.

Поэтому заемные деньги стали очень дешевыми, а брать их некому (если исключить мошенников). Риски очень высоки: картина будущего потребления перестала быть ясной, лидеров, которые могут не просто угадывать тенденции в перспективе, но и формировать их, очень мало, тягаться с ними невозможно, а их потребности в заемных средствах относительно невелики.

В итоге возникает странная ситуация: при обилии «дешевых денег» количественного роста нет и ресурсы не дорожают. В ярко выраженной форме она наблюдается, например, в Японии, но это не чисто японское явление. Почти во всех развитых странах центральные банки предлагают практически бесплатные деньги в невиданных ранее масштабах, а инфляция остается на нуле или очень низкой.

Дело в том, что деньги не раздаются напрямую потребителям, а предлагаются в основном в виде кредита

финансовому сектору. Те же средства, что достаются потребителям через финансирование дефицита бюджета, в значительной степени нейтрализуются технологическими гигантами, которые, с одной стороны, диджитализируют сферу услуг (в том числе финансовых) и таким способом берут свою ренту, а с другой — «впитывают» в себя дополнительную ликвидность через рост собственной капитализации и рынка криптопродуктов.

Раньше деньги исполняли роль главного ограниченно-го ресурса: если можно было взять большие кредиты под низкий процент, то проблем с прибыльным инвестированием у добросовестных компаний не возникало (при том что и ошибки, конечно, случались, и риски были высоки и сопоставимы с потенциальными прибылями). Теперь же вследствие экспансии информационно-коммуникационных и цифровых технологий границы определяются возможностью влиять на спрос, формировать и перетягивать его на себя путем целенаправленного воздействия на сознание потребителей, управлять им. А это уже совсем другая экономическая система, другая система деловых координат. И, безусловно, другие бенефициары.

Нельзя сказать, что в западном политическом и научно-экономическом дискурсе отсутствует тема реформирования сложившейся системы. Пандемия и спровоцированные или усугубленные ею экономические проблемы, наряду с угрозой авторитарной трансформации политического строя в США, активизируют вечную дискуссию о путях реформирования капитализма. В последние несколько лет наиболее мейнстримное направление этой дискуссии фокусируется на микроэкономике крупных корпораций. Во многом причиной этого служит явное или косвенное признание того факта, что попытки сколько-нибудь существенно реформировать капитализм «сверху», через законодательные институты, практически наглухо заблокированы

крупным капиталом, полностью контролирующим эти институты с помощью системы финансирования предвыборных кампаний, масс-медиа и фондовых рынков.

Главная идея обсуждений последнего десятилетия состоит в изменении целеполагания фирмы — переходе от максимизации прибыли акционеров (задача, которую выдвигали Милтон Фридман [Friedman, 1970] и другие представители чикагской школы) к максимальному балансу интересов различных групп людей, которые прямо или косвенно затрагивает деятельность компании: акционеров, работников, поставщиков, кредиторов, потребителей ее продукции и географических соседей. Как пишет гарвардский экономист Дани Родрик, старая микроэкономическая теория строилась на предположениях об идеальной свободной конкуренции на рынке и о том, что предложение рабочих мест является чисто экономическим фактором [Родрик, 2020]. По мнению Родрика, обе аксиомы оказались несостоятельными, после того как экономика и другие социальные науки выяснили, что: 1) владение полной информацией при принятии экономических решений менеджментом и работниками в принципе невозможно; 2) в реальной экономике «несовершенная конкуренция является нормой»; иными словами, нерегулируемая рыночная экономика стремится к олиго- и монополизму, поэтому фирмы обладают властью над работниками, не вписывающейся в теории свободного рынка; 3) рабочее место не чисто экономическая категория, а «критически важная часть личной и социальной идентичности», и исчезновение рабочих мест приводит к разрушительным социально-политическим последствиям для среднего класса [Родрик, 2020].

Концептуальной основой этого направления, как пишет другой гарвардский ученый Джон Рагги, является представление о том, что общими усилиями извне и изнутри можно

развить социальную идентичность корпораций, привить крупным капиталистам определенные поведенческие нормы, просветить относительно их «подлинных долгосрочных интересов», которые совпадают с интересами работников и экологов, и тем самым добиться «саморегулирования» бизнеса [Ruggie, 2020]. Увлечение этими идеями связано с тем, что традиционные формы государственного и международного регулирования пришли в упадок и больше не работают — не в последнюю очередь из-за отступления демократии из политических институтов, которые обеспечивали это внешнее регулирование.

Однако опубликованные в последнее время исследования показывают, что эффективность попыток психо-идеологической трансформации мира крупного капитала и корпоративного менеджмента остается довольно низкой. Так, гарвардские исследователи Люсьен Бибчук и Роберто Талларита полагают, что вся эта затея по реформированию корпоративного управления с целью его «социализации» и саморегулирования рынка не более чем вредная иллюзия [Bebchuk, Tallarita, 2020]. По мнению исследователей, это отвлекает ограниченные ресурсы общества и уводит дискуссию о реформах капитализма от единственно эффективного направления, а именно от разработки законодательных и иных политических мер по обузданию крайностей капитализма. Вместе с тем ученые признают, что движение по этому пути также крайне затруднено, если вообще не заблокировано [Bebchuk, Tallarita, 2020].

Законодательные меры по реформированию капитализма затруднены прежде всего потому, что практически все ныне действующее на Западе законодательство по регулированию крупного капитала написано под его диктовку, признает не кто иной, как главный экономический обозреватель и соредактор *The Financial Times* Мартин Вулф (в прошлом, по его собственным словам, последо-

ватель Фридмана). «От Милтона Фридмана к трамповской атаке на демократию — прямой путь» — так озаглавлена опубликованная им программная статья [Wolf, 2020]. Этот прямой путь пролегает через «коррумпированную систему выработки правил игры»: поскольку сторонники рыночного фундаментализма, представляющие интересы крупных корпораций, не могут навязать свою идеологию обществу на свободных выборах, они делают это с помощью национализма, расизма и ксенофобии [Wolf, 2020], что традиционно находит отклик в массах. Что же делать? По мнению Вулфа, необходимо запретить корпорациям участвовать в политике, в том числе финансировать избирательные кампании. Кто это может сделать, учитывая степень контроля крупного капитала над политиками (о котором пишет сам Вулф), он не уточняет.

К тому же, как отмечает Дани Родрик [Родрик, 2020], проблема не только в финансовом, но и в интеллектуальном контроле со стороны корпораций, то есть контроле над процессами производства и распространения информации, необходимой для проведения компетентной экономической политики, включая регулирование бизнеса. Этот интеллектуальный контроль дает корпорациям возможность управлять постановкой проблем и фильтрацией предлагаемых решений.

Но вот что любопытно. Экономический мейнстрим (с его любимыми регрессиями и претензиями на глубокомыслие) о появлении какой-то новой мировой экономической системы ничего не говорит. Последний пример тому — глобальный анализ-прогноз от Deutsche Bank [«Deutsche Bank предсказал наступление глобальной эпохи беспорядка», 2020]. Аналитический отдел крупнейшего финансового учреждения Германии — вполне представительная прогностическая структура с квалифицированными кадрами, выпускниками лучших университетов мира и соответству-

ющими бюджетами. В докладе представлено восемь «главных тем грядущей эпохи глобального беспорядка». Здесь есть что угодно: и глобальная «озабоченность» изменением климата, и «вертолетные деньги» с «вероятностью» инфляции, и новый динамизм с вероятностью стагнации, и импульс интеграции с вероятностью фрагментации. А о том, что, собственно, происходит в реальности, ни слова. Ни слова о том, почему прежние рычаги антициклического регулирования не работают так, как раньше; почему (и какие) происходят изменения в структуре и динамике спроса и капитализации бизнеса; как и почему меняются природа и источники экономической и политической власти и кто теперь будет определять политическую повестку.

Да, экспансия новой экономики будет не одномоментной, и после победы над пандемией традиционный реальный сектор частично восстановится. Однако новая мировая экономическая система с нарастающей концентрацией информационных и цифровых активов на самом верху экономической пирамиды будет расширяться, и расхождение (а возможно, и конфликт) между двумя экономикami станет неотъемлемым явлением в долгосрочной перспективе.

Глава 6

Массовые протесты и современный мир

В современных реалиях новые технологии становятся не только средством организации протестных масс, но и спусковым крючком самих протестов.

Так, мотивом последних протестов в США называется расовое неравенство, присущее государственной, правоохранительной, социальной системе. Однако реальные причины протеста как в Америке, так и по всему миру куда сложнее и глубже. Речь идет о гораздо более широкой проблеме — проблеме нарастающего осознания социального тупика, «потери будущего», то есть того, что лежит в основе, например, «арабской весны» на Ближнем Востоке, массовой миграции, накрывшей Европу, движения «желтых жилетов» во Франции и многих других чувствительных социальных явлений в мире в последние десять лет.

«Гневом и яростью» назвал индийский писатель Панкадж Мишра [Mishra, 2017] реакцию развивающегося мира на осознание непреодолимого отставания от стран-лидеров. Сегодня эти же процессы происходят и внутри самих лидирующих стран, формируя протестное движение. Однако вместо внятных требований и программы реформ протестующие, как правило, выдвигают лишь примитивные инициативы вроде снижения финансирования полиции

Демонстранты несут плакаты с надписью „Defund the Police“. Вашингтон, США, 19 июня 2020 года // Jonathan Ernst / REUTERS

(“Defund the Police”) либо не предлагают вообще ничего. И чтобы удовлетворить расхожую среди протестующих потребность в действиях («надо что-то делать!»), организуются акции, которые можно обозначить как «активизм вместо политики» [Явлинский, 2019b]. В итоге нынешние протесты сильно проигрывают гражданскому движению второй половины XX века именно отсутствием собственной политической составляющей. Это позволяет воспользоваться плодами протеста политикам, ситуационно оппонирующим действующей власти.

Так, например, делали Джо Байден и демократы в США в их предвыборной борьбе с Трампом. А ведь на предыдущих американских выборах в 2016 году одной из основ консолидации республиканского и свингующего электората вокруг Трампа стала «борьба с системой», которую в том избирательном цикле олицетворяла не только Хиллари Клинтон, но и занимавший на тот момент пост вице-президента Байден. На выборах-2020 Байден отчасти сам сделал ставку на те же антисистемные настроения.

Массы не видят разницы между системой формирования и организации власти в представительной демократии, институтами демократического государства, шумпетерианской демократией с одной стороны и циничным способом властвования слившегося с властью бизнеса, то есть олигархии, — с другой. Становится все более заметным парадокс популистского активизма: изначально направленный против расизма, цинизма, корыстолюбия и эгоизма протест бьет прежде всего по государственным и общественным институтам.

Для американских протестов вновь стало характерно упование на горизонтальную, нелидерскую самоорганизацию масс, якобы способную перейти в какое-то новое качество. И это после многократных провалов надежд на самоорганизацию с помощью новых технологий в области информации и общественных связей (как это было во время «арабской весны» и в ходе акции «Захвати Уолл-стрит», как это происходит с движением «желтых жилетов» во Франции).

Ощущение безнадежности и обреченности на вечное отставание все чаще преобладает в современном мире над надеждой на чудо. Обреченность — это то, к чему приходит рациональное мышление, фиксирующее тупик. Надежда на чудо — это поиск выхода, в частности, связанный с новыми технологиями. Однако чуда не происходит,

есть только ожидание того, что технологии как-то помогут свалить нынешний истеблишмент и решить таким образом все проблемы. В действительности ничего подобного не случится. Политические, социальные, международные институты пробуксовывают и разрушаются, а перехода в новое качество так и не происходит. Более того, разговоры о самозарождении нового качества через технологии и активизм становятся инструментами власти имущих для дезорганизации реальной оппозиционной политики и закулисных манипуляций, цель которых — отвлечь внимание от содержательной повестки и программы действий.

Между тем нельзя не заметить, что, несмотря на массовые протесты, борьба за гражданские права, против административного произвола, коррупции и авторитаризма сегодня не приносит весомых положительных результатов. Объективно ситуация становится только хуже.

Так, протесты в Гонконге — действительно многочисленные, в основном мирные и с применением различных форм гражданского неповиновения — хоть и привели к отсрочке вступления в силу закона об экстрадиции в материковый Китай, но в целом не добились выполнения основных требований к властям. Более того, на сегодняшний день ситуация с точки зрения прав человека, свободы и демократии ухудшилась: тоталитарная коммунистическая власть в одном из крупнейших финансовых центров укрепилась, вступил в действие репрессивный закон «О национальной безопасности».

Воля граждан — как бы ярко и четко она ни была выражена — для КПК особого значения не имеет, а дезорганизация функционирования Гонконга как делового и финансового центра, как оказалось, Пекин не пугает: подчинить Сянган и окончательно слить его с материковым Китаем, досрочно прекратив действие формулы «одна страна, две системы», с точки зрения коммунистических властей, оче-

видно, стоит временной потери некоторых деловых преимуществ. Кстати говоря, реакция западного мирового сообщества на происходящее в Гонконге оказалась более чем сдержанной, можно сказать, символической, что, видимо, тоже весьма существенно повлияло на негативное развитие событий.

В Соединенном Королевстве традиционная для британской культуры критика бюрократии вылилась в демонизацию Евросоюза, чьи институциональные ценности и преимущества оказались в тени образа брюссельской администрации, «высасывающей соки из старой доброй Англии».

В России же спорадические вспышки протестной активности никак не препятствуют усилению и консолидации репрессивной системы [Явлинский, 2019b].

Таким образом, оценивая текущие процессы в мировой политике, надо пытаться ответить на ключевые вопросы:

- появляется ли политика, основанная на ценностях, принципах и идеологии?
- устраняются ли явные и скрытые причины глобального финансового коллапса 2008–2009 годов [Явлинский, 2019a], те самые причины, которые обещают тяжелый экономический кризис в ближайшее время?
- приближаемся ли мы к тому, чтобы человеческие возможности догнали технологическое развитие?

До тех пор пока ответы на эти вопросы отрицательные, ничего хорошего в перспективе не просматривается. И протесты не помогут, какими бы многочисленными они ни были.

Глава 7

Put Your House in Order¹⁷

*Президентские выборы в США
и контуры будущего*

Те, кто сегодня полагает, что события, связанные с президентскими выборами в США, не касаются России, ошибаются. Благодаря цифровым технологиям мир стал един, и происходящее у нас и за океаном не только взаимосвязано, но часто является проявлением одних и тех же тенденций, только в разных условиях. И для того чтобы лучше представить, чего ждать в России, полезно пристально взглянуть на кризис в Америке. И там, и здесь — пусть и очень по-разному — происходит деформация политических, государственных и общественных институтов. Возможно, в обыденной жизни это пока незаметно, однако уже очень скоро мы окажемся в новой реальности.

Да, еще один президентский срок Трампа только усугубил бы развал институтов, еще больше расширил бы зону допустимого абсурда. Но и сделанного за четыре года оказалось достаточно, чтобы проблемами демократии и свободы слова в США озаботились во всем мире и даже в России.

В январе 2021-го, через пару дней после печально известного штурма здания Конгресса США, авторитетный

¹⁷ «Приведите свой дом в порядок» (англ.).

*Штурм Капитолия в Вашингтоне. 6 января 2021 года
// Leah Milli / REUTERS*

британский журнал The Economist писал, рассуждая о ближайших и долгосрочных перспективах Трампа: «Наиболее вероятный исход — г-н Трамп останется при должности до конца срока, забаненный фейсбуком, но сохраняющий контроль над американским ядерным арсеналом. Это также значит, что он сохраняет возможность снова участвовать в выборах, если сам того захочет. Все это сейчас может показаться далеким от реальности, но стоит заметить, что всего пару месяцев назад за Трампа проголосовало второе после самого большого в истории США число из-

бирателей» [“Why Donald Trump will serve out his remaining term in office”, 2021].

Это очень наглядная иллюстрация политической энтропии, то есть ослабления и развала политических правил и институтов. И дело, конечно, не в прогнозах персонального будущего Трампа, а в оценке политических перспектив этой формы правого популизма (можно назвать это «трампизмом», а можно так хорошо знакомым «политическим жлобством» — суть не изменится: и то и другое перерастает в фашизм эпохи постмодерна).

Согласно опросам, проведенным сразу после событий, почти половина республиканцев в США поддержала действия сторонников Трампа, штурмовавших 6 января Капитолий. И несмотря на последовавшие за беспорядками в Вашингтоне правительственные отставки, несмотря на критику со стороны ряда лидеров Республиканской партии действий самого Трампа накануне, во время и после штурма, вряд ли стоит ожидать спада популярности идеологии популизма. Трамп проиграл, и события на Капитолийском холме, казалось бы, поставили крест на официальной политической карьере уходящего президента. Однако такое явление в политике, как трампизм, умирать не собирается.

Последние четыре года Белый дом активно подталкивал своих союзников в Будапеште и Варшаве к разрыву отношений с Евросоюзом. Так, венгерский премьер недавно заявил: «Раньше мы думали, что Европа — это наше будущее. Сегодня мы знаем, что мы — это будущее Европы», а поляки даже предложили назвать свою новую военную базу «Форт Трамп». А ведь есть еще Борис Джонсон в Великобритании: Трамп, сам большой поклонник «брекзита», хвастался, что англичане называют своего премьер-министра «британским Трампом».

Популистские и ультраправые движения в европейских странах всегда имели свои собственные корни. Их влия-

ние росло и убывало независимо от Дональда Трампа. Во Франции лидер правых Марин Ле Пен потерпела сокрушительное поражение от Эммануэля Макрона в 2017 году, когда американский президент был на пике своей популярности. Теперь, когда Макрон осажден пандемией и глубоко непопулярен, опросы показывают, что Ле Пен может обойти нынешнего президента на выборах в 2022 году. В Италии ультраправые партии построили свою политическую платформу на антимигрантской риторике — проблеме, которая существовала до Трампа и останется после него.

Безусловно, популисты и автократы в мире оказались несколько дезориентированы поражением Трампа. Но сами они отнюдь не побеждены: в своих странах у них собственные давние традиции национал-популизма, а огромная поддержка Трампа на выборах свидетельствует о мощных идеологических союзниках в США, с которыми можно работать. Просто нужно переждать Байдена.

У этого политического направления (не у Трампа лично) поддержка 74 миллионов американских избирателей (почти 90 миллионов — аудитория только заблокированного трамповского твиттера, и абсолютное большинство подписчиков — сторонники уходящего президента). Эти люди вряд ли откажутся от своих взглядов после событий 6 января в Вашингтоне, и число активистов, желающих и готовых задействовать эти взгляды на практике, вряд ли уменьшится. Тем более что Трампа уже превращают в страдальца, жертву системы, называют блокировку его аккаунта в твиттере ограничением свободы слова, нагнетают напряжение, заявляя, что республиканцы никогда больше не выиграют выборы из-за мигрантов, для которых Байден облегчит получение гражданства. Так закладывается фундамент очередной «теории заговора» в наукообразной политологической обертке. При этом голословные по сути, но безапелляционные по тону заявления, согласно

которым партийная верхушка американских демократов якобы стремится установить в стране монопольное господство для реализации программ «радикального социализма», «черного расизма», «зеленого тоталитаризма», не просто распространяются в соцсетях по горизонтали, но поднимаются вверх, становятся предметом обсуждения и разбирательств в весьма респектабельных экспертных сообществах. Попытка сопроводить уход оскандалившегося президента из Белого дома импичментом для этой аудитории только добавляет красок к ореолу Трампа-мученика и питает уверенность сторонников теории заговора в своей правоте.

И в этой ситуации важно не ошибиться. В ближайшее время популизм вооружится стратегиями респектабельности, чтобы выглядеть серьезным, не маргинальным, вновь перспективным политическим направлением. Этот популизм будет отрешиваться от своих последователей, вульгарно восседающих с ногами на столе спикера палаты представителей Конгресса США.

Трамп оказался слишком невежественен, слишком недисциплинирован и при этом слишком тонкокож, чтобы долгое время быть эффективным в политике. Он был колоритным популистом, но ему не хватало политического таланта и компетентности, чтобы эффективно управлять и выполнять обещания.

Тем не менее главное Трампу удалось — он «раздвинул рамки» и подготовил приход к власти в США следующего автократа и популиста. У республиканцев большинство в Верховном суде, они получили больше мест в Конгрессе, чем рассчитывали, а также ожидают значительных успехов на региональных выборах. Теперь у республиканцев больше женщин в органах власти и больше поддержки от «не белых» избирателей. Что еще нужно для нового проекта?

Демократия в мире столкнулась с серьезнейшим кризисом, подобным тому, что человечество уже переживало в середине XX века. Об этом говорится в открытом письме более 80 экспертов по изучению авторитаризма и фашизма из США, Британии, Израиля и Италии.

«Является ли Дональд Трамп фашистом, постфашистским популистом, автократом или просто неуклюжим оппортунистом, опасность для демократии не пришла с его президентством и выходит далеко за рамки 3 ноября 2020 года, — пишут ученые. — В то время как демократия, казалось бы, процветала повсюду в годы после окончания холодной войны, сегодня она, похоже, увядает или находится в полномасштабном коллапсе во всем мире. Как исследователи авторитарного популизма, фашизма и политического экстремизма XX века, мы считаем, что если мы незамедлительно не примем мер, демократия, какой мы ее знаем, будет продолжать свой пугающий регресс, независимо от того, кто победил на американских президентских выборах» [“How to Keep the Lights On in Democracies: An Open Letter of Concern by Scholars of Authoritarianism”, 2020].

Если сегодня под флагом демократии продолжить поощрять воинствующий дилетантизм и невежество, решать сложные фундаментальные вопросы, апеллируя к обывательской массе (а обывательская масса вне поля профессиональной демократической политики — это толпа, так же отличающаяся от гражданского общества, как суд Линча отличается от суда присяжных), то на выходе будет популизм, а через пару итераций и фашизм, пусть и в высокотехнологичной форме. А суть фашизма как раз в том и заключается, что одна элитная группа в обход всех остальных апеллирует к толпе и затем, уже опираясь на массовую поддержку, сворачивает другие элитные группы в бараний рог.

Сейчас для этого складываются особенно благоприятные условия. Авторитарные лидеры смогут воспользоваться следствиями неутихающей пандемии — от хронической безработицы и проблем безопасности до растущего государственного долга и расовых конфликтов. Между тем сами эти лидеры усугубляют ситуацию, преуменьшая угрозу вируса и политизируя меры общественного здравоохранения. И все это при том, что за последнее время ни одна из глобальных проблем (изменение климата, загрязнение окружающей среды, неравенство, гонка вооружений, терроризм) не стала менее сложной и насущной.

Опасный предвестник фашизма — националистический популизм в форме «трампизма» — не остановлен, а лишь ждет перегруппировки для перехода в очередное наступление. Новый лидер национал-популизма не будет таким неуклюжим и уязвимым. Он займет свой пост не столько благодаря удаче, сколько благодаря мастерству. Более уравновешенный и менее дерзкий, чем Трамп, лидер имеет все предпосылки для победы. Мы станем свидетелями того, как популизм с сопутствующим развалом институтов будет прикидываться безальтернативным «веянием времени».

Американская политическая система столкнулась с серьезными проблемами. Речь идет прежде всего о глубоком расколе общества на два непримиримых лагеря и о нарастающей внутрипартийной охлократии. С такой радикализацией политики администрации Байдена будет сложно справиться.

Эти тенденции зародились не вчера. В США последние четыре года можно было наблюдать процессы, ставшие предвестниками сегодняшних событий.

Трамп и его ближайшее окружение сознательно осуществляли своего рода «шокотерапию» для Америки, шантажируя политических оппонентов и граждан, постоянно нагнетая истерию в обществе, чуть ли не ежедневно де-

монстрируя дисфункцию всей действующей политической системы, беспомощность и неэффективность конструкции «сдержек и противовесов». Целью этого «шока» была авторитарная трансформация политической системы, подчинение и оттеснение на задний план Конгресса и судебной власти, дискредитация и уничтожение независимых от сверхкрупного капитала масс-медиа, унижение и тем самым ослабление авторитета и самостоятельности различных элитных групп, включая госчиновников и экспертов, а также превращение в перспективе Республиканской партии в «вертикально интегрированную» жестко авторитарную группировку со значительным влиянием крайне правых и откровенных националистов.

С этим Трамп и пошел на выборы в 2020 году. У него была вполне выразительная позиция: он выступал против глобализации, опирался на традиционную идею этнонационалистического популизма о поддержке государством всеобщего благоденствия, но только для «правильных» людей (не для «недостойных» мигрантов и всяких меньшинств, которые якобы узурпируют эти преимущества), разжигал и без того широко распространенное недоверие к государственным институтам — судам, прессе, Конгрессу, системе выборов... При этом Трамп напрочь забыл о своих популистских обещаниях «простым американцам»: совершенствования национальной инфраструктуры не произошло, рабочие места, ранее ушедшие в Китай, так и не появились. А когда разразилась пандемия, вместо того чтобы воспользоваться случаем и продемонстрировать лидерские качества, сплотить страну во время кризиса, который пришел из Китая, Трамп продолжил заниматься перебранками в твиттере — он даже не понял представившейся возможности, не справился и проиграл.

Тем не менее, несмотря ни на что, Трамп сохраняет свое влияние на республиканского избирателя (77% рес-

публиканцев одобряли его деятельность на посту президента даже после событий в Вашингтоне). В преддверии ноябрьских выборов социологи неоднократно спрашивали избирателей-республиканцев, преданы ли они больше своей партии или самому Трампу. К концу кампании подавляющее большинство республиканцев заявили, что они более лояльны президенту, чем партии. С учетом последних соцопросов это означает, что если Трамп не захочет или не сможет вновь баллотироваться в 2024 году, он вполне сможет выдвинуть и поддержать преемника — лояльного ему конгрессмена или сенатора (каких множество), а может, даже члена своей семьи — сына или дочь, например.

За последние четыре года у Трампа сложились олигархически взаимовыгодные отношения с десятками мегадоноров. Миллиардер Шелдон Адельсон — воротила игорного бизнеса, который в одиночку выделил сотни миллионов долларов на две кампании Трампа, — оставался с президентом-республиканцем буквально до последнего своего вздоха, несмотря ни на что. Только время покажет, продолжат ли остальные связанные с Трампом толстые кошельки поддерживать его самого или его протеже. Этих людей интересует прежде всего снижение налогов и ослабление регулирования. К тому же, как известно, крупный и особенно очень крупный бизнес в конечном счете всегда переходит на сторону государственной диктатуры.

Впрочем, дело уже не в самом Трампе. Если он будет необратимо дискредитирован, а первые годы президентства Байдена окажутся не слишком удачными, чтобы подорвать электоральную базу республиканцев среди правоцентристских и умеренных избирателей, Великая Старая Партия (Great Old Party, сокращенно GOP — неофициальное название республиканцев) выдвинет лидера, который будет активно критиковать Трампа, но при этом поддерживать

и развивать его политику. Подыскать такого кандидата не составит труда. Новый лидер не будет таким неуклюжим и займет свой пост благодаря не столько удаче, сколько мастерству. Более уравновешенный и менее самовлюбленный, чем Трамп, лидер республиканцев имеет все предпосылки для победы.

В свете усиления популизма в политике симпатии американских республиканцев к штурмовавшим Капитолий бунтовщикам не должны никого удивлять. Одним из главных итогов президентства Трампа стал подрыв доверия американцев к институту выборов: свыше 60 млн граждан США допускали, что итоги последних президентских выборов могли быть сфальсифицированы. Недоверие к ключевым институтам, ненависть к элитам и их слабость, нарастание расслоения в обществе и неравенства возможностей — все это проявления надвигающегося кризиса. И дело, конечно, не в особенностях последней президентской кампании в США, в ходе которой значимые вопросы оказались оттеснены даже не на второй, а на пятый план постоянным пережевыванием скандальных подробностей частной жизни кандидатов и темы пандемии. Кризис — в усилении позиций тоталитарного сознания в противовес рациональному.

Стремление вернуться куда-то назад, к прошлым порядкам, просто пересидеть хаос и неопределенность — энтропию в политике — это всего лишь попытка обмануть реальность, которая ни к чему хорошему не ведет. Политический кризис в США, как, впрочем, и во всем мире, не может быть разрешен собственно победой Байдена. Преодоление политической энтропии требует принципиально новых решений.

И прежде всего надо понять, что стоит за деформацией когда-то надежных политических конструкций в США и других западных странах.

В первую очередь это существенное и нарастающее отставание возможностей современного человека от созданных им за последние десятилетия информационно-коммуникационных и цифровых технологий. В частности, это разрастающаяся информационная охлократия: технологические изменения в социально-информационной среде, широко открывшие двери в политику популистам, левым и правым радикалам, которые теперь могут рекрутировать сторонников, минуя предельно ослабшие «ответственные и серьезные» СМИ; популистские праймериз, разрушающие сложившуюся идентичность и осмысленность политических организаций; возможность использования политических и социально-психологических технологий для прямой обработки целевых аудиторий и манипулирования избирателем; снятие прежних политических и моральных табу, барьеров, базировавшихся на традициях, различных фильтров (в том числе денежных) как следствие тотальности использования интернета с его безличностью и анонимностью. Отсюда — все то, что на Западе сегодня называют кризисом либеральной демократии и глобализацией беспорядка.

Наступила новая эпоха, и пытаться жить в ней по-старому — будь то в США под лозунгом „Make America Great Again“ или в России с плутократическим режимом неограниченной личной власти — все равно что идти вперед с повернутой назад головой. Ни к чему, кроме развала, это не приведет — ни в США, ни в России. Однако так же бессмысленно искать причины происходящего в банальном имущественном неравенстве, надеяться решить проблемы цензурой и прямым контролем над крупными технологическими платформами, поисками шпионов и хакеров... Потому что если бороться с последствиями, а не с причинами, то все может закончиться тем же, чем закончилось когда-то для СССР.

Америка после Трампа и событий 6 января уже больше не гегемон, не пример для безусловного подражания и тем более не ментор.

Если США хотят сохранить уважение к себе в мире, то в XXI веке путь к этому необходимо искать через международное сотрудничество и честное партнерство. Следует понимать, что глобализация в будущем возможна не как «игра с нулевой суммой», когда победитель получает все, а лишь как „win-win situation“, то есть ситуация, в которой нет проигравших.

Белому дому придется резко повысить уровень профессионализма и компетентности в мировой политике, извлечь уроки из таких тяжелых ошибок, как война в Ираке, политика в отношении Китая (неспособность выработать разумную политику) и России (утрата понимания), нежелание и неумение помочь Украине, провал во взаимопонимании с Евросоюзом, разрушительный изоляционизм.

Но еще более сложной задачей для новой администрации США станет исправление ситуации внутри страны. Байдену предстоит решать такие проблемы, как, например, низкая эффективность работы правоохранительных органов (как объяснить неспособность огромной американской полицейской машины предотвратить события 6 января в Вашингтоне?), странная уязвимость государства перед хакерскими атаками или провал национальной системы здравоохранения в борьбе с эпидемией коронавируса.

Конечно, при этом принципиально новым вызовом эпохи цифровых технологий станет необходимость преодоления манипулятивного диктата интернет-гигантов и гипертрофированного влияния соцсетей на внутреннюю политику и жизнь, всего того, что ведет к энтропии политических институтов и резкому снижению уровня политических партий.

Глава 7. Put Your House in Order

Для адекватного ответа на современные вызовы нужны ответственная политика, мыслящее гражданское общество, социальная солидарность и доверие, но все это стремительно исчезает из нашей жизни.

Главной задачей для администрации Байдена являются разработка и хотя бы начало практического осуществления реформ, направленных на преодоление глубокого и антагонистического раскола американского общества, сулящего в любой момент гражданские столкновения. Согласно данным за 2018 год, на руках у жителей страны 393 млн единиц оружия, что на 67 млн больше численности населения.

В английском языке очень популярно библейское выражение „Put Your House in Order“ (Исайя, 38:1) (в дословном переводе — «Приведите свой дом в порядок»). И это главное, что должны сделать американцы — как для себя, так и для всего мира, в том числе для России.

Глава 8

Что делать?

Институционализация ценностей

Ценности и выбор

Новые проявления социологических, психологических, экономических законов в мировой общественно-политической жизни приобрели абсолютно беспрецедентные масштабы. Реальность все более определяется процессами распространения четвертой промышленной революции на социально-политическую сферу. Речь идет об информационно-коммуникационных технологиях (ИКТ) нового поколения, связанных с экспансией интернета, а также со сбором и обработкой больших массивов различных данных в цифровом формате, об использовании элементов искусственного интеллекта. Эти технологии, будучи адаптированными для использования в сфере массовых коммуникаций, сделали возможным размывание основ «классической» модели политической организации общества.

Конечно, кризис партийных систем и связанных с ними государственных институтов, противоречия в отношениях власти и общества в ведущих демократических странах назревали не один год. Новые технологии, меняя реалии жизни, ускорили кризисные явления и процессы разруше-

Робер Шуман, один из основателей Европейского союза, Совета Европы и НАТО, представляет план, реализация которого привела к созданию Европейского объединения угля и стали (ЕОУС), предшественника Европейского союза. Париж, Франция, 9 мая 1950 года // European Parliament

ния институтов, в результате чего маргинальные идеи и политики с авторитарными взглядами стали занимать в своих странах гораздо более весомое положение.

Характерная для современного периода «сетевизация» общества [Van Dijk, 2001], сопровождаемая широким распределением механизмов влияния и, соответственно, снижением индивидуальной ответственности, привела к резкому увеличению числа случайных результатов, не связанных с реальным соотношением интересов общественно значимых групп. Появились большие возможности

для странных политических решений, неожиданно получающих поддержку и шанс на реализацию. Представляемая энтузиастами как инструмент демократизации управления, «сетевизация» в реальности привела к его хаотизации и иррационализации.

Происходящее говорит о том, что дезорганизация политики, в частности, партийно-парламентских систем, в ведущих странах Запада не случайная краткосрочная аберрация. Она является закономерным следствием экспансии в политическую сферу новых ИКТ и, следовательно, представляет собой серьезнейший вызов для будущего. Внешне это выглядит как политическая деградация, охватывающая все новые страны на фоне коронавирусного вызова. Однако происходящее вполне может оказаться отражением процесса утверждения новой политической системы в ряде ведущих государств — системы, которая не только не компенсирует разрыв между властью и избирателями, элитами и массами, но, напротив, основывается на непрозрачном контроле над обществом с помощью новых цифровых, коммуникационных и социальных технологий.

К этому добавляются принципиально новые явления в мировой экономической системе, реализующие нарастающую концентрацию информационных и цифровых активов на самом верху экономической пирамиды. Эти процессы, вне всякого сомнения, будут расширяться, и расхождение (а возможно, и конфликт) между «двумя экономикками» станет неотъемлемым явлением в долгосрочной экономической и социальной перспективе.

Новая система пока еще нигде не существует в полном и очевидном виде, однако ее контуры уже наметились. На наших глазах происходит серьезная трансформация информационно-коммуникационной среды, что уже привело к заметным политическим и социальным изменениям, а в средне- и долгосрочной перспективе может иметь еще

более значимые последствия. Есть все основания полагать, что мир действительно не будет прежним. И вовсе не из-за коронавируса.

Человечество ступает на неизведанную социально-политическую территорию, и возможны самые разные и непредсказуемые повороты. Но уже сейчас очевидно: нарастающая информационная охлократия не приведет общество ни к свободе, ни к жизни без страха, ни к уважению к человеку.

Политические, социальные, международные институты пробуксовывают и разрушаются, а перехода в новое качество не происходит. Напротив, становятся все более распространенными такие явления, как авторитаризм, расизм, ксенофобия, коррупция, политические убийства, мракобесие. Все это преподносится в яркой цифровой обертке. При этом важно учитывать, что нарастающие во всем мире недовольство и протест, за некоторыми исключениями, не всплеск архаики, не восстание традиционализма против модерна в общественно-политическом понимании.

Современные люди в большинстве своем не были вырваны из традиционной среды, а уже родились в новом мире, в условиях модернизации — другого мира они не знают. Проблема в другом. Размывается ощущение движения вперед во времени. Утрата представлений о будущем заставляет искать идеалы в мифологизированном прошлом. Кстати говоря, это ничем не отличается от слепой надежды на вымышленное будущее (отрицание прошлого как глубокой архаики; «новый человек», превосходящий *Homo Sapiens*; самоуверенный оптимизм: «будущие поколения разберутся» и т. п.). Оба подхода исключают социальную и политическую субъектность человека, превращают его в раба событий, управлять которыми нельзя, а можно только к ним приспособиться.

В этих условиях главная борьба происходит внутри человека — борьба моделей реакции на окружающий мир, на трудности. Удастся ли человеку преодолеть эти новые болезненные противоречия и преграды, во многом зависит от того, как будут работать социальные и политические институты. Сегодня на первый план выходят:

- необходимость понимания того, что мир един и люди в нем скорее культурно и цивилизационно едины, чем различны;
- важность осознания происходящих процессов и их причин, особое значение понимания элитами (как прежними, так и формирующимися новыми) своей глобальной ответственности — ответственности именно за весь мир, а не за «крепость» западной цивилизации, защищаемой от «орд варваров».

Что можно противопоставить принципиально новым угрозам настоящему и будущему? В общем виде ответ более или менее понятен: необходимо преодолеть кризис государственных, политических, социальных, экономических институтов, качественно перестроить их и превратить технический и технологический прогресс из фактора хаотизации жизни в инструмент созидания. В частности, это касается переориентации сферы использования информационно-коммуникационных и цифровых технологий с контроля над людьми и создания инструментов манипуляций на обеспечение прозрачности, подконтрольности, отчетности власти и крупного бизнеса.

Для этого необходимо прежде всего иное, нежели принятое в последние 50 лет, целеполагание. Если целеполагание сводится к удовлетворению материальных, окоматериальных и эмоциональных потребностей, то, действительно, доминирующим контекстом становится превосходство технологий, алгоритмов, искусственного ин-

теллекта. И уже неважно, превращается ли человек в раба технологий, в ненужную, отработавшую свой ресурс ступень эволюции или в объект приложения алгоритмов, ориентированных на то, чтобы ублажать человека (генерируя при этом бесконечную цепь новых потребностей).

Альтернатива — целеполагание, основанное на ценностях. Однако буквально у нас на глазах происходит распад ориентированных на европейские (общечеловеческие, как их называют) ценности политической и социальной систем. Эти, по сути, христианские ценности после Второй мировой войны были вышиты почти на всех знаменах, написаны в виде лозунгов, они стали идеалом, к которому, в принципе, пытались стремиться многие страны и народы. Однако взаимодействие в современном мире стало глобальным, а ценности, частично воплощенные в развитых демократиях, — нет. Глобализация есть, а глобального общества нет, и никаким принуждением такое общество не создать, что жизнь убедительно доказала.

Сейчас из-за этого фундаментального диссонанса размывается, меняется само ценностное ядро — самосознание европейского мира в его самом широком понимании. Зазор между идеалом и действительностью переходит качественный порог, превращаясь в пропасть. Если ценности декларируются и не реализуются, возникает двоемыслие, «реалполитик» и «реалэкономик». Системы, подобные путинской, так и вырастают из уверенности, что по-другому на самом деле не бывает, что демократия — это имитация и лицемерие, с помощью которых элиты управляют массами.

Для современного мира характерна растущая уверенность в том, что ценностный идеал недостижим. Подвергаются сомнению сами ценности, крепнет убеждение, что никаких общих моральных ориентиров не существует вовсе или же они условны и относительны.

Ценности вообще сравнимы с фундаментальной наукой, которая является основой прогресса, но при этом в глазах обывателя может выглядеть бессмысленной игрушкой.

Мало того, современный политический постмодерн предполагает, что в любой значимой идее есть рациональное зерно: «Давайте это признаем и будем жить дружно». Но дружно не получается. Ведь если рациональное зерно есть и в свободе, и в несвободе, и в демократии, и в фашизме, значит, все моральные ценности относительны. То есть их просто нет. А что есть? Есть предпочтения: «Чего желаете, что вам принести — чай или кофе, правосудие или произвол?» А раз нет безусловных ценностей, то нет и платформы для диалога. И если принципиальный выбор в политике, в экономике низведен до уровня «чай/кофе», то и политическая дискуссия бессмысленна¹⁸. И победит тот, кто отвергает необходимость слушать оппонента, собеседника, отвергает необходимость отвечать ему содержательно, то есть самовлюбленный автократ, сталинист, фашист.

Искусственному наращиванию потребностей в развитой части мира и мировоззренческому релятивизму должна быть противопоставлена (и при этом определена как ключевая политическая цель) институционализация ценностей. Не следует доводить мир до третьей мировой войны, чтобы признать такой подход жизненно необходимым. Если институционализация ценностей будет определена как политическая задача, начнется и реальное движение вперед.

Что же такое институционализация ценностей?

¹⁸ См., например, предвыборные дебаты кандидатов в президенты США Дональда Трампа и Джо Байдена 29 сентября 2020 года [Full Presidential Debate: President Trump and Joe Biden, 2020].

Исходный принцип состоит в том, что люди имеют право на свободу и достоинство просто потому, что они люди. В центре всего должны стоять жизнь человека, его возможности и творчество. И эти цели надо превращать в институты — устойчивые формы организации совместной деятельности людей.

Возвращение к этому не новому и теряющему актуальность принципу диктует необходимость менять критерии оценки дееспособности государственных и общественных институтов. Ценности должны быть не просто лозунгом на фасаде, а основой рабочего механизма, когда построение государственных институтов осуществляется таким образом, чтобы сутью их работы, смыслом их деятельности была реализация на практике фундаментальных ценностей.

Так, если применить ценностные критерии к требованиям протестующих в США, то вместо сокращения финансирования полиции следовало бы добиваться изменения принципов работы и ориентиров правоохранительных органов, чьей реальной целью и показателем эффективности должно стать сохранение жизни и здоровья граждан, независимо от их расы и национальности.

В работе международных организаций ценностным ориентиром должно стать создание равных для всех стран условий в мировой торговле, преодоление дискриминации и монополизма со стороны крупнейших экономик мира, цифровых гигантов и транснациональных компаний.

В мировой экономике институционализация ценностей должна выражаться в постановке таких целей, как преодоление захлебывающегося перепроизводства в странах «золотого миллиарда», реальная институциональная поддержка и постепенное экономическое выравнивание бедных и беднейших стран и континентов. В этом — в принципиальном расширении мировых рынков, институционализации миро-

вой конкуренции, — по существу, состоит главный рецепт, как преодолеть постоянную угрозу очередных финансовых и экономических кризисов глобального масштаба.

В бизнесе речь должна идти в первую очередь о движении к институционализации деловой честности. При этом главным источником доверия должна стать личность предпринимателя, а не его групповая, корпоративная, расовая или национальная принадлежность.

И, конечно, большое поле для институциональной работы — обеспечение равенства возможностей, восстановление социальных лифтов, преодоление тенденции к институционализации обратного, а именно безнадежных социальных разрывов. Создание равных стартовых возможностей должно стать частью деятельности всех экономических и правовых институтов.

Необходима глубокая реформа институтов, а не проповедь (и не основанный на ней внешний контроль). Потому что если за равенство возможностей отвечают проповедник или государство, система будет закономерно сопротивляться, искать пути обхода норм, навязанных извне. Речь не о «духовной составляющей». Дух, не ставший неотъемлемой частью тела, со временем исчезает, выветривается. Концептуальные изменения должны происходить с самими институтами.

Например, к числу важнейших критериев оценки эффективности судебной системы, наряду с неотвратимостью наказания, равенством перед законом и справедливостью, следует отнести милосердие. Если суд немилосерден, значит, он неэффективен, значит, он плохо работает.

А в армии главным принципом должно стать достижение поставленной цели при максимальном сохранении человеческой жизни — как своих солдат, так и противника.

Если оружие (к примеру, массового уничтожения) убивает всех подряд, действует по «ковровому» принципу, то

оно неэффективно. Система контроля над вооружениями последовательно разрушается именно потому, что недопущение ядерной катастрофы перестало быть ультимативной целью, исходящей из безусловного признания ценности человеческой жизни. Вместо этого мы видим, с одной стороны, стремление создать суверенную неуязвимую противоракетную оборону, а с другой — разгорающийся азарт гонки вооружений: «А мы пробьем, обойдем, доставим и победим!» А дальше запускается цепная реакция, разрушающая не только систему контроля над вооружениями, но и все, что делается в направлении нераспространения оружия массового поражения.

Помощь слабым и отстающим в сегодняшней ситуации надо рассматривать не как милосердную подачку нищим с барского стола, а как центральный элемент организации международного сообщества. Очень важная и актуальная составляющая — помощь в доступе к вакцине против коронавируса. Однако на этом фронте как раз происходит обратное: есть запрос, но нет ответа.

Развитый мир должен преодолеть внутренний политический и экономический кризис через институционализацию ценностей, иначе такие понятия, как глобализация и демократия, наполнятся совершенно иными смыслами, идущими из коммунистического Китая (тотальный контроль, освоение новых территорий, экспансия влияния, диктат большинства, унификация мышления и т. п.) и совершенно далекими от ценностной основы европейской цивилизации.

Таким образом, речь идет о сознательной и целенаправленной реконструкции, развитии или создании институтов, способных функционировать в новых условиях. Более внятное в деталях описание предложенного подхода впереди. Однако время не ждет: уже сейчас во многих частях мира среди значительных групп населения критически нарастает дефицит надежды и непрерывно усиливается

ощущение обреченности на непреодолимое неравенство и необратимое отставание. Все это можно определить как потерю будущего.

При построении институтов на основе ценностей можно и нужно опираться на существующий мировой опыт. Так создавался Европейский союз. Он начинался не с общего рынка и не с политико-бюрократических структур, а с идеи прощения и примирения, с осознания равенства и единства европейцев перед лицом беспрецедентной трагедии. Еще один пример институционализации ценностей — политика денацификации Германии и строительство «первого негоббсовского государства»¹⁹, не только принципиально отличного от Третьего рейха, но и преодолевающего само понимание государства как аппарата принуждения.

Для решения столь фундаментальных задач необходимо такое политическое лидерство, у которого прочная нравственная основа и стратегическое видение стоящих перед обществом и миром вызовов совмещаются с эффективностью в осуществлении поставленных на этой основе целей. В числе наиболее ярких представителей такой политики — лидеры, оказавшие значительное влияние как на развитие их собственных стран, так и на мировые процессы: Мартин Лютер Кинг, Нельсон Мандела, Ким Дэ Джун, Вацлав Гавел... Кстати, именно Гавел еще 30 лет назад, выступая в Конгрессе США, сказал: «Без глобальной революции в сфере человеческого сознания невозможны никакие изменения к лучшему в том, что мы собой представляем как люди, и невозможно предотвратить катастрофу, к которой движется мир, — будь то экологическая, социальная, демографическая катастрофа или общий развал нашей цивилизации» [“Havel’s Speech to Congress”, 1990].

¹⁹ Определение литовского философа и публициста Леонидаса Донскиса в одном из диалогов с Зигмунтом Бауманом [Бауман, Донскис, 2019].

Однако речь не о возвращении назад — к некоей точке, где когда-то повернули «не туда». Безусловно, исторические уроки важны, но в истории следует искать не «золотой век», а институциональные зерна, которые надо очищать и выращивать, продвигаясь вперед в совершенно новых условиях. Суть оспариваемого подхода — в замене воли человека «правильно найденным» уравнением, формулой, алгоритмом, технологией. Человек, его жизнь, здоровье и развитие являются центром, смыслом и конечной целью политического действия. Исключение человека из целеполагания обесмысливает политику. Только с человеком в центре политики, только в условиях свободы и творчества, в условиях жизни без страха можно устранить разрыв между людьми и технологиями. Чтобы не технологии манипулировали человеком, а человек управлял технологиями. А для этого нужно видеть в людях граждан и предлагать им интеллектуальный продукт, достойный гражданского общества.

Конечно, в условиях грандиозного информационного фейкового шторма добраться с такого рода предложениями до сознания людей почти невозможно. Чтобы это сделать, надо искать подходящий момент. Время неоднородно: бывают моменты, когда люди оказываются более восприимчивы к новым знаниям. К сожалению, часто это происходит после катастроф, например проигранных войн, или во время резкого ухудшения условий жизни, когда картина мира вдруг меняется и люди не успевают адаптироваться. Тогда в обществе возникают вопросы, которые раньше почти не поднимались. И если пытаться ответить на них предельно честно, ответ иногда может быть услышан.

При этом неизбежно столкновение с современными трендами, такими как алгоритмизация, всеобщая цифровая «оптимизация». Но это, конечно, будет не сопротив-

ление в формате современного луддизма и сноса вышек сотовой связи. Это будет борьба за выбор ориентиров будущего.

Ценностная свобода выбора — главная отличительная черта человека. Настоящий выбор — это выбор между добром и злом, жизнью и нежизнью. Такой выбор делается на основе моральных критериев. И тот, кто не пользуется этим выбором, не пользуется и моральными принципами. В свою очередь, моральные принципы, которыми не пользуются, отмирают. Человечество же не может жить без ценностей и принципов, особенно в эпоху высоких технологий, глобализации. Когда-то Холокост показал, что технологичная и рациональная цивилизация, лишенная моральных принципов, может привести к вселенской катастрофе и превратить людей в исчадия ада. Современные технологии и механизмы глобализации могут мгновенно разнести по всем странам и любой вирус, и идеи постмодерна, и самые дикие суеверия. То есть чем совершеннее технологии, тем серьезнее негативные последствия пренебрежения ценностями и принципами.

Утрата ценностей и смыслов в современной жизни является следствием почти добровольного отказа от свободы выбора. Жизненно важно вернуть эту тему в политический дискурс. В конце концов, самое страшное — это не Путин, не его генералы, коррупционеры и ОМОН. Самое страшное — это то, что происходит с личностью человека, когда он отказывается от свободы выбора.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Более десяти лет назад, когда в книге „Realeconomik“ был поставлен вопрос о ценностной природе углубляющегося кризиса, многие экономисты и политики высокомерно отмахивались от разговора о моральной эрозии и изменении сути капитализма как причине глобальной рецессии. Теперь говорить о морали стало даже модно. О необходимости возврата к понятиям общего блага и нравственных критериев в экономике пишут авторитетные экономисты, общественные деятели. Однако очень много времени упущено. За минувшее десятилетие сформировалась сложная и весьма противоречивая социальная и политическая реальность.

Если мы хотим остановить сползание в хаос и разрушение фундаментальных основ общества и государства, необходимо вырабатывать юридико-правовые нормы на основе гуманистических ценностей с целью закрепления этих норм в качестве законов, правил и постоянно повторяющихся практик. На основе этих норм должны формироваться организации и учреждения, приниматься решения всех уровней, с тем чтобы в итоге появились устойчивые формы функционирования такого общества, в котором не будет ничего более ценного, чем человеческая жизнь, уважение к личности, свобода, милосердие и справедливость. В сложившихся условиях это самое прагматичное направление мысли и действия, можно сказать, строго инженерное решение, указывающее на элемент, без которого вся

конструкция социального устройства, сформировавшегося за несколько столетий с начала Нового времени, так или иначе рухнет.

И здесь большое значение для успеха будет иметь восприятие мира как единого взаимосвязанного целого, а не набора «суверенных» зон и территорий. Особенно важно осознание единства Большой Европы, включающей Россию и постсоветское пространство.

Таким образом современный человек сможет снова обрести потерянное будущее, «догнать» технику и технологию. Не высокотехнологичные достижения будут манипулировать человеком, а человек будет использовать их, развивать, соединять с другими элементами нашего сложного мира, сохранить который наша общая задача.

Для России рассматриваемые в этой книге проблемы более чем актуальны, поскольку сегодня отказ от демократических правил и ценностей, подкрепленный ссылками на кризисные явления на Западе, стал едва ли не центральной темой в идеологии авторитарного режима Владимира Путина.

Однако это путь, которого нет. Преодоление безысходности и обретение жизненной перспективы для России прямо связано со способностью создавать институты, основанные на уважении к человеку, его свободе и приоритете ценностей гуманизма и справедливости.

Исходя из того, что мир сейчас находится во власти четвертой промышленной революции, социально-политические последствия которой еще далеко не осознаны, эта книга — попытка проанализировать происходящее, понять причины и нащупать путь к сохранению человеческой свободы и современной демократии как формы реализации этой свободы и в итоге — к лучшему миру, более инклюзивному, более справедливому и более уважительному к человеку и природе.

Заключение

Иногда говорят, что, возможно, одним из позитивных вариантов развития человечества является расширение сотрудничества как на внутринациональном, так и на международном уровне, понимая под сотрудничеством намерение действовать вместе для достижения общей цели. Но для этого только технологий недостаточно. Нужны общие ценности и соответствующие практические действия.

Если не искать решения этой задачи, все не просто останется как есть, но неизбежно приведет к столкновению с надвигающимися проблемами, которые могут иметь более серьезные последствия, чем мы до сих пор позволяли себе думать.

Список литературы

Адам Кертис о «гипернормализации» и о том, чем ему интересен Владислав Сурков. (2016). Русская служба BBC. 5 ноября 2016. Доступ: www.bbc.com/russian/features-37840025 (проверено 14.05.2021).

Аттали Ж. (2014). Краткая история будущего. Питер. 288 с.

Бауман З. (2010). Актуальность холокоста. М.: Европа. 316 с.

Бауман З., Донскис Л. (2019). Текущее зло. СПб., Издательство Ивана Лимбаха. 296 с.

Бауман З. (2019). Ретротопия. ВЦИОМ. 160 с.

Выступление Владимира Путина на закрытии Делового форума БРИКС. (2019). Президент России, ноябрь 2019. Доступ: <http://kremlin.ru/events/president/news/62040> (проверено 14.05.2021).

Гонтмахер Е. (2019). Базовый (безусловный) доход: политэкономический аспект. Экономическая политика. Т. 14, № 3. С. 70–79.

Козлов Д. В. (2017). Массовое политическое поведение в современной России в свете концепции ресентимента. Полис. Политические исследования. № 1. С. 85–98. DOI: <https://doi.org/10.17976/jpps/2017.01.08>.

Майер-Шёнберг В., Кукьер К. (2013). Большие данные. М., Манн, Иванов и Фарбер. 240 с.

Медушевский А. Н. (2020). Переход России к конституционной диктатуре: размышления о значении реформы 2020 года. Сравнительное конституционное обозрение. № 3 (136), 2020.

Ницше Ф. (1990). К генеалогии морали. Ницше Ф. Сочинения. В 2 т. Т. 2. М.: Мысль. С. 407–524.

Медушевский А. Н. (2019). Веймарская Америка: политическая дискуссия о причинах упадка великой демократии. Полития. № 3, 2019. С. 128–155.

Меркель заявила, что ЕС больше не может полагаться на других. 2017. РИА Новости. 28.05.2017. Доступ: <https://ria.ru/world/20170528/1495255714.html> (проверено 14.05.2021).

Список литературы

Полтерович В. М. (2016). Позитивное сотрудничество: факторы и механизмы эволюции. Вопросы экономики. № 11. С. 5–23.

Полтерович В. М. (2018). К общей теории социально-экономического развития. Часть 2. Эволюция механизмов координации. Вопросы экономики. № 12. С. 77–102.

Полтерович В. М. (2020). Кризис институтов политической конкуренции, интернет и коллаборативная демократия. Вопросы экономики. № 1, 2021. С. 52–72.

Родрик Д. (2020). Новые фирмы для новой эпохи. Project Syndicate. 12 февраля 2020. Доступ: www.project-syndicate.org/commentary/corporate-governance-reforms-must-empower-workers-and-communities-by-dani-rodrik-2020-02/russian?barrier=accesspaylog (проверено 14.05.2021).

Ухтомский А.А. (2002). Доминанта. СПб.: Питер. 448 с.

Хайек Ф. А. (1992). Пагубная самонадеянность. Ошибки социализма / Пер. с нем. Е. Осиновой. М.: «Новости» при участии Catallaxy. 304 с.

Шелер М. (1999). Ресентимент в структуре моралей. СПб.: Наука, Университетская книга. 231 с.

Эксперты UBS Securities и J. P. Morgan заявили об отсутствии угрозы рецессии в мире в 2019 году. (2018). Интерфакс. 10 декабря 2018. Доступ: www.interfax.ru/business/641551 (проверено 14.05.2021).

Явлинский Г. А. (2014). Рецессия капитализма. Скрытые причины. Издательский дом Высшей школы экономики. М., 184 с.

Явлинский Г. А. (2015). Периферийный авторитаризм. Как и куда пришла Россия. М.: Медиум. 261 с.

Явлинский Г. А. (2019а). Повторение пройденного. Предчувствие кризиса. Официальный сайт Григория Явлинского. Январь 2019. Доступ: www.yavlinsky.ru/crisis/ (проверено 14.05.2021).

Явлинский Г. А. (2019b). Активизм и политика. Официальный сайт Григория Явлинского. 21 октября 2019. Доступ: www.yavlinsky.ru/article/aktivizm-i-politika/ (проверено 14.05.2021).

Явлинский Г. А. (2020). Цифровая опасность. Официальный сайт Григория Явлинского. 27 апреля 2020. Доступ: www.yavlinsky.ru/article/tsifrovaya-opasnost/ (проверено 14.05.2021).

Deutsche Bank предсказал наступление глобальной эпохи беспорядка. (2020). РБК. 10 сентября 2020. Доступ: www.rbc.ru/economics/10/09/2020/5f58bf2b9a79476bc3680133 (проверено 14.05.2021).

QAnon. Википедия. Доступ: <https://ru.wikipedia.org/wiki/QAnon> (проверено 14.05.2021).

Acemoglu D., Restrepo P. (2017). Robots and Jobs: Evidence from US Labor Markets (March 2017). The National Bureau of Economic Research / NBER Working Paper. No. w23285.

Acemoglu D., Robinson J. (2019). THE NARROW CORRIDOR States, Societies and the Fate of Liberty. Penguin Books Ltd. 567 p.

Allison G. (2017). Destined for War: Can America and China Escape Thucydides's Trap? Houghton Mifflin Harcourt. 389 p.

Alvaredo, F., Chancel, L., Piketty, T., Saez, E. and Zucman, G. (2018). World Inequality Report 2018, Paris, World Inequality Lab. 16 p.

Amazon secures record low borrowing costs. (2020). Financial Times. June 1, 2020. Available at: www.ft.com/content/a5b6138b-df18-497f-bed1-57a0f75bfc1f (accessed: 14.05.2021).

The antidote to civilisational collapse. An interview with the documentary filmmaker Adam Curtis. (2018) The Economist, December 6, 2018. Available at: www.economist.com/open-future/2018/12/06/the-antidote-to-civilisational-collapse (accessed: 14.05.2021).

Applebaum A. (2020). Twilight of Democracy. Doubleday; 224 p.

As COVID-19 financial crisis wages on, some economists warn of a divergent 'K-shaped' economic recovery (2020). ABC News. July 16, 2020. Available at: www.imf.org/external/pubs/ft/fandd/2020/09/COVID19-and-global-inequality-joseph-stiglitz.htm (accessed: 14.05.2021).

Bebchuk L. A., Tallarita R. (2020). The Illusory Promise of Stakeholder Governance. Cornell Law Review. Vol. 106, 2020, pp. 91–178.

Billionaire Bond Guru Dalio Says Conflict Gauge Is at Highest Since WWII. (2018). Bloomberg. December 15, 2018. Available at: www.bloomberg.com/news/articles/2018-12-15/bridgewater-s-dalio-says-conflict-gauge-is-highest-since-wwii (accessed: 14.05.2021).

Brown G. (2018). The world is sleepwalking into a financial crisis. The Guardian, September 12, 2018. Available at: www.theguardian.com/politics/2018/sep/12/we-are-in-danger-of-sleepwalking-into-a-crisis-gordon-brown (accessed: 14.05.2021).

Carney M. (2021). Values: Building a Better World for All. Signal books. 608 p.

Carreyrou J. (2018). Bad Blood: Secrets and Lies in a Silicon Valley Startup. Knopf, 2018. 352 p.

Chancel L. (2020). Unsustainable Inequalities. Harvard University Press. 184 p.

Collier P. (2018). The Future of Capitalism. Harper. 256 p.

Список литературы

- Curtis A.** (2002). The Century of Self. YouTube. Available at: www.youtube.com/watch?v=eJ3RzGoQC4s (accessed 14.05.2021).
- Curtis A.** (2007). The Trap What Happened to Our Dream of Freedom. ThoughtMaybe. Available at: <https://thoughtmaybe.com/the-trap/> (accessed: 14.05.2021).
- Dallo R.** (2018). Economy looks like 1937 and a downturn is coming in about two years. Business Insider. September 18, 2018. Available at: www.businessinsider.com/ray-dallo-bridgewater-debt-crisis-downturn-coming-about-two-years-2018-9 (accessed: 14.05.2021).
- Dallo R.** (2019). Why and How Capitalism Needs to Be Reformed. LinkedIn. April 2019. Available at: www.linkedin.com/pulse/why-how-capitalism-needs-reformed-parts-1-2-ray-dallo/ (accessed: 14.05.2021).
- Daly T. G.** (2017). Democratic Decay in “Keystone” Democracies: The Real Threat to Global Constitutionalism? I-CONNECT. May 10, 2017. Available at: www.iconnectblog.com/2017/05/democratic-decay-in-keystone-democracies-the-real-threat-to-global-constitutionalism-i-connect-column/ (accessed: 14.05.2021).
- The Financial Crisis Inquiry Report. (2011). Stanford Law School. Available at: https://fcic-static.law.stanford.edu/cdn_media/fcic-reports/fcic_final_report_full.pdf (accessed: 14.05.2021).
- Foer F.** (2017). World Without Mind: The Existential Threat of Big Tech. Penguin Publishing Group. 272 p.
- Former Google CEO predicts the internet will split in two — and one part will be led by China. (2018). CNBC, September 20, 2018. Available at: www.cnbc.com/2018/09/20/eric-schmidt-ex-google-ceo-predicts-internet-split-china.html (accessed: 14.05.2021)
- Foa R. S., Mounk Y.** (2017). The signs of deconsolidation. Journal of Democracy, 2017. Vol. 28, no. 1, pp. 5–16.
- Friedman M.** (1970). A Friedman doctrine. The Social Responsibility Of Business Is to Increase Its Profits. The New York Times. September 13, 1970. Available at: www.nytimes.com/1970/09/13/archives/a-friedman-doctrine-the-social-responsibility-of-business-is-to.html (accessed: 14.05.2021).
- Friedman T. L.** (2019). China Deserves Donald Trump. New York Times, May 21, 2019. Available at: www.nytimes.com/2019/05/21/opinion/china-trump-trade.html (accessed: 14.05.2021).
- Full Presidential Debate: President Trump and Joe Biden. (2020). YouTube. September 30, 2020. Available at: www.youtube.com/watch?v=yW8nIA33-zY (accessed: 14.05.2020).
- Gálvez J. P.** (2017). Democracy in Times of Ochlocracy. Synthesis philosophica. 2017. Vol. 63, no. 1, pp. 167–178.

Gapper J., Palmer M. (2018). Europe plays catch-up in digital innovation. The Financial Times, November 21, 2018. Available at: www.ft.com/content/02287b86-ad37-11e8-8253-48106866cd8a (accessed: 14.05.2021)

Harari Y.N. (2016). Homo Deus: a brief history of tomorrow. HarperCollins. 448 p.

Harari Y.N. (2020). Read Yuval Harari's blistering warning to Davos in full. WEF, January 24, 2020. Available at: www.weforum.org/agenda/2020/01/yuval-harari-warning-davos-speech-future-predictions/ (accessed: 14.05.2021).

Hill W. H. (2018). No Place for Russia: European Security Institutions Since 1989. Columbia University Press. 536p.

Havel's Speech to Congress. (1990). The Washington Post. February 22, 1990. Available at: www.washingtonpost.com/archive/politics/1990/02/22/text-of-havels-speech-to-congress/ (accessed: 14.05.2021).

Hold the catch-up. 2014. The Economist. 12.09.2014. Available at: www.economist.com/news/leaders/21616951-incomes-developing-world-are-no-longer-speeding-toward-those-rich-hold-catch-up (accessed: 14.05.2021).

How to Keep the Lights On in Democracies: An Open Letter of Concern by Scholars of Authoritarianism. (2020). The New Fascism Syllabus. October 31, 2020. Available at: <http://newfascismsyllabus.com/news-and-announcements/an-open-letter-of-concern-by-scholars-of-authoritarianism/> (accessed: 14.05.2021).

How the Coronavirus Pandemic Will Permanently Expand Government Powers. Ten leading global thinkers on an expansion of government powers. (2020). Foreign Policy, May 16, 2020. Available at: <https://foreignpolicy.com/2020/05/16/future-government-powers-coronavirus-pandemic/> (accessed: 14.05.2021).

How covid-19 exacerbates inequality. (2020). The Economist, March 26, 2020. Available at: www.economist.com/britain/2020/03/26/how-covid-19-exacerbates-inequality (accessed: 14.05.2021).

How false claims about 5G health risks spread into the mainstream. (2020). The Guardian. April 7, 2020. Available at: theguardian.com/technology/2020/apr/07/how-false-claims-about-5g-health-risks-spread-into-the-mainstream (accessed: 14.05.2021).

Jay S., Batruch A., Jetten J., McGarty C., Muldoon O.T. (2018). Economic inequality and the rise of far-right populism: A social psychological analysis. Journal of Community and Applied Social Psychology, 2019. Vol. 29, no. 5, pp. 418–428.

Jungherr A., Schroeder R., Stier S. (2019). Digital Media and the Surge of Political Outsiders: Explaining the Success of Political Challengers in the United States, Germany, and China. Social Media+Society, July-September, 2019, pp. 1–12. <https://doi.org/10.1177/2056305119875439>.

Список литературы

- Krastev I., Holmes S.** (2019). The light that failed. A reckoning. Allen Lane. 256 p.
- Levinson S.** (2020). "Constitutional Dictatorship" and the Iron Cage of the U.S. Constitution. Balkanization. January 6, 2020. Available at: <https://balkin.blogspot.com/2020/01/constitutional-dictatorship-and-iron.html> (accessed: 14.05.2021).
- McLuhan M.** (2001). Understanding Media. L., N.Y.: Routledge. 400 p.
- Milanovic B.** (2016). Global inequality: a new approach for the age of globalization. Belknap Press: An Imprint of Harvard University Press. 320 p.
- Mishra P.** (2017). Age of Anger: A History of the Present. N.Y.: Penguin Books. 412 p.
- Morozov E.** (2014). To Save Everything, Click Here: The Folly of Technological Solutionism. PublicAffairs. 432 p.
- Nash J.F.** (1951). Non-cooperative Games. Annals of Mathematics. Vol. 54, no. 2, September 1951, pp. 286–295. DOI: 10.2307/1969529.
- New Yahoo News/YouGov poll shows coronavirus conspiracy theories spreading on the right may hamper vaccine efforts. (2020). Yahoo!News. May 22, 2020. Available at: <https://news.yahoo.com/new-yahoo-news-you-gov-poll-shows-coronavirus-conspiracy-theories-spreading-on-the-right-may-hamper-vaccine-efforts-152843610.html> (accessed: 14.05.2021).
- Payne K.** (2017). The Broken Ladder: How Inequality Affects the Way We Think, Live, and Die. Viking. 256 p.
- Piketty T.** (2020). Capital and Ideology. Belknap Press. 1104 p.
- A QAnon supporter is (almost definitely) heading to Congress. (2020). The New York Times. August 12, 2020. Available at: www.nytimes.com/2020/08/12/us/politics/a-qanon-supporter-is-almost-definitely-heading-to-congress.html (accessed: 14.05.2021).
- Ruggie J.** (2020). The Paradox of Corporate Globalization: Disembedding and Reembedding Governing Norms. Harvard Kennedy School. August 2020. Available at: www.hks.harvard.edu/publications/paradox-corporate-globalization-disembedding-and-reembedding-governing-norms (accessed: 14.05.2021).
- Schwab K., Malleret T.** (2020). COVID - 19: The Great Reset. WEF Publishing. 280 p.
- Shafik M.** (2021). What We Owe Each Other: A New Social Contract. Bodley Head. 256 p.
- Spence M.** (2020). Winners and Losers of the Pandemic Economy. Project Syndicate. August 2020. Available at: www.project-syndicate.org/commentary/pandemic-economy-is-good-for-intangibles-bad-for-labor-by-michael-spence-2020-08?barrier=accesspaylog (accessed: 14.05.2021)

Spohr K. (2019). *Post Wall, Post Square: Rebuilding the World after 1989*. William Collins. 768 p.

Starrett City officially sold for \$905 million, providing a profit for Trump (2018). *The Business Journal*, May 2018. Available at: www.bizjournals.com/newyork/news/2018/05/09/starrett-city-sells-giving-trump-a-profit.html (accessed: 14.05.2021).

Stiglitz J. (2020). *Conquering the Great Divide*. IMF Finance & Development. Fall 2020. Available at: <https://www.imf.org/external/pubs/ft/fandd/2020/09/COVID19-and-global-inequality-joseph-stiglitz.htm> (accessed: 14.05.2021).

Stock Market Warns Workers That They're the Problem for Business. (2020). Bloomberg. August 25, 2020. Available at: www.bloomberg.com/news/articles/2020-08-25/stock-market-warns-workers-that-they-re-the-problem-for-business?sref=nfHgq2jO (accessed: 14.05.2021).

Tarunabh K. (2019). *Killing a Constitution with a Thousand Cuts: Executive Aggrandizement and Party-State Fusion in India*. *Law and Ethics of Human Rights*. Vol. 14, no.1, 2020, pp. 49–95.

Thatcher M. (1987). Margaret Thatcher. Interview for *Woman's Own*. Thatcher Archive (THCR 5/2/262): COI transcript.

Tillyris D. (2019). Political realism and dirty hands: value pluralism, moral conflict and public ethics. *Philosophia*. Vol. 47, 2019, pp. 1–24.

US GDP contracted by a record-shattering 32.9% pace last quarter. (2020). ABC News. July 30, 2020. Available at: <https://abcnews.go.com/Business/us-gdp-contracted-record-329-pace-quarter/story?id=72073336> (accessed: 14.05.2021).

Van Dijk J. (2001). *De Netwerkmatschappij. Sociale aspecten van nieuwe media*. Alphen aan den Rijn; Samsom. 310 p.

Waldman P., Chapman L., Robertson J. (2018). *Palantir Knows Everything About You*. Bloomberg, April 19, 2018. Available at: www.bloomberg.com/features/2018-palantir-peter-thiel/ (accessed: 14.05.2021).

Why Donald Trump will serve out his remaining term in office. (2021). *The Economist*. January 8, 2021. Available at: www.economist.com/united-states/2021/01/08/why-donald-trump-will-serve-out-his-remaining-term-in-office (accessed: 14.05.2021).

Why the stock market is divorced from the pain of a pandemic economy. (2020). ABC News. August 15, 2020. Available at: <https://abcnews.go.com/Business/stock-market-divorced-pain-pandemic-economy/story?id=72325808> (accessed: 14.05.2021).

Wolf M. (2019). The age of the elected despot is here. People want to believe a powerful and charismatic leader is on their side in an unjust world. *The Financial Times*, April 23, 2019. Available at: www.ft.com/content/9198533e-6521-11e9-a79d-04f350474d62 (accessed: 14.05.2021).

Wolf M. (2020). There Is a Direct Line from Milton Friedman to Donald Trump's Assault on Democracy. Promarket. October 4, 2020. Available at: <https://promarket.org/2020/10/04/milton-friedman-donald-trump-assault-on-democracy-corporations/> (accessed: 14.05.2021).

Yavlinsky G., Kogan-Yasny V. (2007). Resurrecting Dostoevsky's dictum: why Russia and Europe need each other. Europe's world. Summer, no. 6, 2007, pp. 28–36.

Yavlinsky G. (2011). Realekonomik. The Hidden Cause of the Great Recession (And How to Avert the Next One). L., New Haven: Yale University Press. 166 p.

Yavlinsky G. (2019). The Putin system. An opposing view. Columbia University press. 231 p.

Григорий Алексеевич Явлинский

ПОЛИТИЧЕСКАЯ ЭНТРОПИЯ

Цифровые технологии и глобализация беспорядка

Подписано в печать 15.07.2021
Формат 84x108/32. Печать офсетная.
Гарнитура Franklin Gothic Normal (ITC)
Усл. печ. л. 10,0
Тираж 500 экз.

Издание отпечатано в типографии
ООО «Галлея-Принт»
111024, Москва, 5-я Кабельная ул., 2-б